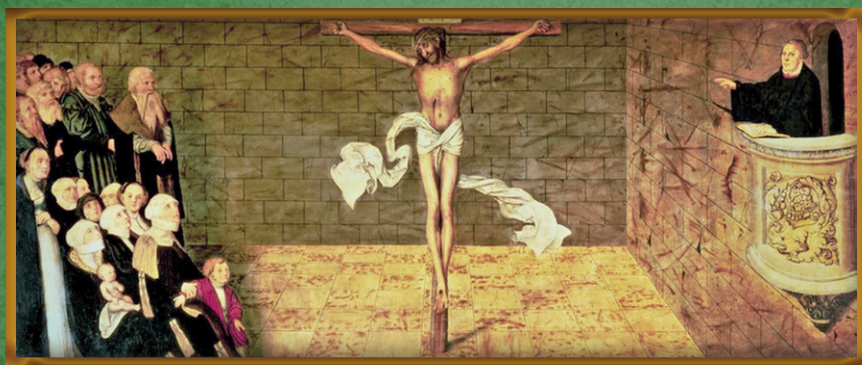

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ

Теологические принципы проповеди

Учебное пособие

Йохан Сильерс

Аннес Нел

Все права защищены. Данная книга является изданием с открытым доступом. Разрешается использование, распространение и адаптация ее материалов при соблюдении следующих условий: должно быть соответствующее упоминание оригинальной работы, правообладателя и создателя, а также надлежащее указание любых изменений, внесенных в текст; данное произведение или любая его адаптация не могут быть использованы, распространены или воспроизведены в любом формате и любыми средствами в коммерческих целях.

Были предприняты все усилия для защиты интересов правообладателей путем размещения ссылок и указания авторства используемых материалов. В случае непреднамеренного нарушения автор приносит свои извинения и обязуется исправить упущения или ошибки в случае переиздания.

Йохан Сильерс, Аннес Нел. Живой голос Евангелия. Теологические принципы проповеди: Учеб. пособие / Пер. с англ. О. Нел. – СПб, 2025. – 290 с.

Это учебное пособие основано на работе Йохана Сильерса «The four voices of the gospel: revisiting the basic principles of preaching», (SUN Press: Stellenbosch. – 2004) и моих размышлениях об основах теологии и герменевтики, используемых при подготовке проповедей.

Йохан Сильерс – всемирно известный ученый в области гомилетики. Он написал более 40 книг и множество научных статей за время своей академической карьеры профессора гомилетики в университете Стелленбоша в ЮАР.

Я всегда восхищался особенной креативностью и теологической глубиной мысли Сильерса и очень признателен ему за то, что он дал разрешение использовать одну из его книг в качестве основы для данного издания. В нем изучаются четыре голоса, звучащие в проповеди, а именно: голос Бога, библейского текста, общины и проповедника. Их сочетание и взаимодействие имеют большое значение в процессе ее подготовки. Правильный баланс и понимание природы этих голосов не допустят перекоса в сторону законничества. Это пособие также раскрывает структуру законнической проповеди, подчеркивая ее опасность, и дает рекомендации, как лучше передавать благую весть о благодати Божьей и ответственности человека.

Мы молимся о том, чтобы это издание на русском языке помогло улучшить качество проповедования, чтобы имя Бога было прославлено.

Аннес Нел

9 июля 2025 г.

*Автор-составитель А. Нел
Перевод с английского О. Нел*

Санкт-Петербург, 2025

Содержание

ГЛАВА 1

ТАЙНА ПРОПОВЕДОВАНИЯ:

СЛИЯНИЕ ГОЛОСОВ ЗА КАФЕДРОЙ	6
1. Посещение художественной галереи.....	6
2. Определение проповедования: слияние голосов за кафедрой.....	8
2.1 Слияние голосов как дар Святого Духа.....	13
2.2 Перекос в интеграции голосов как теологическая дезинтеграция	14
2.3 Голос как динамичный феномен.....	14

ГЛАВА 2

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ:

КОГДА БОГ, ПРИСУТСТВУЮЩИЙ, ГОВОРИТ	18
1. Почему мы ходим в церковь?.....	18
2. Как человеку говорить о Боге так, чтобы Он Сам говорил?.....	19
2.1 Осознание того, с Кем мы имеем дело.....	19
2.2 Осознание того, что мы свободны.....	20
2.3 Осознание того, что Бог присутствует и действует.....	20
3. Кто этот Бог, от имени Которого мы говорим?.....	26
3.1 Тот, Кто был, есть и будет.....	26
3.2 Когда Бог говорит, мы слышим Евангелие спасения.....	28
4. Характеристики проповеди о спасении.....	29
4.1 Суть проповеди о спасении: ничего, кроме Христа.....	29
4.2 И слово о Боге... ..	30
4.3 И слово Бога... ..	32
4.4 ...Из человеческих уст... ..	35
4.5 ...И благодаря Святому Духу.....	35
5. Представление Бога с кафедры.....	36
5.1 Посмотрите внимательно – что вы видите?.....	36

5.2 Посмотреть с другой перспективы.....	38
5.3 Видеть Бога – указывать на Бога!.....	38
6. Устранение Бога с кафедры.....	39
6.1 Полуправда – это всегда ложь.....	39
6.2 Яд законничества и морализма.....	42
6.2.1 Мы активируем действия Бога.....	43
6.2.2 Бог заменяется религиозным потенциалом личности.....	45
6.2.3. Бог действовал в прошлом, но Его действия в настоящем и будущем зависят от нас.....	46
6.2.4 Устранение Бога человеческой моралью.....	49
6.2.5 Нет будущего без действий человека.....	51
ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ 1: «Только Иисус» (Мк. 9:2-8).....	53
Задания.....	58

ГЛАВА 3

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ:

КОГДА ГОВОРIT БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ	59
1. Многомерность Священного Писания.....	59
2. Человеческий характер Священного Писания.....	63
3. Божественность Священного Писания.....	65
4. Уникальное послание Священного Писания.....	67
5. Влияние на проповедь.....	73
6. Секрет проповеди: слушать голос текста.....	77
6.1 Жанр текста: источник для творческой проповеди.....	81
6.2 Христологическая проповедь: взаимосвязь между Ветхим и Новым Заветом.....	96
6.3 Христологическая проповедь: индикатив и императив.....	102
6.3.1 Христологическая проповедь: закон и Евангелие.....	104
6.4 Христологическая проповедь: возможные ошибки.....	107
6.4.1 Типология, аллегория, спиритуализация и фундаментализм.....	109

ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ 2: «... так и слово Моё, которое исходит из уст Моих,..» (Ис. 55:11).....	132
Задания.....	137

ГЛАВА 4

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ:

КОГДА ГОВОРIT СОБРАНИЕ.....138

1. Влияние мировоззрения на проповедование.....	138
2. Согласованность с собранием.....	142
3. Собрание: носитель и защитник истины.....	143
4. Знакомьтесь со своим собранием.....	148
4.1 Заранее узнавая и исследуя свою аудиторию.....	148
4.2 Получая обратную связь от своей аудитории.....	152
4.3 Предвосхищая внутренние диалоги своей аудитории.....	158
5.1 Контурсы контекстуализации проповеди.....	162
5.2 Три герменевтические традиции проповедования.....	169
5. Контекстуализация проповеди.....	159
6. Каков ваш контекст?.....	172
6.1 Проповедь греха и покаяния.....	173
6.2 Проповедь освящения жизни.....	175
7. Внеконтекстная проповедь: человек в центре.....	183
7.1 Облагораживание религиозного человека.....	183
7.2 Движение к интрапсихическому.....	188
7.3 Законничество и реальность.....	189
7.4 Одухотворение (спиритуализация) Евангелия.....	190

ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ 3: «Может ли церковь преклонить колени?» (Ин. 13:1-17).....	195
Задания.....	199

ГЛАВА 5

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ:

КОГДА ГОВОРIT ПРОПОВЕДНИК.....200

1. Секрет проповеди: Божье слово человеческими устами.....	200
2. Малое «я» на службе у великого «Я».....	200
3. Целостность отношений проповедника.....	207
4. Без молитвы вы не можете проповедовать.....	210

5. Добродетельное существование проповедника.....	213
6. Это Дух вместе с нами.....	218
7. Дух делает нас творческими... но как?.....	221
7.1 Взгляд с высоты птичьего полета на историю творчества	221
7.2 Чему мы можем научиться из этой истории?.....	228
8. В чем заключается суть творчества?.....	229
8.1 Творчество – это то, что «случается» с вами.....	230
8.2 Творчество – это также то, чему вы должны «научиться».....	231
8.2.1 Четыре этапа творческого процесса.....	232
9. Проповедь как воображение.....	240
9.1 Мозг и образы: нейро-когнитивная интеграция.....	242
9.2 Библия как Книга образов.....	244
9.3 Работа образов.....	250
9.4 Проповедь как новое воображение реальности: несколько рекомендаций.....	252
9.5. Использование историй в проповеди.....	254
10. Примеры проповедей, содержащих неудачное (моралистическое) функционирование проповедников.....	259
10.1 Смещение авторитета.....	260
10.2 Герменевтика «я».....	62
10.3 Проповедник становится одиноким.....	264
10.4 Сокрушенный авторитет.....	264
ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ 4: «Вот Агнец Божий...!» (Ин. 1:19-34).....	267
Задания.....	272
Библиография.....	273

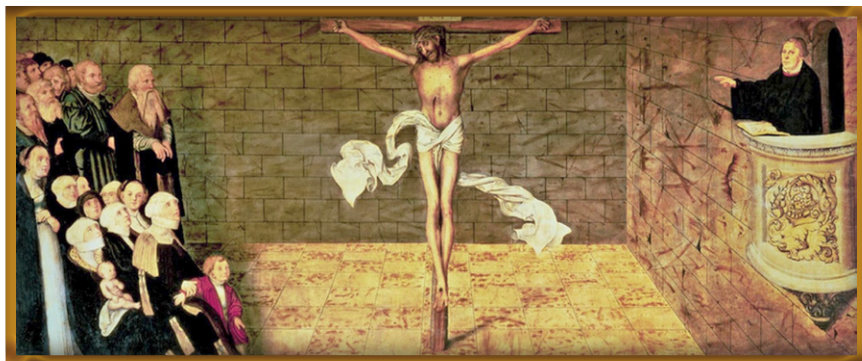
ГЛАВА 1

ТАЙНА ПРОПОВЕДОВАНИЯ: СЛИЯНИЕ ГОЛОСОВ ЗА КАФЕДРОЙ

1. Посещение художественной галереи

В данном случае художественная галерея – это церковь, известная Стадкирхе в Виттенберге, Германия, где мы находим увлекательную алтарную композицию, написанную Лукасом Кранахом (Старшим) в 1565 году. На ней наше внимание привлекает Мартин Лютер во время проповеди.

Здесь можно увидеть все элементы, которые составляют проповедование – и если только один из них отсутствует, даже сейчас, в начале третьего тысячелетия, не может быть никакой проповеди, по крайней мере, в классическом христианском понимании этого слова.

- Первый элемент, он также является центром картины – **Христос распятый**. То, как ткань обвита вокруг Него – словно развевается на ветру – намекает на чудо воскресения. Сила воскресения уже оказывает свое воздействие на тело Иисуса, потому что Распятый есть Воскресший, так же как Воскресший есть Распятый. На мой взгляд, это иллюстрирует две основные идеи проповеди, а именно:

- Проповедь Евангелия всегда является спасительным актом Бога, с фокусом на Христе, Распятом и Воскресшем.
- Тот, Чье Имя произносится в проповеди, на самом деле присутствует на ней.

- Второй элемент проповедования, изображенный на картине, – это **открытая Библия** перед проповедующим Лютером. Сейчас, в наше время, эта картина все еще актуальна. Всегда найдется проповедник, свидетельствующий о присутствии живого Бога, и черпающий вдохновение из Библии. Если её убрать из картины, то никакой проповеди быть не может.

Но, конечно, это подразумевает, что Библия функционирует должным образом. Тот, на Ком фокус, – это Тот, о Ком свидетельствуют Священные Писания. Без Духа буква мертва; Дух действительно вдыхает жизнь в букву, эту конкретную букву, которую мы называем Священным Писанием (2 Кор. 3:6). Без этой буквы, через которую действует Святой Дух, проповедь была бы немыслима и невозможна.

- Третьим элементом проповедования на этой картине является **церковная община**. Взоры людей (в первую очередь) устремлены не на проповедника, а на распятого и воскресшего Христа. Здесь изображена реальная община, состоящая не из вымышленных или идеализированных персонажей, а из людей, принадлежащих к определенной эпохе, месту и культуре. Они представляют определенный контекст в этой картине. Проповедник общается с ними на их языке и в рамках их понимания, учитывая их способности к восприятию и символическому мышлению. Они понимают суть его слов.

Проповедник рассказывает им о распятом и воскресшем Христе таким образом, что слова о Нем превращаются в видение Его. Слух становится видением, которое обретает значение для их жизни и меняет ситуацию в условиях их нужды и кризиса.

- Четвертый элемент проповедования – это сам **проповедник**. Проповедь без проповедующего немыслима. Его функция состоит в том, чтобы указывать на Христа, как это делает Лютер на картине.

Проповедники, которые выходят за кафедру, – это люди, а не ангелы. Они также принадлежат к определенному времени и культуре, говорят на определенном языке и имеют прошлое, настоящее и будущее. Каждый проповедник обладает индивидуальностью и духовностью, является частью церковного собрания и, как таковой, присоединяется к нему в стремлении ко Христу, но также в некотором смысле отделен от собрания. Проповедник не должен закрывать собой видение Христа, стоять между людьми и Христом, а скорее должен быть посредником, указывая на Него.

Подведем итог: на картине мы видим распятого, воскресшего Христа, Который является Богом, Который спасает, а также библейский текст, собрание верующих и проповедника. **Взаимосвязь между этими четырьмя элементами определяет проповедование.** В этом слиянии голосов, в этом взаимодействии кроется обещание и вызов того, что мы называем «проповедованием». В рамках этой четырехчастной взаимосвязи **может произойти чудо, то есть слова проповеди станут Божьими словами.**

2. Определение проповедования: слияние голосов за кафедрой

Что же такое проповедь? Какова тайна проповедования? Здесь нет готового рецепта. Не существует универсального плана из десяти пунктов, который мог бы превратить нас,

как по мановению волшебной палочки (за ночь, в основном в субботу вечером!), в мастеров проповедей. Следует помнить слова Августина о проповеди:

И я ... кто взял на себя смелость говорить с вами, помните, кто я и что я взял на себя. Потому что я взял на себя провозглашать Божественные вещи – и я человек; духовные вещи – и я плотский; вечные вещи – и я смертный В соответствии с моей мерой я получаю то, что я передаю вам. Когда дверь открыта, я пасусь вместе с вами; когда закрыта, я стучусь вместе с вами (Ван Оорт (Van Oort), 1991:8; также 1989:85).

Можно сказать, что сознательно или бессознательно, в проповеди происходит смешение, по крайней мере, четырех типов языка или грамматики, сливающихся в потоке слов, то есть голоса проповедника, библейского текста, собрания (контекста) и Бога.

- Прежде всего, голос проповедника звучит с кафедры, голос, который осознано или нет представляет его личность.
- Кроме того, он цитирует библейский текст или интерпретирует его богословское содержание, чтобы голос текста стал слышен.
- Надеюсь, что между проповедником и прихожанами произойдет взаимодействие, контакт. Это предполагает, что служитель, готовя проповедь, слышал голос собрания.
- И, как правило, он готовит проповедь с презумпцией или верой в то, что Сам Бог, тем или иным образом, будет вовлечен в этот процесс и что Его голос будет услышан.

Многие специалисты по гомилетике признают, что данные четыре фактора необходимы для подготовки проповеди. Ван дер Гист (Van der Geest, 1981:62) и Уордлоу (Wardlaw, 1983:64) больше концентрируются на трех внешних составляющих, то есть проповеднике, тексте и собрании, однако предполагая, что Бог, тем или иным образом через Святого Духа,

должен присутствовать в проповеди. Другие, такие как Патте (Patte, 1984:21ff), Крэддок (Craddock, 1985:22ff), Бейли (Bailey, 1991:60) и Борен (Bohren, 1971:547ff), явно используют четыре элемента в своих размышлениях о проповеди (особенно Борен, когда он вводит границы для аналитического метода проповедования).

Рудольф Борен ссылается на рассмотренные составляющие проповедования, говоря о взаимодействии между четырьмя «**флажтоками**» (Борен 1971:79).

- Первый развевающийся флаг представляет собой тайну Самого Бога. Он не просто один из факторов, а основа, всеобъемлющий источник всего. Бог – это Творец («*par excellence*»), творческая Личность. Поэтому мы также призываем Его Дух (*veni Creator Spiritus*), Дух Который действует в библейском тексте, в общине и через проповедника. Святой Дух – это Тот, Кто иницирует и возвращает, Кто призывает нас, когда мы цепляемся за один из флажтоков. Святой Дух создает новое вдохновение, новые пространства, новые перспективы, безопасно переносящие нас через фундаментализм и контекстуализм, в которых мы так легко теряем направление. И Он всегда ведет к сигнальным знакам, которые Сам и установил именно для этой цели.

- Второй развевающийся флаг – это библейский текст. Он дает нам не одну вечную истину, которой нужно верить, как хотел в течение многих десятилетий модернизм, а скорее многомерную панораму возможностей. Она постоянно приглашает нас взглянуть на лицо Бога с другого ракурса, но на самом деле это только часть, только одна сторона Его лица, только одно из Его многих лиц. Библейские тексты открывают новые миры и приглашают нас вместе с читателями всех возрастов увидеть удивительное разнообразие Божьих деяний и испытать перемену с открытием новой радости.

Библейские тексты никогда не могут быть сглажены в соответствии с нашим предвзятым (премодернистским, модернистским, постмодернистским) мировоззрением. Те, кто адаптируют

текст таким образом (Брюггеманн (Brueggemann, 1989:7) описывает это как «уменьшение, упрощение и одомашнивание»), не понимают его природы и в конечном счете будут злоупотреблять им ради той или иной идеологии.

Те, кто хотят сгладить все «неровности» в библейском тексте и теологии, не могут проповедовать должным образом. Те, кто хотят разгадать каждую тайну, разобрать каждое противоречие, кто в конечном счете хотят «объяснить» скандал Евангелия, не понимают Слова Божьего.

- Но разве это многообразие представлений не достигает кульминации в полномасштабном релятивизме? Необязательно. Есть еще третий флаг, а именно собрание (церковная община). Проповеди принадлежат не служителям, а святому сообществу. Я представляю себе собрание не только в его широте, но и в его глубине, преодолевающее границы деноминаций, пространства и времени. Святой Дух был дан церкви, и в диалоге с церковью можно найти истину (ее конкретный угол зрения) для здесь и сейчас. В церковном дискурсе (Сильерс (Cilliers) 1992:383-390) можно различить конкретный лик Бога, когда Он поворачивается к определенной ситуации во времени.

Суть в том, что проповедникам придется заново учиться искусству слушать голоса прихожан. В этом многоголосье проповедникам необходимо изучить себя и найти свое место в нем, молясь и надеясь, что истина Евангелия действительно будет услышана и исполнена церковью.

- И четвертый флаг – сам проповедник. Он не просто «канал», который опосредует трансцендентное. Он также не является «ключом», который буквально открывает все тайны в проповеди. Скорее, это творческий человек, который свидетельствует о творческом Боге в пространстве творческого сообщества, в свете творческого текста. Поэтому ему постоянно необходимо вдохновение, но и напоминание о его месте в общине. По этой причине он должен научиться ценить противоречия своим собственным взглядам, допускать очевидные

непримиримые точки зрения, смеяться, когда ничто не вписывается в привычные схемы. И должен продолжать играть в игру, даже если это означает постоянное лишение его самых любимых стереотипов и даже способности к интерпретации, несмотря на то что проповедническое эго ранено или выбито из игры. Проповедовать – значит быть поэтом, побеждать свою страсть к (когнитивному) превосходству. Проповедовать – это не только поиск смысла, но и, особенно, празднование его.

В свете всего этого я, возможно, мог бы рискнуть определить проповедование: оно происходит, когда голос Бога слышен через голос текста, в голосе времени (в контексте собрания), через (уникальный) голос проповедника. Когда эти четыре голоса сливаются в один, тогда проповедь действительно является «*viva vox evangelii*» («живым голосом Евангелия»).

Интересно отметить, что определение проповеди Карла Барта (Karl Barth), сформулированное в 1961 году, также содержит эти четыре компонента:

1. Проповедь – это Слово Божье, которое Он Сам изрек; но Бог использует, по Своему благоволению, служение человека, который говорит со своими ближними во имя Бога посредством отрывка из Священного Писания. Такой человек выполняет призвание, к которому его призвала Церковь, и через его служение Церковь послушна возложенной на нее миссии.

2. Проповедь вытекает из заповеди, данной Церкви, служить Слову Божьему посредством человека, призванного к этой задаче. Долг этого человека – возвещать своим ближним то, что сам Бог должен сказать им, объясняя своими словами отрывок из Священного Писания, который касается их лично (Барт 1964:65).

Общепризнано, что необходимо найти значимую и теологически обоснованную согласованность между четырьмя компонентами. Что определяет точку или момент слияния?

Далее следуют три комментария по этому поводу.

2.1 Слияние голосов как дар Святого Духа

Является ли смешение голосов чем-то, что можно или даже нужно анализировать? Не является ли оно скорее чем-то, что можно просто испытать как дар и, следовательно, ожидать? Ллойд-Джонс (Lloyd-Jones, 1976:324-325), например, пишет в этом ключе о работе Святого Духа в проповедовании:

Как мы распознаем это, когда это происходит? Позвольте мне попытаться ответить. Первое указание находится в собственном сознании проповедника... Вы не можете быть наполнены Духом, не зная этого... Как можно это узнать? Это дает ясность мысли, ясность речи, легкость произнесения, огромное чувство авторитета и уверенности, когда вы проповедуете, осознание силы, не принадлежащей вам, волнующей все ваше существо, и неопишное чувство радости ... А как насчет людей? Они чувствуют это сразу; они могут сразу же определить разницу. Они увлечены, они становятся серьезными, они обличены, они тронуты, они унижены... Что же нам тогда с этим делать? Есть только один очевидный вывод. Ищите Его! Ищите Его! ... Даже больше того; ожидайте Его.

Без сомнения, тайна проповеди заключается в действии Святого Духа. Секрет проповеди – теологическая интеграция голосов – это глубоко пневматологическая тайна. Дух соединяет голоса проповедника, текста и собрания, чтобы возник голос Бога. Это так. Но, хотя это исповедание веры истинно и может быть подтверждено, оно не очень помогает нам в дальнейшем, говоря методологически. Можем ли мы делать что-то еще, кроме как искать и ожидать? Святой Дух и метод никогда не могут принимать противоположные позиции (Борен, 1971:76ff).

2.2 Перекос в интеграции голосов как теологическая дезинтеграция

Интеграция может стать более ясной, когда мы рассмотрим явление дезинтеграции под микроскопом. Потому что, когда связь голосов перекашивается в ту или иную сторону, тогда проповедь страдает. В широком смысле это может, например, произойти:

- Когда проповедник любит свой собственный голос (или избранные богословские темы) превыше всего остального. Тогда голос священника заглушает другие голоса в проповеди, и она превращается в монолог.
- Когда проповедь существует только для «правильного толкования» библейского текста. Тогда в ней нет человечности; без свидетельства проповедника из плоти и крови и контекста собрания обычно существует иллюзия, что провозглашается «просто Библия».
- Когда голос или контекст собрания заглушает все остальные голоса. Такие проповеди могут показаться уместными, актуальными, ко времени, но приведут к тому, что безвременное Евангелие будет утрачено.
- Когда проповедник передает «голос Божий», как будто он исходит прямо с небес, без какого-либо человеческого или контекстуального содержания. Часто существует опасность, что такие проповедники не терпят никаких противоречий или возражений, что они не поддаются обучению и, по сути, часто хотят скрыть свою неспособность к служению под предлогом благочестия.

2.3 Голос как динамичный феномен

Полагаем, что лучшее понимание различных ролей и функций голосов уже могло бы послужить их теологической интеграции. Слияние голосов не похоже на химическую смесь, в которую ингредиенты добавляются в точно равных пропорциях или весах. Голоса – это не неодушевленные материалы, а живые феномены, которые подразумевают взаимные отношения.

В случае проповеди это означает: голос проповедника передает что-то о его личности и, надеюсь, о встрече, которую он, как личность, имел с Богом. То есть это говорит о том факте, что проповедник услышал голос Бога, потому что он пережил что-то от Личности Бога.

Но где проповедник слышит голос Божий? В тексте Священного Писания. Однако это означает нечто большее, чем просто получение экзегетической, исторической или лингвистической информации. Текст Священного Писания призван оживить голос Бога, и это ведет к встрече с Ним как с Личностью. Лютер называет Божий голос в тексте Священного Писания «*viva vox evangelii*», живым голосом Евангелия (Мейзер (Meuser), 1983:55).

Этот голос должен обратиться к вам как к проповеднику, как к личности в динамичной живой встрече, чтобы вы обрели голос, которым можно говорить. Библейский текст – это живой голос Бога, записанный в Священном Писании, голос, слышимый в диалоге между Богом и Его народом.

Поэтому экзегетическая, историческая и лингвистическая работа над текстом никогда не может быть самоцелью, а скорее способом, с помощью которого человек держит ухо близко к тексту, пока заново не услышит живой, но скрытый голос в Библии, и таким образом сможет встретиться с Богом.

Проповедование можно проиллюстрировать той рекламой, на которой собака сидит, приклонив ухо к граммофону и внимательно слушает, пока не услышит голос своего хозяина. Сквозь потрескивание записи можно узнать голос живого Господа. Короче говоря, ни один проповедник не может проповедовать, не пережив такой встречи с Богом в тексте (Иванд (Iwand), 1964:19). Ни один проповедник не становится зрелым, не услышав животворящих слов из уст Бога.

Но у собрания также есть (уникальный) голос, к которому проповедник должен научиться прислушиваться искренне и внимательно. Простой сбор ряда статистических данных

об общине не является синонимом того, чтобы услышать ее живой голос, звучащий в конкретном контексте. На самом деле, слишком многие проповедники никогда не слышат конкретного голоса собрания и, следовательно, говорят мимо него и слишком быстро дают готовые ответы. Никакого резонанса, никакой гармонии голосов не происходит, потому что не было живой встречи. Если такая встреча между проповедником и прихожанами не состоится, то говорить одним голосом становится еще более затруднительным: тогда проповедник не может передавать голос текста как голос Бога.

Дали Тамбо (Dali Tambo) и Атол Фугард (Athol Fugard) отметили, что театральная постановка может стать «опытом, меняющим жизнь», если присутствуют три компонента: идея сценария, страсть актера (актеров) и готовность зрителей присоединиться к ним, и если между ними существует счастливая синергия. В отношении театра это факт.

Однако проповедь – это нечто большее. Добавляется четвертый фактор, то есть тайна Божьего голоса. Это делает проповедь уникальной.

Проповедь передает людям нечто большее, чем просто информацию о Боге; это исполнение Божьего голоса через исторические расстояния, туманы непонимания и глухоту ушей. Проповедь – это нечто больше, чем передача религиозной

информации, а также нечто больше, чем слова в письменной рукописи. Это скорее событие слова и событие Слова, звук голоса, не повторяющийся и уникальный. На самом деле, одну и ту же проповедь невозможно произносить одинаково, потому что Божий голос не статичный, не зафиксирован во времени и месте, а историчный, обусловленный, живой и искупающий.

Проповедь – это нечто большее, чем концепции или истины на бумаге, какими бы экзегетическими или догматически правильными они ни были. Они скорее являются словом, которое жаждет стать голосом, чтобы выразить Слово Царства Божьего.

Проповедник это тот, кто умеет слушать и определять, что на самом деле важно. Он преклоняет одно ухо к земле, в том смысле, что он слушает Библию, сердцебиение общины, но также и сердцебиение мира вокруг. Но биение его собственного сердца также должно быть услышано, понято и приведено в ритм с биением сердца Бога. Таким образом, одно ухо он всегда держит вверх, чтобы слышать голос Святого Духа, различать послание Евангелия, а другое – вниз, чтобы слышать и различать голоса текста, собрания, мира и своего сердца, как неотъемлемую часть работы Евангелия.

ГЛАВА 2

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ: КОГДА БОГ, ПРИСУТСТВУЮЩИЙ, ГОВОРИТ

1. Почему мы ходим в церковь?

На этот вопрос, конечно, можно было бы ответить по-разному. Например, А. А ван Рулер (A. A. van Ruler) написал книгу «Зачем мне ходить в церковь?» («Waarom zou ik naar de kerk gaan?»), где он перечисляет более 20 причин, по которым все еще стоит ходить в церковь, в то же время может быть много причин не ходить в нее! Да, действительно, это чудо, что так много людей все еще приходят в церковь воскресенье за воскресеньем. Ведь есть так много заманчивых альтернатив.

Почему же люди ходят в церковь? Или, зачем им ходить в церковь? Ко всем возможным ответам, правильным или неправильным, добавляется более глубокий ответ, ответ, который затрагивает не только суть богослужения, но и саму суть нашего существования. О чем я говорю? Это может быть сформулировано по-разному. Реформаторы справедливо называют этот ключевой момент встречей с Богом: осознать присутствие тайны Бога, преклонить колени перед этим «mysterium tremendum et fascinans». Таким образом, все элементы литургии, включая проповедь, должны иметь дело с этой встречей:

обновленное осознание присутствия Божьей тайны, благоговейное поклонение Ему... как Богу.

2. Как человеку говорить о Боге так, чтобы Он Сам говорил?

2.1 Осознание того, с Кем мы имеем дело

ЗАДАНИЕ. Прочитайте следующие стихи: Исх. 33:20; 1 Тим. 6:16; Евр. 12:29; 1 Пет. 1:17.

Должно произойти **движение от привычности, фамиллярности к страху Божьему**. Иногда неясно, знаем ли мы, с Кем имеем дело. Мы забываем, что человек не может увидеть Бога и не умереть (Исх. 33:20). Только Господь имеет вечную жизнь; Он живет в неприступном свете (1 Тим. 6:16). Даже когда Бог открывает Себя, Он скрывается во тьме (Пс. 17:11, 12). Наш Бог – огонь пожирающий (Евр. 12:29). Да, когда мы посещаем богослужение, мы играем с огнем!

Вспоминается мысль Энни Диллард (Annie Dillard):

«Это безумие – ходить в церковь в дамских соломенных и бархатных шляпках; мы все должны быть в защитных шлемах. Встречающие должны выдавать спасательные жилеты и сигнальные ракеты; они должны привязывать нас к нашим скамьям. Ибо спящий Бог может однажды проснуться и обидеться, или бодрствующий Бог может увести нас туда, откуда мы никогда не сможем вернуться» («Учить камень говорить: Экспедиции и встречи», Нью-Йорк: Харпер и Роу, 1982:40-41).

Действительно, те, кто начинает что-то понимать о слове «Бог», не спешат туда, куда боятся ступить ангелы. Привычность заменяется трепетом, да, из-за страха Божьего, который отличается от страха перед людьми. Это не негативное чувство, а позитивное, уважительное признание того, что Бог есть Бог. Это значит жить в почтении к Господу и перед Ним во время нашей жизни как странников в этом мире (1 Пет. 1:17).

Бог присутствует здесь, давайте приблизимся к Нему с молитвой...

2.2 Осознание того, что мы свободны

ЗАДАНИЕ. Прочитайте следующие стихи: 2 Кор. 3:17; Еф. 5:19.

Интенсивное следование традиции не является конкретным признаком присутствия Бога. Совсем наоборот! Бог больше, чем обычаи, больше, чем исторические этапы или многовековые литургические формулы. Нет никакой магической или божественной силы в простом повторении богослужебных или догматических драгоценностей прошлого. Традиция – это не Бог-автомат. На самом деле формализм может стать полезным укрытием, литургическим убежищем от присутствия Бога.

Но Бог видит нас насквозь, даже через нашу религиозность.

Ирония в том, что вы можете быть формально корректны, но при этом совсем не свободны. Где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3:17). Что такое свобода? Это не фамильярность. На самом деле это свобода приближаться к Господу со страхом (благоговением) – потому что Он позволяет нам приближаться. Свобода состоит в том, чтобы искренне славить Бога, петь вместе псалмы, хвалебные и другие духовные песни; это значит почитать Бога всем своим сердцем (Еф. 5:19). Там, где присутствует Дух Господень, есть свобода, а там, где есть свобода, Бога нужно восхвалять от всего сердца. Это неизбежно.

2.3 Осознание того, что Бог присутствует и действует

ОБСУЖДЕНИЕ. Прочитайте указанные стихи и скажите, как бы вы ответили на следующую молитву до или во время богослужения: «Святой Дух, мы приглашаем Тебя сюда сегодня» (Быт. 28:10-22; Исх. 3:1-5; Авв. 2:20; Деян. 13:1-3).

Бог всегда проявляет инициативу: Он призывает нас приблизиться, Он пребывает с нами и преображает нас. Его присутствие

не может быть произведено, манипулировано или гарантировано литургически. Его присутствие невозможно создать, уж точно не с помощью технических приемов литургиста из серии «сделай сам». В конце концов, неопалимая купина (Исх. 3:2) не является результатом литургической хореографии – спланированной и исполненной людьми или ангелами. Нет, Бог являет Себя. Он раскрывает Себя. Он входит в нашу среду. Он в ней – по Своей милости.

Божье присутствие не может быть произведено, но переживание Его присутствия может быть затруднено, этому могут препятствовать халатные, неряшливые, слабоверующие или невосприимчивые литургисты. Два богослужения могут проходить в одной и той же последовательности, с одним и тем же содержанием, проповедью, гимнами и так далее – но одно будет мертво, а другое трепетать в ожидании присутствия Господа. Почему? Это зависит от нашей чувствительности к большей Реальности. Тогда все становится другим: тон вашего голоса, язык вашего тела, ваши манеры, то, как вы стоите, как поете – будь то песня смирения или песня хвалы. Все по-другому. Потому что вы знаете, что находитесь в Великой Компании.

Борен, швейцарский теолог, рассказал о том, как он и его жена сидели за столом за завтраком, и она, выглянув в окно, сказала: «Рудольф, собирается дождь». Он не обратил на это внимания. Он не обратил внимания на возможность или вероятность дождя, потому что предполагал работать в своем кабинете. Через несколько часов небо прояснилось, и Борен с женой отправились на свою обычную прогулку в Оденвальд. Когда они были примерно в часе ходьбы от дома, тучи снова собрались, и небо стало тяжелым, все шло к дождю. Фрау Борен подняла глаза к небу и повторила в точности те же слова, что и утром, а именно: «Рудольф, собирается дождь». Это были одни и те же слова, синтаксис и грамматика. И все же все было по-другому. Это были слова, наполненные ожиданием. Слова, которые касались как Борена, так и его жены.

Во время богослужения мы можем сказать: «Господь присутствует здесь». Или мы можем сказать: «Господь присутствует здесь». И между этими двумя утверждениями может быть – в буквальном смысле – огромная разница. Одно может быть пустыми словами (бездушным объявлением информации), без места для Того, Чье присутствие объявлено, а другое может быть открытым, полным надежды и молитвы о том, что Тот, о Ком идет речь, действительно здесь. Первое – это объявление, а последнее – молитва.

В этом – в том, что Бог, святой и милосердный, присутствует – заключается самое глубокое чудо богослужения. В Его Книге говорится, что свет Его благодати сияет и смешивается с благоговениями наших молитв.

Резюмируем вышесказанное по-другому: с теологической точки зрения, мы провозглашаем не тексты, а Личность; проповедь – это не просто толкование ряда истин, но призывание Имени Божьего (Борен называет это «Namenrede», 1971:110)). Более того: Названный в проповеди присутствует Сам! Начало и конец, самая глубокая тайна проповеди заключается в этом присутствии Бога. Действительно, в проповеди все зависит от Великого Я, от триединого «Я есмь»...

Проповедникам можно простить многое, но только не то, что они не передают что-то из этого богословского понимания. Но кто из нас может сделать это?

Именно в этом и заключается суть проповеди: говорить так о Боге, чтобы Он Сам говорил. Но как можно говорить о Нем? И как говорит Он?

Как-то Карл Барт (1924:158), представляя серию лекций для пасторов, сказал (свободный перевод):

«Мы богословы, поэтому мы должны говорить о Боге. Однако мы также люди и, как таковые, не можем говорить о Боге. Мы должны знать и то, и другое – что мы должны говорить о Боге, но не можем – и именно поэтому воздаем должное Богу. Это и есть настоящая тревога служителей Слова. Все остальное, кроме этого, – детская игра».

Следовательно:**• Проповедовать – значит снимать обувь**

Мы провозглашаем не формулу, такую как H₂O, а живого Бога. Те, кто хочет практиковать теологию рецепта (готовых формул), испытывают трудности с пониманием теологии рецепции (восприимчивости), чтобы быть восприимчивыми к видению и постоянному наблюдению чего-то великого и непостижимого в Божьей тайне.

Бог есть Бог. Вечный. Проповедовать – это внезапно оказаться рядом с горящим кустом (неопалимой купиной). Здесь мы должны снять обувь с наших ног и понимать: мы стоим на святой земле.

Согласно преданию, Августин как-то в течение двух часов проповедовал о тайне Божьей. В заключение он крикнул: *«И если вы хотите узнать о Нем больше, то спросите Его сами!»*

Мы никогда не сможем все сказать о Боге и не сможем объяснить Его. Мы можем говорить о Нем только в молитве с закрытыми глазами и сложенными чашей руками. *«Это правда, мы нищие!»* (слова Лютера на смертном одре).

Мискотт (Miskotte, 1976:200) пишет трогательный текст об этом самом глубоком вопросе (свободный перевод):

«...Проповедник стоит там, и люди ждут его. Потрясающий момент! Провалиться бы сквозь землю. Потому что он не может ни прочитать лекцию, ни произнести речь, ни рассказать историю. Люди поднимают свои лица и с молчаливым вниманием задают свой вопрос. Люди говорят, и они совершенно правы: “Теперь ты должен понять, что это встреча, не только людей, но и Бога с нами. Теперь ты тоже хочешь услышать, как говорит Бог, ты сам создал это ожидание, поэтому ты обращаешь внимание на наш самый глубокий вопрос, вопрос, который в других местах держится в строгом секрете, хотя он всегда беспокоит нас, вопрос о Боге,

о живом Боге. И еще, счастлив проповедник, который исполняет это, потому что он чувствует ужасное и чудесное давление невозможного, он чувствует, что остается только одно – стать инструментом, гудящим и успокаивающим органом, на котором играет Бог”» (свободный перевод).

• **Проповедовать – значит возносить руки**

Мы не контролируем Бога своими многочисленными словами о Нем. Он больше, чем наши проповеди. Проповедь – это потеря контроля. Кто знает, как будет действовать Бог? В этом смысле основой и глубинной структурой проповеди остается молитва.

Проповедь без епиклезиса (молитвы о благословении) – это не проповедь. Те, кто не может сказать «Kyrie eleison» («Господи, помилуй»), не могут проповедовать. Проповедовать – значит простирать руки к Богу не только с неуверенностью и сокрушением, но и с ожиданием, что Он откроет Себя здесь и сейчас, чтобы Его Тайна углубилась.

Проповедовать – значит стоять перед Богом, пустым, открытым перед Ним, полным вопросов, ожиданий, напряжения, которое всегда достигает кульминации в «veni Creator Spiritus» (приди, Дух-Творитель)!

• **Проповедовать – значит отодвигать завесу**

Бог действительно открывает Себя в проповеди. Его голос можно услышать. Проповедь живет в этой надежде (ожидании), и в этой надежде она упорствует, терпеливо вздыхая (Рим. 8:22-26). То, что происходит в проповеди, – это гораздо больше, чем просто религиозные разговоры, это раздача милости. Собрание, и весь мир, действительно имеют право ожидать именно этого от проповеди: что здесь голос Бога будет слышен через человеческий голос. Фредерик Бюхнер (Frederick Buechner, 1977:22-23) удачно излагает это (в основном молчаливое) ожидание в своей книге «Говоря правду»:

Гимн перед проповедью заканчивается несколько неуверенным «аминь», и проповедник поднимается по ступенькам на кафедру со своей проповедью в руке. У него немного пересохло во рту. Он порезался, когда брился. Он чувствует себя так, словно проглотил якорь.

На передних скамьях старик включает свой слуховой аппарат, в то время как молодая мать сует своему шестилетнему сыну альбом и волшебный маркер. Второкурсник колледжа, приехавший на каникулы домой, которого притащили в церковь, наклонился вперед, подперев подбородок руками. Вице-президент банка, который дважды на этой неделе всерьез подумывал о самоубийстве, кладет свой псалтырь на полку. Беременная девочка-подросток чувствует, как в ее теле шевелится жизнь, учитель математики средней школы, скрывающий свою гомосексуальность, прочерчивая бюллетень по центру ногтем большого пальца, складывает и засовывает его под колено.

Ставки никогда не были выше. Через две минуты проповедник, возможно, полностью потеряет своих слушателей в их собственных мыслях, но в этот момент тишина оглушительна. Все знают, что он рассказывал им раньше, но кто знает, что он скажет им на этот раз из своего молчания.

Проповедовать — значит быть приведенным в Святая Святых Божьего откровения. Это значит поставить людей перед Ковчегом Завета, отодвинуть завесу от Святая Святых и увидеть то, чего вы никогда не видели прежде.

Хорошая проповедь, говорит Мискотт (1976:206-207), состоит в том, чтобы «схватиться за занавес, скрывающий Ковчег» (свободный перевод). Это не означает, что мы хотим забрать дело Христа из Его рук. Занавес уже разорван сверху донизу, посередине (Мк. 15:38). Бог уже снял завесу (2 Кор. 3:14-18). У Бога ее нет, но у нас висит завеса, которую необходимо постоянно снимать во время проповеди, чтобы мы могли достичь понимания Святая Святых.

Проповедовать – значит отодвигать занавес, молитвенно, но решительно, потому что он уже был отодвинут, да, был разорван. И, если занавес был отодвинут, можем ли мы спросить: «Собрание, теперь вы видите это? Знаете ли вы, что вы находитесь в Святая Святых? Теперь Он вокруг вас, вокруг всех нас, да, Он окружает нас со всех сторон» (Пс. 138:5).

- **Проповедовать – значит доверять Слову**

Как для проповедников, Евангелие – наше единственное утешение. Мы можем доверять этому Слову всем своим сердцем, ничего не добавляя (Барт, 1964:89). Наши слова слетают с наших уст, но по пути к ушам аудитории Святой Дух превращает их в слова Христа, да, в само живое Слово: наши слова становятся Словом, Словом Спасения, в котором и через которое Сам Христос раздает плоды Своего дела спасения. Все в проповеди и, по сути, во всем богослужении основано на присутствии Бога среди нас. Сам Христос говорит свое Слово; Он Сам есть Слово, которое приносит наше спасение.

Проповедование происходит с верой и надеждой на то, что Сам Бог примешает Свои Слова к словам нашей проповеди, чтобы многие наши слова, так или иначе, могли быть услышаны как Слово Божье, и что Он Сам будет говорить.

3. Кто этот Бог, от имени Которого мы говорим?

Что вы вкладываете в слово «Бог»? На это нет логического ответа, а только теологический. Проповедь – это о тайне, которая будет раскрыта, потому что она уже была открыта (Еф. 3:3, 6:19).

3.1 Тот, Кто был, есть и будет

Бог открыл Себя (эпифания, богоявление), и Бог откроет Себя (парусия). Но между тем, что было и будет, Он тоже есть, и Он также с нами во все дни до самого конца света (Мф. 28:20).

Проповедникам не нужно создавать эту реальность блаженства, но они должны просто свидетельствовать о ней, указывать

на неё в надежде и ожидании, что Сам Бог использует проповедь, чтобы подтвердить, что Тот, Кто был, также есть и будет.

Проповедовать – значит быть вовлеченным в движение блаженства, в реальность действующего Бога между богоявлением и парусией, и провозглашать это как истину (Барт, 1964:67-73).

Именно по этой причине мы не можем читать наши библейские тексты только с точки зрения их происхождения. Исторические и литературные науки, которые не помогают проповедникам открыть будущее в этих библейских текстах, являются камнем преткновения для провозглашения Евангелия.

Бетель Мюллер (Bethel Müller, 1973:126) прекрасно пишет:

«Толкование должно не только проливать грамматико-исторический свет из своего контекста, но и проливать эсхатологический свет со всего своего исторического горизонта, наполненного обещаниями. У текста есть “будущее”: толкование должно уловить приближающийся свет будущего, обетования в этом тексте, и представить его людям среди угроз их исторического времени» (свободный перевод).

Наша работа с текстом должна помочь нам достичь его Божественного смысла (Уилсон (Wilson), 1995:82ff), открыть настоящую и будущую реальность Того, Кто был. Проповедь Божественного смысла, Божественной реальности и Божьего действия, как описано в тексте, принципиально отличается от представления Бога как простой метафоры или сравнения, или как того или иного абстрактного термина, такого как истина и любовь, или как риторический прием для манипулирования аудиторией, или как идея, которую собрание должно понять, или как лингвистическое божество, которое может существовать только в доме нашего языка. Нет, Бог – это живой Бог, Тот, Кто открывает Себя в Иисусе Христе, Который вчера, сегодня и вовеки Тот же (Евр. 13:8).

3.2 Когда Бог говорит, мы слышим Евангелие спасения

Чудо проповеди заключается в следующем: Бог присутствует. Он говорит с нами, но говорит по-особому. Здесь чудо проявляется еще больше, потому что, когда говорит Бог, Его благодать всегда первична. Тот факт, что Бог приходит к грешным людям удивительным и ошеломляющим образом, новым и странным способом и спасает их – это Евангелие. Что, несмотря на все оправдания или вину людей, Он проявляет инициативу и воссоздает их для Себя – Библия полна этого. Когда Божий народ думает, что они испытают Его гнев и что пламя уже буквально поднимается, чтобы поглотить их, они слышат:

«...Не бойся, ведь Я тебя искупил; Я позвал тебя по имени – ты Мой. Когда ты станешь переправляться через воды, Я буду с тобой; когда будешь переправляться через реки, они тебя не потопят. Когда ты пойдешь сквозь огонь, не обожжешься; пламя тебя не опалит. Ведь Я – Господь, твой Бог, Святой Израилев, твой Спаситель; в выкуп за тебя Я отдаю Египет, Куш и Севу вместо тебя» (Ис. 43:1-3).

Да, даже когда Бог объявляет Свой суд, это предвестие Его благодати. Это не что иное, как Его раненая любовь; Его гнев одновременно является объятием благодати (Лютер). Не заслужив ничего, мы получаем спасение как бы ниоткуда, прямо с небес. Бог втянул Свой гнев в Себя и излил его на Своего Сына. Вы слышите это в столах Его внутреннего существа, в борьбе Его любви – уже в Ветхом Завете:

«Как Я могу оставить тебя, Ефрем? Как Я могу предать тебя, Израиль? Могу ли поступить с тобой как с Адмой? Могу ли Я сделать тебе то, что Цевоиму? Мое сердце переменилось, пробудилась во Мне жалость. Я не поступлю по ярости Своего гнева, не разрушу Ефрема снова, потому что Я – Бог, а не человек, Святой среди тебя. Я не приду в гнев» (Ос. 11:8, 9).

Проповедники призваны, в первую очередь и непрестанно, свидетельствовать об этом беспрецедентном Евангелии Божьей благодати и указывать на него.

Проповедовать эту благодать – значит проповедовать Христа. Ни больше, ни меньше. Но... это не само собой разумеется, что мы действительно проповедуем Христа. Тщательная экзегеза и «правильная» проповедь не гарантируют, что это произойдет. На самом деле, они могут даже стать камнем преткновения, если вы полагаетесь только на них, проповедуя Евангелие.

Тщательное и корректное не всегда правильно. Можно иметь перед собой правильный листок с правильными нотами – но это еще не музыка. Черные ноты на бумаге должны стать мелодией в ушах, иначе это не музыка!

В проповеди Евангелия всегда происходит больше, чем мы сами могли бы когда-либо совершить, – чудо которое, не может быть совершено только человеком. Хотя это не лишает нас ответственности, чтобы работать в меру своих возможностей над подготовкой проповеди.

4. Характеристики проповеди о спасении

Но как можно описать проповедь спасения?

Прежде всего, мы должны сказать: это дар Святого Духа и искусство, которому нам нужно постоянно обучаться. Таким образом, если мы попытаемся определить, какую структуру должна принять проповедь о спасении, то всегда должны помнить: не существует никаких рецептов или предписаний, а только какие-то указания, которые мы скорее распознаем в ретроспективе, чем определим заранее.

Следующие фундаментальные принципы и характеристики применимы для проповеди о спасении.

4.1 Суть проповеди о спасении: ничего, кроме Христа

Бог открывает Себя как Троицу. Проповедь всегда направлена на провозглашение реальности присутствующего спасающего Бога, Отца, Сына и Святого Духа.

Мы должны провозглашать дела Троиственного Бога, и мы призваны провозглашать Христа (1 Кор. 2:2). Лютер решительно высказался по этому поводу: «не провозглашайте ничего, кроме Христа» (Мейзер 1983:38). Суть в том, что все линии проповеди в конечном счете сходятся на Христе, и все лучи исходят от Него.

Проповедовать христологически можно только исходя из комплексного богословского видения работы Троицы. Если работа или бытие Троицы будут искажены в проповеди в ту или иную сторону, то теологическая деформация, так сказать, последует автоматически – будь то докетизм, спиритуализм или несостоятельный тип иезуологии.

Евангелие не ограничивается Новым Заветом, точно так же как закон не ограничивается Ветхим Заветом. Мы действительно могли бы сказать, что самый глубокий смысл Божьей спасительной работы можно найти во Христе, и что проповедь спасения, как она раскрывается во всех библейских текстах, всегда, тем или иным образом, должна проникать в этот самый глубокий смысл.

4.2 И слово о Боге...

Проповедь о спасении всегда прежде всего, как было сказано выше, благая, удивительная весть о деяниях Божьих. **Поэтому всегда ли мы должны обращать внимание на наше использование языка в проповеди, исходя из убеждения, что она говорит о Боге? И еще: как в проповеди говорится о Боге?**

Проповедь всегда должна оставаться теологической по своей природе, то есть всегда говорить о Боге и Его деяниях. Мы всегда получаем новый взгляд на невыразимую благодать Божью.

Проповедь, которая не имеет такого эффекта, которая не объясняет безмерность нашего спасения от греха, нашей благодарности, вырождается в гуманизм. Мы сосредотачиваемся на самих себе, вместо того чтобы привести себя к исповеданию:

Бог действовал, Он будет действовать и действует сейчас. Он присутствует как Реальность.

Часто наши слова, наша грамматика выдают, что мы глубоко не понимаем реальности Божьего присутствия, что мы каким-то образом хотим немного помочь Господу. Это раскрывает нашу теологию или ее отсутствие. Иногда звучит так, как будто мы говорим о Боге, но на самом деле мы говорим о самих себе.

«Пред-благодать Божья. Благодать, которая предшествует моей вере и моему отсутствию веры, моим молитвам и моему безмолвию, моему благочестию и моей нечестивости, моему покаянию и моему отсутствию покаяния.

Что такое человеческая жизнь? Фрагмент времени, полученный на вашей временной шкале между датой вашего рождения и датой смерти: 70 лет или 80, если вы очень сильны (Пс. 89:10). И между вашим рождением и вашей смертью вы испытываете свою долю сладкого и горького, радость и горе, сердечную боль и надежду. И, по милости Божьей, вечность может пересечь этот маленький кусочек вашей временной шкалы, и вы можете решить принять Господа – событие, смысл которого станет вам полностью ясен только в вечности, и за которое вечность будет слишком короткой, чтобы достаточно благодарить Бога. Это так. Но было бы роковой ошибкой, если бы мы начали думать, что наше спасение рождается для нас только в этот решающий момент, что оно полностью зависит от нашего решения. Это не вы избрали Меня – это Я вас избрал, однажды сказал Иисус Своим ученикам (Ин. 15:16). Павел говорит: «...когда мы были еще бессильны, когда мы были еще безбожниками, когда мы были еще грешниками». Бог говорит: «еще до того, как ты родился, я уже мечтал о тебе» (переведено и адаптировано из J. Cilliers: In die greep van God.1991).

Наша естественная склонность – искать свою собственную праведность: «я пощусь два раза в неделю и даю десятую часть всего, что получаю», – заявляет фарисей и таким образом лишает себя истинной праведности (Лк. 18:11, 12). Наш первородный грех все еще проявляется в нашей вопиющей, но в основном утонченной гордыни (Августин). Мы мастера тонких, но фатальных сдвигов: то, что Бог определил, мы превращаем в то, чем сами обладаем; то, что решает Бог, становится тем, чего мы достигаем; то, что является бесплатным даром Бога, становится богатством или властью, добытыми нами; то, что является Божьей пред-благодатью, становится благодатью, достигнутой нами.

Но Евангелию благодати нет подмены...

4.3 И слово Бога...

ОБСУЖДЕНИЕ. Прочитайте Ис. 55:1-11; 1 Пет. 1:23-25; Евр. 4:12; Иак. 1:18; Рим. 1:17; 10:9-17. Что эти отрывки говорят о Евангелии благодати и Слове Божьем?

Проповедь спасения – это всегда больше, чем просто слово о Боге, это также слово от Бога; больше, чем просто информация о спасении, скорее само событие спасения; больше, чем просто заявление, скорее искупление.

В конце концов, Евангелие всегда делает то, о чем говорит, выполняет то, что оно облекает в слова. Библейский текст не только *информативен*, но и *перформативен* (действующий): как Божье Слово, он не возвращается к Господу пустым, но выполняет то, чего Он желает, и достигает цели, для которой Он его послал (Ис. 55:11).

Еврейское понятие «слово» («дабар») не означает просто «что-то», но само по себе является событием, спасительным событием. В Слове Сам Бог приходит к нам. Он Сам есть Слово, Слово Творения и Воссоздания, и Он не только сотворил все сущее, но и воскрешает мертвых (Ин. 1:1-3; Рим. 4:17).

Поэтому, как уже подчеркивалось, мы проповедуем, в первую очередь, не просто слова или послание или даже библейский текст, а Личность: Самого Иисуса Христа. Там, где Он провозглашен, подтверждается, что в этот час этот *кайрос* находится под властью Слова. Проповедь – это подтверждение того, что время, это время с его нуждами и болью, проходит перед лицом Бога, Он поддерживает его и несет с Собой в Свое будущее. Поэтому проповедь Евангелия – это не просто общая истина, педагогическая доктрина, историческое заявление, психологическая философия или социальная программа, но восклицательный знак над суверенитетом Христа над всей реальностью.

Когда мы имеем дело со Словом, а также пытаемся правильно использовать его в проповеди, нашим утешением и нашим вызовом остается то, что Слово является действенным (Лютер: «*verbum efficax*»).

Тот факт, что Сам Бог реализует обетования Своего Слова в проповеди, имеет далеко идущие последствия для того, как мы говорим о спасении или, скорее, в том, каким образом спасение (Спаситель) преподносится в наших словах. Проповедь, которая является искуплением, всегда направлена на настоящее время. Она не только кратко рассказывает историю благодати, или передает метафизическую информацию, или представляет психологические интерпретации человеческих проблем. Она больше, чем свидетельство о спасении, скорее это текущее событие благодати, как оно проявляется в этой конкретной проповеди Слова.

Слово и его проповедь творят историю, создают время, спасительное время. *Говорю вам, что именно сейчас благоприятное время и сегодня – день спасения* (2 Кор. 6:2).

Поэтому проповедь о спасении также всегда имеет маршрут по определенному адресу. Проповедь, которая является искуплением, – это нечто большее, чем общие истины, которые могут быть переданы кому угодно; она содержит нечто

большее, чем теологические доктрины, христианские мировоззрения или библейские антропологии, независимо от того, насколько важными и образовательными они могут быть. Проповедь, которая является искуплением, обращается к конкретным людям так, чтобы Тот, Кто оправдывает их, мог освободить их от греха, то есть от самих себя. Однако в ней также рассматриваются обстоятельства и структуры, в которых оказываются конкретные люди. Например, вы не можете проповедовать Евангелие в настоящее время точно так же, как во время Второй мировой войны. Потому что Евангелие «вписывается» во время, место и обстоятельства как старое-престарое послание, но и как благая весть для здесь и сейчас.

На самом деле, никто никогда не знает заранее, что произойдет в проповеди, потому что у Того, Кто в ней присутствует, развязаны руки. Он действует так, как, где и когда пожелает. Естественно, мы должны готовиться в меру своих возможностей, но одновременно должны также знать: Господь не ограничивается проповедями или программами. Иногда в богослужении возникают совершенно неожиданные измерения, расширения ваших мыслей и переживаний, от которых захватывает дух. Тогда важно, чтобы проповедник обратил внимание на это движение, был чувствителен к определенной атмосфере и мог импровизировать. Но нет, это не оправдание литургической и проповеднической лени, халатности или непостоянства.

Это напоминает одну из раввинских историй о парализованном человеке, который однажды описывал Бааль Сьем Това. В процессе того, как рассказчик с энтузиазмом говорил, как тот всегда прыгал и танцевал, когда искренне молился, он сам внезапно поднялся со своего инвалидного кресла и, точно в соответствии с его словами начал прыгать и танцевать! Его слова стали правдой в нем самом и для него самого. С этого момента его паралич был излечен. Слово среди нас – это Живое Слово. Оно работает. Как мы можем оставаться сидящими в наших инвалидных колясках, когда мы проповедуем о Нем и слушаем Его?

4.4 ...Из человеческих уст...

Главное повествование об Иисусе должно проникнуть в сердца самих проповедников, прежде чем они смогут его пересказать. В этом смысле проповедь является свидетельством спасения, поскольку проповедники – это не безличные «каналы», через которые происходит освобождение, а люди, которых коснулось Евангелие искупления, которые сами верят в него и ожидают его действия. Проповедники должны быть заслуживающими доверия свидетелями.

Суть в том, что те, кто выходит за кафедру, – это не бесчувственные существа, а люди с историей, к счастью, также историей спасения, которая должна так или иначе отражаться в проповеди. В то, что мы говорим, мы должны верить. Чернила на бумагах нашей проповеди должны превратиться в кровь. Однако это не означает (на самом деле!), что проповедь теперь может быть пронизана субъективным мнением проповедника, его личными достоинствами или теологическими предпочтениями. В первую очередь, речь идет о благой вести об объективной спасительной истине, событии, внешнем по отношению к людям («extra nos»). Однако эта спасительная истина направлена на меня, и в проповеди такой благословенный человек провозглашает ее.

4.5 ...И благодаря Святому Духу

Это подводит нас к ещё характеристике проповеди спасения: Слово, которое мы проповедуем, живо благодаря работе Святого Духа. Можем ли мы когда-нибудь перестать это повторять? Это остается чудом проповеди: Дух использует наши запинаящиеся слова, чтобы выразить Слово Божье. Он Сам постоянно творит в нас молитву: «Господи, пожалуйста, дай нам Твои слова!»

Это могут быть слова проповедников, слетающие с их уст, но, благодаря работе Святого Духа, в конечном счете именно Слово Божье достигает аудитории.

Мискотт (1976:201) хорошо формулирует это:

Проповедь – это пламенное рвение, направленное на то, чтобы поразить цель, пока Бог в конце концов не направит стрелу, свое Слово, туда, в сердце, в котором был жгучий вопрос. Проповедь – это раскрыть руки в трепетном ожидании, что Бог нальет в них живую Воду, и так, в тех же руках, не проливая, донести ее до страдающих людей. Проповедь – это произнесение слов, из которых исходит вечная песнь Святого Духа о Божьей Любви (свободный перевод).

Да, ноты должны стать музыкой...

Едва ли можно определить проповедь иначе, как в терминах исповеди и молитвы. Проповедь – это мост и дорога, дверь и окно, канал и труба, через которые Дух приходит к нам (Лютер). Проповедь – это то, на что отваживается человек, и это угодно Богу (Барт). Каждый раз, прежде чем подняться за кафедру, Сперджен молился: «О, Святой Дух, пожалуйста, возьми верх, примени истину Евангелия, оживи нас!» Теперь начинаешь это понимать.

5. Представление Бога с кафедры

5.1 Посмотрите внимательно – что вы видите?

Евангелие должно быть проповедано так, чтобы слух в конечном счете также стал *видением*. Бог, находясь в настоящем, говорит с нами так, чтобы мы могли распознать Его присутствие. Таким образом, уши, которые слышат Евангелие, также должны стать глазами, которые видят Божье присутствие. Мы должны вложить наши глаза в наши уши (Лютер). Но что это значит? И как это происходит? Прежде чем мы сможем попытаться ответить на эти вопросы давайте еще раз посетим художественную галерею. Давайте позволим миру искусства преподать нам несколько уроков проповеди...

Захватывающая картина Ганса Гольбейна-младшего «Послы» (1533) изображает двух богатых и хорошо образованных

молодых людей, французских дипломатов, а именно Жана де Динтевиля и Жоржа де Сельве. Вокруг них расположены типичные предметы эпохи Возрождения: глобус, флейта, книга, телескоп и другие научные инструменты. У их ног лежит длинный непонятный белый предмет. Только если посмотреть на картину под определенным углом, можно увидеть, что это... человеческий череп.

Внезапно наблюдатель видит богатых, хорошо образованных молодых мужчин, а также возрождение человеческих способностей вокруг них в *более сложной, преходящей перспективе*. *Череп говорит: молодые, сильные и интеллектуальные тоже не избегут притяжения могилы.*

Исторический факт, что эти люди были чрезвычайно одаренными, усиливает иронию картины: позируя для нее, они были смертельно больны.

Любое хорошее произведение искусства делает именно это: оно ведет нас за руку туда, где мы можем посмотреть «под другим углом», чтобы привести нас к правильной координате, и таким образом, поместить жизнь в другую, удивительную или разочаровывающую перспективу. Нужно смотреть глубже, обращать внимание на более мелкие детали, чтобы

заметить реальность за или, скорее, внутри внешней и обычной поверхности.

5.2 Посмотреть с другой перспективы

Робин Уильямс, играя роль неординарного учителя в фильме «Общество мертвых поэтов», стоит на столе перед удивленными детьми и спрашивает: «Что я сейчас делаю?» Когда один из них отвечает: «Вы пытаетесь быть выше, чем вы есть», он поправляет: «Я смотрю на вещи с другой перспективы. Отсюда, сверху, все выглядит по-другому!» Затем он делает неслыханную вещь, совершенно неприемлемую в жестких, заплесневелых традициях школы, – он также позволяет детям, по двое за раз, забираться на стол, чтобы они усвоили его «урок»!

Те, кто хочет творить, должны смотреть на вещи «сверху» или «снизу», должны, по крайней мере, наблюдать за мелкими деталями через прищуренные щелочки глаз, и, как ребенок широко открыть сияющие глаза, чтобы охватить как можно больше.

5.3 Видеть Бога – указывать на Бога!

Теперь возникает вопрос: что наблюдает христианский художник, то есть проповедник? Упрощенный ответ таков: Бога. В проповеди, в вере! – это *visio Dei*, наблюдение (невидимого) Бога. Речь идет о видении веры, о котором можно было бы сказать: кто не видит (таким образом), тому нечего сказать, не о чем проповедовать, не о чем свидетельствовать...

В Евангелиях это, естественно, приобретает значение физического видения учениками Иисуса во время Его земного служения, а также после Его воскресения. Многие истории о Его появлении сообщают: «Я видел Господа!» (см. Ин. 20:18). Особенно Иоанн намеренно использует понятие «видеть» в своем Евангелии, и в основном двусмысленно: видеть – это нечто большее, чем то, что вы, на первый взгляд, можете заметить, больше, чем, например, хлеб, вода или свет – все

они имеют более глубокие измерения и значения. Практически в каждой главе своего повествования Иоанн демонстрирует, что смотреть – не всегда значит видеть. Поэтому то, как вы «видите», означает либо искупление, либо суд (Ин. 9:35-41).

Это особенно относится к тому, как вы смотрите на Христа. Внешне Иисус из Назарета напоминает обычного человека. Но посмотрите еще раз! Ученики видели Его своими (физическими) глазами, и все же видели больше. Они видели Его славу, славу, которую Он имеет, как единственный Сын Отца, исполненный благодати и истины (Ин. 1:14; 1 Ин. 1:1-4). Они видели его «бесславную славу»!

Вера состоит в том, чтобы видеть то, чего не видят другие (Евр. 11:1). Проповедь должна помочь нам, в частности, увидеть невидимого Бога (Евр. 11:27). Следовательно, проповедник – это не кто иной, как человек за кафедрой, который указывает на Бога...

Если бы кто-то рискнул резюмировать суть библейского повествования в нескольких словах, ответ должен был бы содержать что-то вроде следующего: Бог с нами. В одном Имени объединены все элементы драмы между Богом и людьми: Эммануил (Мф. 1:23). Все призывы к обращению в Библии имеют, в первую очередь, такой лейтмотив: просто откройте глаза! Видите ли вы непоколебимую основу? Или лучше: видишь ли ты Того, Кто стоит перед тобой?

6. Устранение Бога с кафедры

Вместо того, чтобы наши глаза открывались, чтобы видеть великие деяния Бога в прошлом, настоящем и будущем, **наш язык может легко создать впечатление, что Бога нет как живой реальности**, говорящей и действующей в настоящем. Как это происходит?

6.1 Полуправда – это всегда ложь

Что касается проповеди, то можно сказать, что видеть Бога – это ее смысл: проповедовать так, чтобы слушатели могли уви-

деть что-то от Бога; указывать на Него, чтобы другие тоже могли что-то понять о Нем. То, что входит в их уши, должно, так сказать, открыть им внутренние глаза.

Верующие также иногда переживают времена пустыни, когда все вокруг и в них противоречит благой вести об Эммануиле, о Боге с нами. Такие периоды бывают не только в жизни отдельных христиан, но и в истории церкви или конкретной общины – ощущение того, что Бог далек, что Он забыл Свой народ, что Он отвернулся (Пс. 12:1-3). Еще хуже, когда возникает чувство, что Сам Господь стал причиной наших страданий! (Ты позволяешь... Тобой забыт и от Тебя отрезан... Твой гнев лежит на мне... (см. Пс. 87)).

Тогда вы должны смотреть не только глубоко, но и далеко – в Божье будущее. Тогда вы живете не только реальностью Присутствия, но и реальностью Грядущего. Тогда достаточно только Божьих обетований, хотя для вас их исполнение еще впереди. Тогда, как и в списке примеров веры в Послании к Евреям, вы находите утешение в том, чтобы просто смотреть издалека, но все же радоваться этому – потому что, в конце концов, вы, по крайней мере, видите будущее. Хотя пока что вы ничего не видите – потому что на то, что человек уже видит, он больше не надеется. Кто надеется на то, что он уже видит? Но, если мы надеемся на то, чего не видим, мы ждем этого с упорством (Рим 8:24, 25). Тогда вы должны увидеть сегодняшний день через путешествие в будущее (Окке Ягер (Okke Jager)). И этого уже достаточно...

Поэтому проповедь существует и в том, что вы будете видеть и интерпретировать людей, да, весь спектр человеческого бытия, от радости и процветания до неопределенности, вины и смерти на фоне горизонта Эммануила, Который также является Грядущим. Это значит видеть реальных, живых людей в их отношениях с истинным, живым Богом – даже если они сами не понимают или не допускают такой связи (Борен 1981:88-89). У Мартина Лютера есть поразительная проповедь о нашем часто неверно направленном взгляде:

Мир полон Бога. Во всех переулках, перед твоей дверью, ты находишь Христа. Не отправляйся на небеса и не говори: «О, если бы я только мог видеть нашего Господа и Бога, как бы я служил Ему всеми возможными способами?» «Если ты хочешь служить Мне, – говорит Господь, – не ищи Меня среди ангелов. Я войду в твой дом, ты увидишь Меня голодным и нуждающимся, просто открой глаза. Если ты хочешь любить Меня, люби своего ближнего». Да, мы ищем Его там, где Его нельзя найти. Он сошел с небес... Но мы хотим вознестись на небеса!

Проповедь, которая подобна искусству, рисуящему «красивые» картины жизни, еще недостаточно глубоко изучила жизнь. Евангелие не только красиво, но и говорит о самоотречении и несении креста, о жертвах и омовении ног в мире, наполненном голодом и войной, колючей проволокой и противогАЗами, автоматами Ак-47 и детоубийством. Да, в мире с такими днями, как 11 сентября 2001 года...

Поэтому «увидеть Бога» – это не сенсационное или триумфальное возвышение над реальностью, что легко может привести вас к краю триумфализма! На самом деле, триумфализм – это ересь, потому что он не так обыден, как Евангелие, потому что проходит мимо креста Христа, где Он действительно боролся с обыденностью, с нуждой и смертью, которые все еще характеризуют нашу жизнь здесь, на Земле.

Кто желает подготовить провидческую проповедь, должен будет остаться у подножия креста и действительно может не провозглашать ничего, кроме Христа...

Я повторяю: тем, кто желает подготовить провидческую проповедь, придется остаться у подножия креста. И теперь, я думаю, снова пришло время посетить художественную галерею. Давайте взглянем, например, на «Распятие» Антонелло Да Мессины. Там висит Распятый, и, если вы посмотрите внимательно, то заметите, что, как и в «Послах» Ганса Гольбейна-младшего, у Его ног есть череп, на самом деле несколько

черепов. Очевидно, и Иисус не избежал власти смерти. Но, посмотрите хорошенько. Прищурьте глаза, а затем широко откройте их. Вы видите это? Крест – это не только символ смерти, но и символ жизни. Черепа напоминают о том, что череп этого Распятого никогда не побелеет в могиле. Потому что смерть была побеждена...

Прежде чем вы увидите череп преходящего у своих ног, вам нужно изменить перспективу, угол зрения. Но также и наоборот: прежде чем вы сможете заглянуть дальше этого черепа и увидеть жизнь, вечную жизнь, вам нужно еще раз изменить перспективу, которую можно найти только на месте Черепа, то есть у Бога-с нами-даже-до-смерти. Только там можно найти правильную координату относительно того, где вы можете увидеть жизнь – воскресение. Только там, на этом кресте, вы можете видеть дальше, да, можете видеть вечность, место, где никогда больше не будет черепов, потому что смерти больше не будет (Откр. 21:4).

6.2 Яд законничества и морализма

При законничестве глаза людей направлены на самих себя, а Бог как будто отсутствует, и Его действия должны быть активированы человеческим поведением. Но можем ли мы? Нет, проповедникам не нужно создавать Бога. Бог создает нас. Нам не нужно давать жизнь Богу, смотря на Него, но мы можем смотреть, потому что Бог жив. Увы, мы смотрим, но так часто упускаем это.

Однако печальная реальность такова, что многие проповедники на самом деле не проповедуют Евангелие спасения, хотя они часто думают, что действительно делают это. Они превращают Евангелие в морализацию, то есть в моралистический призыв к самосовершенствованию.

Основная структура законничества

Лингвистическая структура, которая обычно указывает на морализм, является условным синтаксисом. С лингвистической

точки зрения такие условные конструкции являются выражением более всеобъемлющего явления, то есть конъюнктивных фигур речи. Они обсуждают **реальности** как **возможности**, а возможности постулируются вместо реальностей в форме нереального (сослагательного наклонения). Если бы реальность спасения (Божье присутствие и спасительные слова) обсуждалась таким образом, подразумевалось бы, что Бог превращается в Постулат, Возможность, выраженную в нереальных, условных терминах, и запускаемую только нашими действиями.

Поэтому можно кратко резюмировать основную структуру всех законнических проповедей следующим образом:

- Бог сделал (в прошлом);
- Бог будет или хочет делать (в будущем);
- мы должны (в настоящем).

Отправной точкой всех законнических проповедей является отсутствие Бога в настоящем, и этот вакуум должен быть заполнен благочестивым рвением *homo intactus* (неповрежденного человека). Чудо истинного присутствия Бога устраняется модусом сослагательного наклонения, становясь тяжелой работой.

Законнические разговоры в основном звучат правильно, но в них нет Содержания. Они остаются пустой болтовней, потому что не выражают реальность Бога и Его действия здесь и сейчас. Законнические проповеди провозглашают, что Бог сделал в прошлом, возможно, сделает снова, и что люди должны сделать, чтобы позволить Ему снова сделать то, что Он делал раньше. Рассмотрим несколько примеров.

6.2.1 Мы активируем действия Бога

Что такое морализм? Вкратце: он проводит черту через все отправные точки, которые были представлены до сих пор. Присутствие Бога, Его обращение к нам меняется на противоположное: в морализме мы должны, так сказать, делать Бога присутствующим, приводить в действие Его Слово, а затем

мы сами должны принести спасение. Звучит как суровое суждение, и следующие тексты могут это проиллюстрировать.

Проповедь, посвященная началу Евангелия от Иоанна (1:1-18), разбирает, почему Иисус особенный, и дает ответы на этот вопрос. Проповедник цитирует основной отрывок и стихи из других частей Библии, чтобы показать, какой Христос особенный. Затем он извлекает из текста десять уроков, чтобы доказать, что Иисус особенный. В процессе этого говорится о замечательных, истинных вещах об Иисусе, но некоторые из них вырваны из контекста. Проповедник заканчивает свою речь чрезвычайно соблазнительным образом, изображая Иисуса, стоящим у двери дома с лампой в руке, двери, которую не открывали очень давно – она практически заросла. Иисус стоит и стучит – ссылка на Откровение (3:20) – но никто не открывает... Есть только одна ручка, которая находится внутри. Иисус не может открыть дверь снаружи.

«...Я хочу напомнить вам – ручка находится с внутренней стороны. Это с твоей стороны двери. А Иисус – совершенный джентльмен. Он никогда не врывается силой. Он ждет, когда вы признаете, что Он вам нужен. Он ждет, когда вы протянете руку, возьметесь за ручку, откроете дверь и скажете: “Войди в мою жизнь, Господь Иисус”. Я хочу спросить вас сегодня утром в свете того, что мы слышали, разве вы не хотите сделать именно это?»

Иисус замечательный, особенный, но безобидный. Со Своей лампой Он стоит снаружи, не зная, что делать, бессильный. Он хочет позволить Своему свету сиять в темноте, но не может. Действующий, воссоздающий Бог в прологе Евангелия от Иоанна, Тот, Кто не только хочет спасти мир, но и позволяет

Своему свету действительно сиять во тьме, становится статичным Богом, неподвижной Возможностью.

«Он ждет тебя... Он ждет тебя», – говорит проповедник. Текст его проповеди гласит: «Свет светит во тьме, и тьма не поглотила Его» (Ин. 1:5). Но благочестивый проповедник и благочестивые люди делают именно это – они гасят Его свет! Или, по крайней мере, оставляют Его стоять снаружи в темноте с Его тусклым маленьким огоньком...»

6.2.2 Бог заменяется религиозным потенциалом личности

Во многих проповедях проповедники цитируют христологические формулы и названия, которые кажутся таковыми. Однако если проанализировать некоторые ключевые предложения проповеди, то окажется, что Бог, по сути, исключен методологически и синтаксически. Наиболее общей заменой является homo religiosus, то есть религиозный человек. Например: человек может быть так занят духовной бранью, где он занимает центральное место, а не Бог. Борется со злом так, как будто Бог не является Победителем.

ОБСУЖДЕНИЕ. Проанализируйте следующие утверждения:

«Мы должны постоянно провозглашать законченную работу Христа силам зла в их нападениях на место или человека, пока не будет одержана победа...».

«Зачем молиться? Чтобы привести в действие Божью силу. Ничто не происходит в Царстве Божьем без предварительной молитвы».

Это факт – нам действительно предстоит битва (Еф. 6:10-18). Но битва, которую мы должны вести состоит в том, чтобы оставаться в рамках победы Христа. На самом деле битва уже состоялась. Зло было побеждено. Мы действительно все еще боремся против него, но это битва победителей (завоевателей, покорителей).

Утверждения, подобные приведенным, не только не теологичны, но, несмотря на добрые намерения, бесчестят Бога в том смысле, что лишают Его чести: В самом деле? Ничто не происходит? Неужели Бог просто пассивен, пока мы в конце концов не заставим Его позволить чему-то произойти?

Нет, Бог проявляет инициативу – в Своей пред-благодати: *«Я открылся тем, кто не спрашивал Меня. Я найден теми, кто не искал Меня. Народу, не призывавшему Мое имя, Я сказал: „Я здесь, Я здесь“»* (Ис. 65:1). Это и есть Евангелие! Господь не дремлет и не спит. Самое большее, это активизирует нас. Милосердным действием Бога в нас.

Подобные утверждения, кроме того, что вводят в заблуждение (мы думаем, что способны на определенные вещи, но это не так), только кажутся захватывающими. В конечном счете, они вызывают депрессию или скуку. Ничто не может заменить восторг удивительного Евангелия благодати! Евангелия, в котором говорится, что по Своей благодати Сам Бог делает Свое Слово истинным...

Иначе происходит *антропоцентрическая* инверсия: уже не Бог создает ситуацию, а люди должны воссоздать ее, чтобы побудить Бога действовать. Например, можно услышать следующее:

6.2.3. Бог действовал в прошлом, но Его действия в настоящем и будущем зависят от нас

Классический пример вышеупомянутой базовой структуры законничества можно найти в проповеди на текст из книги Иисуса Навина (Нав. 3:1-17), когда Израилю нужно было пересечь реку Иордан. В этой истории проповедник находит параллель с Южной Африкой, которая сталкивается с неопределенным будущим, будущим, в котором собственность, политическая власть, гарантии трудоустройства и прогресс бизнеса находятся под угрозой.

На фоне этих тревожных времен собрание призвано доверять Богу, признавать и принимать Его, поскольку они нуждаются

в Его божественном вмешательстве, как в случае с Израилем, которому пришлось пересечь Иордан.

С помощью цитат из Послания к евреям, а также из книги Иисуса Навина проповедник подчеркивает чудесную действующую силу Божью среди Своего народа в риторически выдающейся манере и подчеркивает: **«Бог заботится... спасает ... направляет его на новый путь»**. И переводит это на то, что Бог сделал в (недавнем) прошлом в ЮАР (первые всеобщие выборы в апреле 1994 года), затем указывает еще на один пример Его чудесной инициативы.

Это пока что в отношении прошлого. Однако, когда проповедник исследует настоящее и обращается к аудитории, которая живет сейчас, тон проповеди полностью меняется. Это видно из следующего ключевого предложения: **«Бог хочет поощрять веру в нас, чтобы мы могли доверять Ему. Он хочет, чтобы мы признали, что Он – Господь»**.

Теперь есть только упоминание о Божьем намерении, простая возможность того, что может произойти. Почему такое внезапное изменение? Вероятно, это происходит потому, что проповедник хочет подготовить своих слушателей ко второй части своей проповеди, в которой он собирается применить то, что до сих пор говорил, к людям, которые живут в неопределенные времена и приближаются к неопределенному будущему. Этот разрыв и контраст выражен в союзе «но». Следующее ключевое предложение вводит вторую часть проповеди: **«Но что история перехода Иордана должна сказать нам сегодня?»** «Но» образует мост между историческими деяниями Бога и Его будущими намерениями, выражает напряженность между тем, что Он уже сделал в Южной Африке, и тем, что Он еще будет делать во время переходного периода. Вторая часть проповеди действительно сильно ориентирована на будущее и подчеркивает возможности.

Возможно, следующие предложения лучше всего иллюстрируют это противоречие между историей спасения и возможностью

спасения. Проповедник сначала смотрит на библейский текст и говорит: **«Друзья, Иисус Навин не испугался, потому что Бог шел перед ним. Затем он смотрит на собрание и заявляет: «Как вы сегодня пересекаете свой Иордан? Одни? Своей собственной силой? Бог хочет идти впереди вас. Бог хочет вести вас. Бог хочет помочь вам».**

Такое впечатление, что Бог находится в режиме ожидания. Он должен стоять и ждать. Он жаждет действовать, но не делает этого. Почему? Потому что сначала что-то должно произойти, сначала должны быть выполнены определенные условия. Но какие?

Во-первых, слушатели должны действовать. Между деяниями Бога в прошлом и Его деяниями в будущем стоят настоящие деяния собрания. Поэтому проповедник последовательно продолжает: **«История перехода Иордана говорит нам, что мы должны делать».**

Теперь акцент переносится уже не на то, что сделал Бог, согласно библейскому повествованию, а на то, что должны делать слушатели. В то время как в первой части проповеди доминируют индикативные (изъявительные) грамматические структуры прошедшего времени, во второй – нереальные структуры будущего времени, то в третьей – императивные (повелительные) структуры. Мы постоянно слышим: **«...вы должны... мы должны... мы должны... вы должны...».**

Проповедник интерпретирует, хотя и неосознанно, настоящее как вакуум между деяниями Бога и Его возможностями. Неповрежденный homo religiosus (религиозный человек) заполняет это пространство. Благодаря его выбору будущее – то, что Бог хочет сделать, – станет таким же как прошлое – то, что сделал Бог. Люди в настоящем разрешают будущему быть таким же, как и прошлое. На самом деле, таким образом само настоящее лишается Божьих действий.

То, как проповедник попадает в законническую ловушку, выглядит драматично и сконцентрировано в ряде предложений, в которых, среди прочего, цитируется призыв Иисуса

Навина (Нав. 3:5): «Освятитесь!». Однако последующее дополнение или толкование раскрывает истинные отправные точки проповеди: **«Что происходит, когда вы посвящаете себя Богу? Господь совершит удивительные вещи среди вас. Так что, друзья мои, когда вы посвятите свою жизнь Богу, вы именно это и увидите».**

Но библейский текст говорит не об этом, а скорее о следующем: **«И сказал Иисус народу: освятитесь, потому что завтра сотворит Господь среди вас чудеса».** «Потому что» становится «тогда». Последовательность текста была полностью изменена.

Проповедь меняет причину или основание призыва к освящению на результат освящения.

Естественно, между ними существует огромная разница. В своем стремлении заполнить то, что воспринимается как вакуум между прошлым и настоящим, проповедник изменяет действия и положение израильтян, которые в библейском тексте были предпосылкой для провозглашения великого действия Бога. Теперь они становятся условием, которое должно выполнить современные прихожане, чтобы великие дела снова стали реальностью. Реакция Израиля становится в проповеди обуславливающим действием; конкретная ситуация становится определяющей ситуацией.

Это имеет далеко идущие последствия. Теперь действия Бога зависят от того, сможем ли мы очистить себя и в какой степени. Но должны ли мы полностью очиститься, прежде чем Бог сможет действовать? Действительно ли Евангелие означает это?

6.2.4 Устранение Бога человеческой моралью

После тщательного изучения немецких проповедей о провидении Рудольф Ландау пришел к выводу, что имеет место широко распространенное антропонимическое подчинение Бога, то есть в соответствии с человеческими нормами. Его деяния

подчинены общей морали человеческих поступков. Речь идет не о теологическом заблуждении, которое лежит на периферии, а о матери всех заблуждений, которая радикально влияет на сердцебиение всей истинной теологии.

Лютер назвал это устранением Бога (*annihilatio Dei*). Законнические проповеди провозглашают нереального Бога, говорят о спасении мира, как будто Бога не существует, как будто Бог, молчаливый и праздный, колеблется на краю нашего жизненного мира.

Это перечеркивает распятие и воскресение, прославление Христа и излияние Святого Духа. Законнические проповеди оказывают негативное нарастающее воздействие: они не только не дают слово самому библейскому тексту, но и учат прихожан жить в заблуждении самосовершенствования, и особенно устраняют Бога с кафедры.

Но... можно ли устранить Бога? И да, и нет.

Нет: Говорить об устранении Бога можно только гипотетически. Это действительно чудо Божье, что Он, несмотря на все, что мы делаем для Него и с Ним, все еще остается Богом. Люди не могут на самом деле заткнуть рот силе Евангелия! Слово Божье не может быть сковано цепями! Слово не возвращается к Отправителю пустым!

Да: Слово Божье может быть брошено в скудную, бесплодную почву с чертополохом (Лк. 8:4-15) карательной ментальностью. Можно заткнуть уши или слушать... но не слышать. В этой кажущейся диалектике кроется тайна действия Слова Божьего, диалектике, которую мы никоим образом не должны пытаться разгадать. Бог приходит в Своей благодати, и Он Сам создает слушателей Своего Слова. И все же эти слушатели иногда могут оставаться совершенно глухими! Однако, во всем этом, Бог остается Богом.

В наших проповедях **Бог должен быть описан словами действия. Он работает. Он – Бог в движении, постоянно творящий новое и постоянно занятый Своим Царством**

и Своим миром. Поэтому наши проповеди никогда не могут манипулировать Богом, подчинять Его и загонять Его в теологический угол, в котором проповедник точно знает, как Бог будет действовать.

6.2.5 Нет будущего без действий человека

Законнические проповеди не только перечеркивают реальность Божьего присутствия сейчас, но и в будущем. В таких проповедях Бога больше нет, и Он больше не приходит. Люди – Его заменители. Мы часто слышим: «воля Бога», но это не эсхатологическая воля, не пришествие Бога по Его свободной благодати, скорее пришествие, которое определяется степенью приверженности людей и интенсивностью их деятельности. Законнические проповеди принципиально неэсхатологичны.

Надежда, упование на Божьи обетования, заменяется глубоким благочестием религиозного человека. Вместо Божьих обетований (*promissio Dei*) – человеческий потенциал (*potentia populi*). Поиск Альфы и Омеги, Того, Кто есть, был и будет, Всемогущего, в таких проповедях тщетен (Откр. 1:8).

А что произойдет, если эсхатологический горизонт в проповедях исчезнет? Стереотипный ответ морализма на это гласит: обеспечьте замену! В случае эсхатологии это обычно искаженный тип апокалиптики. Эта апокалиптика предлагает рамки, в которых людей можно заставить с большой срочностью, а часто и с открытыми или скрытыми угрозами реагировать на требования проповедника.

Это придает императивам (повелениям, требованиям) определенную напряженность. В крайних случаях это приводит к проповеди Страшного суда, которая, безусловно, имеет место, но здесь вырождается в извращенную проповедь ада. Все это становится мощным риторическим инструментом в руках проповедника, чтобы привести людей к желаемому восприятию или действию.

Однако ирония заключается в том, что изменения, вызванные страхом и угрозами, не длятся долго. Перемены образа жизни, проистекающие из них, обычно не носят глубокого характера. На самом деле страх порождает еще больший страх. Угрозы делают человека напряженным, но не утешают – хотя на самом деле именно утешение является целью истинного библейского апокалипсиса, даже если он провозглашает могущественный Божий суд. Приведем пример такой проповеди на тему «Только Иисус» на основании Евангелия от Марка (Мк. 9:2-8).

ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ 1: «Только Иисус» (Мк. 9:2-8)

В монастыре Сан-Марко во Флоренции есть замечательная фреска художника XV века Фра Беато Анджелико. На ней изображено преображение Христа на горе, и Его фигура, которая является центральной, заполняет практически все пространство. Он стоит с распростертыми руками, окруженный небесным белым светом. Внизу – в прямом и переносном смысле – можно увидеть испуганных учеников, Петра, Иакова и Иоанна. По бокам – Моисей и Илия поклоняются прославленному Христу (также добавлены Мария и святой Доминик).

Чем дальше смотришь на фреску, тем больше в ней открываешь – как в случае с любым настоящим искусством. На переднем плане, так сказать, в качестве первого измерения, естественно, находится Господь истории и мира, Царь церкви. Однако если вы посмотрите немного глубже, то увидите второе измерение: руки Христа распростерты точно так же, как на кресте, ладонями, повернутыми вперед, как они были прибиты ко кресту. Художник хочет сказать: Тот, Кто прославлен, – это никто иной, как Тот, Кто был распят, а Тот, Кто был распят, – это Тот, Кто прославлен.

Кто для вас Иисус? Какая картина возникает у вас в голове, когда вы слышите титул Христос? Ну же, давайте будем честны: разве мы не предпочитаем Прославленного Христа Распятому?

В любом случае Петр формулирует этот выбор не только от имени трех учеников на горе, но и от имени многих, когда, трясаясь и заикаясь, говорит: «Рабби, нам здесь так хорошо! Давай мы сделаем три шалаша: один Тебе, один Моисею и один

Илии» (Мк. 9:5). Несмотря на испуг, Петр глубоко внутри себя знал, что быть с прославленным Христом – это вершина человеческого существования. На самом деле, все сводится к этому. Здесь небо коснулось земли, небо и земля соединились. Сюда, в этот круг света Христа, мы прибыли. Здесь мы хотим оставаться как можно дольше – нет, всегда. О, пусть этот Иисус никогда больше не оставит нас! Разве мы не могли бы предложить Ему постоянный дом, шалаш, вечное проживание с нами?..

Конечно, нельзя винить Петра. На самом деле, все в этой истории направлено на то, чтобы указать на чудо этой славы. История богата символикой. Шесть дней, упомянутые в начале, вероятно, являются литературным приемом, указывающим на то, что этот момент был наполнен ожиданием откровения. Естественно, высокая гора – это типичное библейское указание на место встречи Бога и людей, место, где вы, так сказать, ближе всего к небесам. Появление Иисуса в сверхъестественно сияющих белоснежных одеждах свидетельствует о сверхъестественной Божественной славе, которая теперь появляется здесь, на земле (Мк. 9:3). Моисей и Илия являются представителями Божьих откровений избранному народу в Ветхом Завете, и Голос, говорящий из облака, напоминает нам об этих откровениях, например, на горе Синай. Короче говоря, то, что здесь произошло, чудесно, благочестиво, славно. Оно провозглашает, что Тот, Кто стоит в центре, на самом деле является возлюбленным Сыном Отца, как говорит Голос из облака, – признание, которое можно найти во всем Евангелии от Марка.

События на высокой горе являются, так сказать, прелюдией к будущему, занавесом, который был открыт, занавесом, которая была поднята, не только для видения воскресения Иисуса из могилы – потому что есть четкие параллели между Его преображением и воскресением – но особенно для нашего вечного будущего: поклонения прославленному Христу. О, и кто бы не хотел испытать это уже сейчас, кто из нас не жаждет пойти с Павлом и быть со Христом, потому что разве это не было

бы намного лучшим для нас? (см. Фил. 1:23) Почему мы все еще должны так долго ждать этого? Почему мы не можем сейчас прибыть в наше вечное место назначения? Почему мы не можем просто перейти из этого мира мертвых в мир живых и Живого?

Но в тексте говорится, что мы пока не можем. Мы еще не достигли будущего устройства. Время для перехода еще не наступило. Мы все еще находимся в прежнем устройении и все еще должны спускаться с горы, возвращаться в долины, в глубины, в повседневную жизнь, брать свой крест и следовать за Христом, Распятым. Мы не можем строить шалаши для Господа, не можем держать Его с нами – во всяком случае, не таким образом. У нас самих даже нет шалашей, в которых мы могли бы жить на земле вечно; мы – пришельцы и странники (1 Пет. 2:11). Поэтому в Евангелии от Марка многозначительно говорится: внезапно, когда ученики оглянулись, они больше не увидели никого, кроме Иисуса. Только один Иисус, больше не окруженный небесным сиянием, без Голоса, говорящего из облака. Только один Иисус, каким Его знали прежде; только один Иисус и Его слова, которым нужно повиноваться (Мк. 9:8).

Да, конечно, Господь время от времени дает нам определенные «переживания на вершине горы», моменты, полные славы, когда нам даже не нужно вставать на цыпочки, чтобы коснуться небес. Моменты, когда наши ноги, так сказать, слегка отрываются от земли, и мы можем видеть будущее, конечную цель всего этого, яснее, чем когда-либо. Это может произойти во время богослужения, чтения библейского стиха или мягкого прикосновения благодати, для которого у вас нет слов. Тогда мы просто знаем: я вернулся домой, и от этого знания у нас перехватывает дыхание.

Но потом... это чувство тоже проходит. Тогда вы заново осознаете: эти переживания – бонусы, они не длятся долго. Тогда снова остаетесь только вы и Иисус. Иисус, чьим словам вы должны повиноваться. Тогда изображение Распятого выдвигается на передний план, и вы слышите Его голос: если кто-нибудь

хочет пойти за Мной, он должен отречься от себя, взять свой крест и следовать за Мной (Мк. 8:34).

Эта история была помещена в Евангелие от Марка, чтобы напомнить нам, что в этом устройении мы не можем жить по теологии славы, а скорее по теологии креста, что первый образ, который возникает у нас, когда мы слышим «Христос», – это Человек на кресте. Мы должны снова спуститься с горы, прочь от сферы преображения, чтобы служить Господу, повинаясь Ему и следуя за Ним. В конце концов, мы живем не в созерцании, а в надежде (Рим. 8:24, 25). Вспоминается, что сказал Кьеркегор:

«Было время, и это было так естественно, это было так по-детски, когда я верил, что Божья любовь также выражается в том, что он посылает земные «добрые дары», счастье, процветание. Как высокомерна была моя душа в желании и дерзновении ... Я молился обо всем этом, даже о самых самонадеянных вещах... И когда они случались, как богата была моя душа благодарностью, как счастлива была сказать Ему спасибо – потому что я был убежден, что Божья любовь выражается в благих дарах земли, которые Он послал мне.

Теперь все по-другому. Как это произошло? Довольно просто, но постепенно. Постепенно я обнаружил, что все, кого Бог действительно любит, примеры верующих на протяжении веков, все должны были страдать в этой жизни. Я также обнаружил, что это послание христианства: быть любимым Богом – значит страдать».

На наиболее глубоком уровне об этом и есть послание о преображении на горе: да, вот кто есть Христос – вечный Сын Божий, но в таком образе Он еще не присутствует с нами здесь и сейчас. Его Царство все еще скрыто. Он приходит к нам не как сияющее видение, а в облике голодных, жаждущих, нагих, больных и заключенных (Мф. 25:31-46). Он один из самых ничтожных в нашем окружении. Вы можете легко не заметить Его, легко ошибиться в Нем. О да, Он прославлен, но даже будучи

Прославленным, Он присутствует с нами как Распятый. Именно таким образом Его Царство сегодня приходит в нашу среду и становится видимым – для тех, кто желает его увидеть. Царство Божье приходит тайно. Но оно здесь! Оно находится среди нас!

Хельмут Тилике с горечью указывает на это в своей книге «"Отче наш": молитва, охватывающая землю». Она была написана во время Второй мировой войны, когда церкви бомбили одну за другой. Именно в то время, говорит он, христиане могли видеть пришествие Царства Божьего яснее, чем во времена, когда все шло хорошо, потому что теперь они снова зависели от Бога. Они заново осознали: Царство Божье воистину приходит среди руин, в том числе, среди руин наших жизненных неудач. Он пишет, в частности, следующее:

«Величайшие тайны Бога всегда разыгрываются в глубинах... Бог строит Свое Царство в тайне. Это похоже на строительство моста, который сооружают под большим количеством строительных лесов и досок, так что никто не может видеть саму работу. Просто слышны тысячи ударов молотков. Однажды строительные леса и доски уберут, и работа строителей предстанет перед нашими удивленными и пристыженными глазами. Бог не бездействовал, пока мы тщетно искали признаки Его следов и Его работы».

Так оно и есть: сейчас мы живем в устройении, во времени процессастроительства, надеждыещебезвидения. Но мы не одиноки. Если вы достаточно долго смотрите на фреску Фра Анджелико, из красок появляется еще одно, третье изображение: прославленный, распятый Христос, Который простирает к вам руки, чтобы объять вас и Свою церковь, говоря: **«А Я буду с вами всё время, до скончания века»** (Мф. 28:20). Мы больше не находимся (или еще не находимся!) на горе. Мы находимся в долине, в глубинах. Но с нами Иисус. Только один Иисус.

И этого достаточно.

Задания:

1. Оцените эту проповедь, используя Гейдельбергский метод (см. страницу 156).
2. Йохан Сильерс обсуждает слияние четырех голосов в проповеди. Как происходит перекося в интеграции голосов, если они не смешиваются гармонично?
3. Укажите характеристики проповеди о спасении.
4. Опишите структуру законничества. Объясните, почему законничество в проповеди теологически опасно.
5. Проанализируйте примеры проповедей, которые не соответствуют критериям слушания голоса Божьего, обсуждаемым в этой главе. На основании текста определите теологические возражения, выдвинутые против этих проповедей и предложите возможные решения.

ГЛАВА 3

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ: КОГДА ГОВОРIT БИБЛЕЙСКИЙ ТЕКСТ

1. Многомерность Священного Писания

Бог присутствует, но Слово, и содержащееся в нем Евангелие, должно сказать нам это, прежде чем мы это увидим. Оно дает нам очки, через которые мы можем видеть присутствие действующего и спасающего Бога (Кальвин). Поэтому крайне важно, чтобы мы понимали природу, функцию, но особенно чудо и «полноту», многомерность этих очков.

В Библии мы читаем о людях, которые видели Бога, а затем пересказывали свои истории – в нашей проповеди мы хотим сделать именно это! Писание указывает на «стиль», подходящий для наблюдения за Богом. Оно не содержит простых безучастных замечаний или голых фактов о Нём, а скорее предлагает примеры того, как следует говорить, когда видишь Бога, как Иоанн Креститель, когда он кричит и указывает: «Вот Божий Ягнёнок, Который забирает грех мира» (Ин. 1:29).

Можно ли исчерпать всю полноту Писания одной проповедью или одним методом проповедования? Конечно, нет! Мы не должны воспринимать проповедь как конечный продукт, который производится как товар для рынка; скорее как процесс, который имеет много точек соприкосновения, инклюзивный

и открытый. Проповедь – это не законченная речь, на 100% правильная! На самом деле, мы не можем заканчивать проповеди, самое большее, что мы можем – время от времени кричать о встрече, которой мы наслаждались, с Богом в библейском тексте. В проповедях могут быть и даже должны быть «дыры», области, которые мы не до конца понимаем, но внутри которых можем слышать шепот присутствующего Бога. У нас должно быть здоровое недоверие к исключительным методам толкования или формам проповедей, которые, будучи «рецептами», гарантируют «объективный» и «безупречный» результат.

Общение с библейским текстом необходимо: оно предлагает источник, который не может быть уменьшен, заглушен, затемнен или искоренен нашими стереотипами. Напротив, те, кто остается «усердным в тексте», обнаружат, что освобождены от своих стереотипов, своей скуки и, следовательно, от недостатка смирения и благоговения...

Мы должны освободить место для *большей чувствительности к разнообразию потребностей общины, а также для многоуровневого характера самого библейского текста*, который включает в себя возможность более чем одного правильного ответа или сообщения. Также предпочтительно перераспределение прошлых привилегий толкования.

В еврейской философии (особенно в так называемой «школе мидраша») раввины намеренно избегали поиска одного значения текста, ища различные интерпретации, тем самым допуская «истины». Проповедовать – значит слушать множество звуков текста, танцевать под мелодию текста. Слишком часто мы хотим играть только на своей (единственной) гитаре!

Как вышесказанное влияет на проповедь?

В качестве первого общего правила можно было бы сказать: те, кто открыл что-то о природе Писания, постиг что-то из его многомерности, не могут не начать проповедовать с (большим) воображением. Библейский текст предлагает странное,

но спасительное слово, «слово с остротой» (Брейгеманн), которое проникает в одномерность нашего мира, чтобы удивлять, провоцировать, раскрывать, – с целью войти в новый мир: принять и жить евангельской альтернативой.

Проповедовать – значит *представлять библейский текст и указывать на Того, о Ком он свидетельствует собранию таким образом, чтобы люди могли «увидеть» новый мир (миры) этого Бога через текст.* Это значит замечать через увеличительные стекла текста (очки) вещи, которые ранее пропущались или считались несущественными.

Проповедовать – значит говорить: **«Царство Божье подобно...»**. Это «подобно» – образное, творческое... Сказать «подобно» в проповеди – значит открыть врата, открыть их для панорамы Бога, снять завесу со сцены, чтобы люди могли снова сказать: Ага!

Это не обязательно происходит путем представления великих, уникальных и универсальных истин, скорее в *небольших дозах «вскрывая» конкретный текст в каждой проповеди в конкретном контексте местной общины.* Небольшой текст, который предлагает взгляд на великую панораму Бога, небольшое «подобно», которое является парадигмой великого «подобно» Царства.

Каждая проповедь как маленькое «окошко» многолинзового глаза пчелы. Каждое окошко предлагает *видение, которое не является полным без других окошек* – оно имеет смысл только в совокупности всех изображений.

Или проповедь состоит в том, чтобы *смотреть на текст панорамно вместе с собранием.* Каждое воскресенье перед нами появляется новая, удивительная картина, картина, которая оставляет нас с сияющими глазами, как у детей, полными радости и благоговения, а иногда наполненными печалью и смирением...

Проповедь, которая открывает *одно окно или одну картину,* возвышая одно «подобно» до абсолютной истины, становится

изолированной от Божьей панорамы, одноглазой, лишенной воображения. Напротив, проповедь с воображением предлагает множество перспектив и, как таковая, контрастирует с обычной дидактической, догматической или моралистической проповедью (кстати, нет ничего более лишенного воображения, чем моралистическая проповедь – она предлагает только нас самих! Как скучно!). Проповедь с воображением подобна терапии: она сопровождает слушателя из старого, одномерного мира в захватывающее дух Царство Божье.

Здесь важно подчеркнуть: мы не можем творчески проповедовать без фундаментального и верного общения и работы с библейским текстом. Работа с текстом (богословско-научная, молитвенная и верная) – это *чистка очков*, без которой вид будет тусклым. Однако этим я не столько достигаю «власти» над текстом, сколько Бог текста признает Свою власть надо мной; текст не столько становится научным объектом, который я могу изучать и методично анализировать, скорее меня вводят в мир, в котором также под изучением моя собственная жизнь.

Заниматься библейским текстом – это не просто смотреть *на* очки Священного Писания, но и *через* очки, в конечном счете, иметь возможность видеть мир перед очками (Рикер). Проповеди не должны быть просто «прекрасными» в том смысле, что они «правильные»; а должны показывать нам Бога удивительным образом, намного превосходящим то, о чем мы могли бы молиться или думать...

Я повторяю: только те, кто остаются близкими к библейскому тексту, те, кто неустанно работают над ним, обретают свободу ассоциироваться с ним творческим способом. Вспоминается Карл Барт, которому пришлось обратиться к своим студентам с последним посланием. Гитлер изгнал его из Германии, потому что он отказался принести клятву верности фюреру, так как считал, что это повредит его клятве верности Христу. Богослов должен был покинуть страну в течение 24 часов, и у него было всего несколько минут, чтобы попрощаться со своими учениками.

Его последними словами к ним были: «Самое важное, что вы должны делать, это, во-первых, экзегетика, во-вторых, экзегетика и, в-третьих, снова экзегетика».

Это подводит нас к другому вопросу.

2. Человеческий характер Священного Писания

Библия не упала прямо с небес и не была написана ангелами. Напротив, она была написана людьми, рядом исторически доказанных личностей, которые, обладая своей индивидуальностью и грамматическими навыками (или их отсутствием), своим характерным стилем письма, выбором слов и восприятием, оставили нам 66 книг Библии. В них мы находим богатое разнообразие литературных жанров, сюжетов и нарративных особенностей. Писание буквально изобилует истинной человечностью и истинным творчеством писателей.

Это также подразумевает, что Библию, если мы хотим читать ее ответственно, **следует изучать с помощью исторических и лингвистических наук**. Науки, которые, в частности, исследуют социальные предпосылки Библии (мир, стоящий за текстом), литературный характер самого текста (мир в тексте), а также историю его интерпретации и работы над ним (мир перед текстом (Смит (Smit, 1987:26 и далее))).

Слова Библии сами по себе не содержат магической силы. Буквы Библии не светятся в темноте. Это обычные буквы на бумаге, напечатанные чернилами в соответствии с предписанными процессами печати. Сформулируем более догматично: Божье откровение больше Библии, оно предшествует ей. Библия — это всего лишь запись Его откровения, и люди сделали эту запись. Короче говоря, Библия не является Богом или Его единственным откровением и, следовательно, не может быть поставлена рядом с Богом или на Его место, чтобы стать объектом поклонения (так называемое Библиопоклонство; для подробного обсуждения некоторых способов, которыми Писание уже было оценено и истолковано, см. Ваессен (Vaessen, 1997:36 и далее)).

Однако в человеческой природе Писания есть нечто чрезвычайно освобождающее, да, утешительное. Это, в частности, *подчеркивает тот факт, что Бог говорит на человеческом языке*. Что Бог не возвещает нам Свою волю повсеместно через большой мегафон с небес, но что Он, буквально и тем как Он говорит, пришел и вошел в несовершенство нашего человеческого языка. Это чудо: Бог говорит по-гречески, по-еврейски и также по-русски. Голос Бога четко сформулирован и выражен в звуке, который я могу понять! На самом деле, мы могли бы сказать, что Слово, ставшее Писанием (Библией), является таким же великим чудом, как и Воплощенное Слово (Иисус Христос).

Мотив воплощения (очеловечивания) также является основополагающим для книги, которую мы называем Библией. Те, кто что-то понимают в этом, заново встают в благоговейном страхе перед снисходительной природой Божьего откровения.

Кальвин часто пишет об *адаптации* (приспособления) Бога к людям. Это касается педагогического мотива для действия благодати: мы бы не познали Бога, если бы Он не снизошел к нам и не говорил с нами таким человеческим образом, чтобы мы могли понять Его и могли знать, что Он рядом. Из-за слабости наших способностей Бог говорит в пределах наших возможностей:

«Поскольку наша слабость не может достичь Его высоты, любое описание, которое мы получаем о Нем, чтобы быть понятным должно быть снижено до наших возможностей. И способ понижения состоит в том, чтобы представлять Его не таким, какой Он есть на самом деле, а таким, каким мы Его себе представляем» (Кальвин, Инст. 1/17/13, также 1/11/3, 2/11/13, 2/16/2).

Вокруг головы Иисуса, Младенца, не было нимба, несмотря на наши рождественские открытки. В хлеву не было небесного сияния, которое превращало солому в золотые нити, а пыль – в блеск. В яслях лежал Ребенок, брыкающийся своими маленькими

ножками, с крепкими маленькими кулачками, потирающими его маленькие закрытые глазки. То, что доносилось из сарая, было не музыкой арфы, а детским плачем (Сильерс (Cilliers), 1991:37-38).

Лютер трогательно пишет:

«Иисус не был призраком, но жил среди людей; у него были глаза, уши, рот, нос, грудь, тело, руки и ноги, как у нас с тобой, он пил молоко своей матери, ел и пил с нами, сердился, молился, горевал и плакал».

Это действительно Бог, Который приспособливается к нам...

3. Божественность Священного Писания

Библия на самом деле является божественным Словом, то есть отличается от любой другой книги, отличается от любой другой литературы. Это может показаться полным противоречием, но скорее должно быть названо чудом. В пространстве человеческого языка мы можем слышать Слово Божье! Возвращаясь к мотиву воплощения: отцы церкви сказали о Христе – истинно Бог и истинно человек, и мы то же самое можем сказать о Писании – истинно божественное и истинно человеческое.

Поэтому нельзя утверждать, что только определенные разделы Библии действительно являются Словом Божиим, а остальные – вероятно, нет. Скорее, *все слова в Библии одновременно являются человеческими и божественными*. Она была написана людьми, но они были особым образом вдохновлены Святым Духом (2 Пет. 1:20, 21).

Причина, по которой христиане принимают Библию как определяющую книгу в своей жизни, заключается в том, чем она является: это Слово Божье. «Все Писание вдохновлено Богом», то есть «выдохнутое Богом» по-гречески (2 Тим. 3:16). Это Божье дыхание или Божий ветер. Некоторые используют слово «вдохновение» для описания Библии. Но это не совсем точно. А некоторые утверждая, что Библия вдохновляет, говорят:

«Она показывает мне Бога, она рассказывает мне о духовных вещах, и она воодушевляет меня». Но когда мы говорим, что Библия дышит Богом, мы указываем о том, что такое Библия, а не на то, что она делает.

В каких-то случаях Бог говорил с автором и сказал ему записать эти слова, как, например, в Откровении (Откр. 1:19). В других местах видно, что автор провел много исследований (Лк. 1:1-4). Где-то это были огромные творческие усилия, например, когда Давид писал псалмы акростихом, где каждый стих начинается со следующей буквы еврейского алфавита (Пс. 9, 24, 33, 36, 110, 111, 118, 144). С помощью этих различных способов Бог направлял все так, чтобы это стало Его Словом.

Великие церковные деятели, такие как Августин, Лютер и Барт, имели особый опыт общения с Богом, который происходил из конкретных библейских отрывков. Действительно, Библия – это инструмент в руках Господа, часть процесса, в котором Он собирает, защищает и поддерживает свою церковь посредством Своего Слова и Своего Духа.

Поэтому не только литературно-научные методы раскрывают библейское послание, каким бы важным это ни было, но, что наиболее важно, это делает *внутреннее свидетельство Самого Святого Духа (testimonium spiritus sancti internum)*. Однако нужно иметь в виду, что одно не противоречит другому. Если вы противопоставите человеческий и божественный характеры Библии, то рискуете стать односторонним и тогда не услышать уникальный голос Писания.

Остается удивительный, непостижимый парадокс: люди написали слова Библии, и все же, чудесным образом, они приходят к вам как ничто иное, как Слово Божье. Библейские слова не светятся в темноте, но они могут излить (божественное) сияние на вас в ваш самый темный час!

Действительно, Слово Божье воплощается в человеческие слова – чтобы преобразить нас.

4. Уникальное послание Священного Писания

В Библии содержится *уникальное* послание. Если кто-то хочет услышать в ней что-нибудь, кроме этого послания, то он перестарался с её толкованием.

Цель Писания не в том, чтобы передавать историческую или научную информацию по различным вопросам. Это не учебник по космологии, физике, геологии или медицине. Так ещё Ориген предупреждал, что первая глава Бытия не намерена передавать точную хронологию творения, а скорее желает сделать теологическое заявление: *Бог, а не боги, создал небо и землю*.

Так же Августин и Кальвин указывали, что вы не можете изучать астрономию по библейским данным, если хотите быть хорошим астрономом. Почему нет? Потому что Библия говорит на языке и в контексте определенных времен – по-человечески.

Если вы хотите извлечь из Библии всевозможную информацию (или секретные коды!), вы можете делать это, убежденные, что она достоверна по Писанию, но на самом деле она ненадежна по Писанию, поскольку вы не уважаете уникальный характер Писания. Тогда вопросы, которые находятся на периферии, ставятся в центр. Тогда Библию переоценивают. Это как если бы вы пытались сделать всевозможные выводы из книги рецептов в попытке построить ядерный реактор! Такой подход упускает из виду смысл Библии.

И в чем же заключается этот смысл, главное послание? Вы, вероятно, могли бы обобщить его многими способами, но, на мой взгляд, мы слышим о нём, когда Павел советует Тимофею: *«...Ты с детства знаешь Священное Писание, а оно способно дать тебе мудрость, ведущую к спасению через веру во Христа Иисуса»* (2 Тим. 3:15). Священное Писание, о котором здесь говорит апостол, – это не весь канон, каким мы его знаем сегодня, тогда он еще не был собран, но, вероятно, это Пятикнижие и книга Левит. В них мы уже слышим весть о спасении в Иисусе Христе! В этом главный смысл, суть Священного

Писания, и я применяю его здесь по отношению как к Ветхому, так и Новому Завету. Другими словами, библейское послание – это послание о спасительных деяниях Троиединого Бога, особенно очевидных в Иисусе Христе. Поэтому Павел, не колеблясь, говорит коринфянам: *«Находясь среди вас, я решил не знать ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого»* (1 Кор 2:2).

На мой взгляд, мы можем и должны с такой же убежденностью придерживаться четырех классических характеристик, которые отцы церкви сформулировали в отношении Священного Писания, а именно: *авторитет (окончательный), ясность, необходимость и достаточность*. То есть, что канон завершен, и мы не должны искать уникальный голос Бога во внебиблейских источниках (Беркоувер (Berkouwer), 1975:240) и далее; подробно обсуждаются эти библейские характеристики). Мы можем оценить данные признаки Библии только с такой позиции.

Авторитет Писания – Божье Слово окончательно

Эту точку зрения христиане отстаивали на протяжении веков. Этой позиции христианская церковь придерживалась с самого начала. Это учение Климента Римского, Иринея, Оригена, Августина, Фомы Аквинского и Кальвина. Поэтому, когда мы отвергаем авторитет Библии, это означает, что мы выходим из потока исторического христианства, которое последовательно подтверждает абсолютную правдивость Писания. Иисус Христос верил Писаниям. Библия ясно говорит сама о себе. Это авторитетное, выдыхаемое Богом слово.

Тот факт, что Библия вдохновлена Богом (то есть у неё один Автор) и в то же время имеет много авторов, является причиной того, что мы можем говорить о ее единстве, признавая ее разнообразие.

Библия обладает авторитетом, но не в отношении астрономии, физики или археологии, а в том, что касается её уникального послания: *Бог участвует в спасении человека*.

Ясность Писания – Божье Слово понятно

Это часто обсуждаемый вопрос. Люди спрашивают: если Библия ясна, почему существует так много различных толкований? Почему не все христиане согласны друг с другом в восприятии того, что говорит Библия, если она понятна?

Это неоспоримый факт, что существует широта интерпретации, когда речь заходит о Библии. Существует так много различных теологий и различных пониманий, которые все утверждают, что основаны на Библии.

Мы должны сказать, что не вся Библия одинаково ясна. Но в *важных вопросах спасения все ясно*. Есть запутанные части. Есть части, в которых мы не уверены в правильном грамматическом понимании. Существуют времена глаголов, а также падежи существительных, которые можно обсуждать и обсуждать очень долго. И могут быть различия в интерпретации. Это говорит Петр о посланиях Павла (2 Пет. 3:16).

Некоторые заявляют: «*Нет Книги, кроме Библии, и нет вероучения, кроме Христа*». Это упрощенный подход. Нам нужно помнить, что мы не первое поколение христиан, живших в этом мире. Существует история интерпретации и размышлений по каждому вопросу, и мы наивны, если думаем, что речь идет только о нас самих, пытающихся понять учение Библии, как будто мы начинаем с чистого листа.

Мы верим не в «*solo scriptura*», а в «*sola scriptura*». «*Solo scriptura*» предполагает, что только я, сам по себе, с Библией, ищу ответ на каждый вопрос и на каждую проблему.

Доктрина «*sola scriptura*» гласит, что Библия является высшим и окончательным авторитетом. И мы верим, что *история церкви подобна берегам реки*. Святой Дух действовал в церкви, ведя и направляя народ Божий на протяжении веков. Христиане предыдущих поколений кое в чем были правы, и нам нужно прислушаться к их мнению, поскольку они работали с Писанием как с окончательным авторитетом. И нам нужно

изучить то, что они говорили и чему учили в свете Писания. Мы не игнорируем и не забываем и споры, и учения прошлого.

Библия ясна, в определенном смысле, кристально ясна не потому, что она безупречно говорит о медицине или ядерной энергетике, а потому, что *она провозглашает послание спасения, которое, хотя и многоцветно, также просто, настолько просто, что его может понять ребенок.*

Да, даже слепой может почувствовать, что события, предсказанные в Писании, действительно происходят (Бельгийское вероисповедание 5). Тот факт, что часто возникает такая путаница в вопросе смысла Библии, больше связан с нашими шорами, нашими сложностями, чем с её простотой. Нам действительно нужна благодать, чтобы (начать) понимать!

Необходимость Писания – Божье Слово необходимо

Необходимость Библии означает, что, хотя мы можем многое понять о Боге из Его творения (общее откровение), этого недостаточно, чтобы привести нас к вере во Христа.

«Им известно то, что можно знать о Боге, потому что Бог явил им это. От создания мира невидимые свойства Бога – Его вечная сила и Божественная природа – вполне могут быть поняты через рассматривание того, что Он сотворил. И значит, людям нет извинения, потому что, хотя они и знали Бога, тем не менее они не прославили Его как Бога и не были благодарны Ему, но предались пустым размышлениям, и их неразумные сердца погрузились во мрак» (Рим. 1:19-2).

Этот отрывок говорит, что творение ясно раскрывает невидимые качества Бога, Его вечную силу и божественную природу. Даже те, кто отворачиваются от Бога, признают это доказательство. Поэтому у каждого есть какое-то знание о Боге. В то же время в Библии сказано, что нам нужно, чтобы Бог говорил нам прямо и ясно о нашем грехе и спасении, а также о том, что Он сделал через Христа.

Павел пишет римлянам:

«Ведь “каждый, кто призовет имя Господа, будет спасен”. Но как им призывать Того, в Кого они не поверили? Как поверить в Того, о Ком не слышали? И как услышать, если никто им не будет возвещать? ...Итак, вера приходит от услышанного слова, слова о Христе» (Рим. 10:13, 14, 17).

Из этих стихов ясно следует, что спасительная вера приходит от слушания Евангельской вести. Поэтому *Священное Писание (особое откровение) необходимо, чтобы привести нас к доверию и вере в Иисуса*. Библия имеет решающее значение, потому что ни в какой другой книге никто не находит послания о милосердном участии Бога, кроме как в Библии.

Достаточность Писания – Божьего слова достаточно

Библия содержит все, что нам нужно знать, а не все, что мы хотим знать. И когда вы обращаетесь к Библии с каким-то своим вопросом, вам нужно понять, предназначена ли Библия для того, чтобы ответить на него. Существует ли основанная на Библии диета, с помощью которой вы сможете похудеть? Говорит ли Библия о составлении семейного бюджета? Или Библия подскажет, за какую политическую партию голосовать? Или стоит ли обращаться к альтернативной медицине? Или как разрешится ситуация на Ближнем Востоке? Не все, что мы желаем знать, описано или содержится в Священном Писании.

Но в отношении тех вещей, о которых она намерена говорить, Библия достаточна и адекватна. *Все, что нам нужно для спасения, веры и жизни, изложено в Писании*. Нам не нужно продолжать искать.

Христос подчеркивает это в замечательной притче о богаче и Лазаре (Лк. 16:19-31).

Богатый человек, находящийся в аду, испытывает редкий приступ сострадания к кому-то, кроме себя, и просит Авраама

предупредить его братьев: *«Тогда прошу тебя, отец, пошли Лазаря в дом моего отца. Ведь у меня пятеро братьев, пусть он предупредит их, чтобы и они не попали в это место мучений»* (Лк. 16:27, 28).

Казалось, было бы довольно убедительно, если бы кто-то воскрес из мертвых и сказал, что есть рай, которого нужно достичь, и ад, которого нужно избежать, и человек должен сделать правильный выбор, потому что то, что он выберет здесь, определит, что произойдет там.

Но через Авраама Иисус делает неожиданное заявление: *«У них есть Моисей и Пророки, пусть их слушают»* (Лк. 16:29). То есть у них есть Священные Писания. Но это не кажется таким впечатляющим, как появление из могилы, не так ли?

«Нет, отец Авраам, – сказал богач, – вот если бы кто-то из мертвых пришёл к ним, тогда бы они покались» (Лк. 16:30).

На это Авраам ему ответил: *«Если они Моисея и Пророков не слушают, то даже если кто-то воскреснет из мертвых, их и это не убедит»* (Лк. 16:31).

Вы понимаете? Писаний достаточно, говорит он. Если кто-то отвергнет их, то ничто его не убедит, потому что он отвергает слово Божье. Писания достаточно для спасения.

Его также достаточно, чтобы подготовить нас к христианской жизни.

Павел наставляет Тимофея:

«Ты же будь верен тому, чему был научен и в чем убежден, ведь ты знаешь, кто тебя учил. Ты с детства знаешь Священное Писание, а оно способно дать тебе мудрость, ведущую к спасению через веру во Христа Иисуса. Всё Писание вдохновлено Богом и полезно для научения, обличения, исправления, для наставления в праведности, чтобы Божий человек был полностью готов для любого доброго дела» (2 Тим. 3:14-17).

Мы замечаем, что апостол утверждает, что Священные Писания способны сделать нас мудрыми для спасения, а также,

что они полезны для того, чтобы человек Божий мог быть подготовлен ко всякому доброму делу. Основное внимание уделяется Тимофею и его служению, но то, что Павел говорит, верно для каждого христианина. Бог хочет, чтобы мы творили добрые дела – он имеет в виду жизнь, которую каждый из нас должен прожить, – жизнь, которая приятна Ему и полезна для других, и Священные Писания готовят нас к этому.

Библия достаточна, совершенна. Больше ничего не нужно. Бог проговорил. И слово из Его сердца таково: *«Ведь Бог так возлюбил этот мир...»* (Ин. 3:16).

Это послание может быть принято только верой. Цель Библии состоит не в том, чтобы мы исследовали и анализировали ее как лингвистическое или историческое явление, хотя, как уже говорилось, это не маловажно для понимания послания, но в том, чтобы ее слушали, слушались и жили по ней. Испытывающему жажду человеку не нужно подвергать исследованию воду колодца в пустыне с научной точки зрения (Из каких археологических слоев произошел этот источник? Как именно образовался H₂O под землей?) Те, кто жаждут воды, должны просто пить из него – и жить.

5. Влияние на проповедь

Какое это имеет отношение к проповеди Священного Писания? Вот мои предварительные выводы:

- Проповедники никогда не могут прятаться за представлением о Библии как о «непогрешимом Слове Божьем» и использовать это для оправдания лени. Проповедовать – это тяжелая работа (экзегетическая, лингвистическая, герменевтическая) над текстом. Но это также путешествие к открытиям; оно дает возможность неоднократно познавать новые измерения в тексте, исследовать новые миры. Это было бы невозможно без научной работы над текстом как человеческим документом, при искреннем уважении к Божественной природе Писания.

- Однако при работе с Писанием научные методы могут быть настолько критичными и разрушительными, что проповедники порой теряют веру (ожидание) в то, что голос Бога действительно может говорить из строк текста. Научные методы – это ресурсы для содействия восприятию сообщения текста, а не кляпы, которые затыкают ему рот. Чтобы проповедовать, нужны научные методы, но вы не проповедуете научные методы.

- Проповедники должны сосредоточиться на главном уникальном послании Священного Писания и не позволять себе увлекаться различными (искусными) аргументами по второстепенным вопросам. Вполне возможно, что проповедники, участвуя в красноречивых и пылких дебатах о побочных явлениях в конкретных текстах, размышляют противоположно тому, чего требует основная мысль текста. Поэтому нужно быть особенно осторожными и не допустить, чтобы содержание или стиль проповеди мешали центральному посланию Библии (то есть то, что Бог милостиво спасает людей).

- Поскольку Библия – это книга, в которой Сам Бог говорит человеческими словами, проповедь этого Слова – это не просто передача информации о спасении, но часть Божьего освободительного акта. Слово – а значит, и проповедь – не только информирует, но и действует. Заявления реформаторов о проповеди показывают ее важность. Лютер считал: «Мы должны следовать словам Христа и должны отказаться от идеи, что Бог прощает или простит наш грех чем-то иным, кроме проповеди слова Божьего». Этот известный богослов рассматривал Библию прежде всего как «слово, говорение, голос». Это слово должно быть услышано, чтобы Христа не только видели глазами, но и слышали ушами. Сам Христос приходит к нам, в наши сердца, через проповедь Слова Божьего. Это Слово адресовано каждому.

- Проповедуемое Слово Божье подобно каналу, через который Святой Дух проникает в наши души, и нам свободно

дается спасение. Другой известный богослов, Кальвин, подчеркивал, что Господь использует проповедь Слова Божьего, чтобы даровать людям Свою благодать. Уста и язык проповедника – это уста и язык Христа. Иисуса действительно больше нет на земле, но Он с нами и среди нас через проповедь Слова, потому что в ней слышен Его голос, и поэтому у нас есть верный признак того, что Он не оставил нас. Там, где проповедует Евангелие, это слова Самого Бога, возвещенные о Царстве, записанные в книге жизни, безусловно подтвержденные на небесах. Через проповедь Евангелия Бог преобразует нас по Своему образу и подобию, создает новые небо и землю, небесные врата открываются, и Христос со всеми Его благами дается людям как Победитель над грехом и виной. Через проповедь Бог примиряется с нами, и кровь Агнца капает на собрание верующих, на людей. Поэтому проповедь необходима для обретения спасения. Поскольку служители являются каналами, по которым нам дается живая вода из божественного источника, отказ от церковной проповеди является вопросом жизни и смерти.

Резюмируя вышесказанное, проповедники должны уважать Священное Писание как истинно человеческий и истинно Божий документ. Интересно, что исследования доказали, что моралистическая проповедь, по сути, разделяет эту целостность. На самом деле, некоторые из типичных характеристик морализма – это либо *деисторизация текста* (обращение с Библией, как будто это вневременной набор слов прямо с небес) с сопутствующими явлениями, такими как аллегория; или, *антропологизация центрального послания*, самой теологии Писания, а именно «*милосердные деяния Бога*» и превращение его в нравственные призывы к самосовершенствованию (Грейданус (Greidanus), 1970:85-86). Вместо Евангелия предлагается список для контроля внутренней, религиозной оценки. Но это ни для кого не утешение, ни в жизни, ни в смерти.

Из всего этого еще раз становится ясно: Писание – это сокровище, которое дал Господь церкви. Оно содержит слова, дающие

жизнь. Святой Дух действует через них. Если мы хотим стать или быть проповедниками, если мы хотим узнать секреты проповедования, тогда мы должны научиться по-настоящему слушать Писание.

Поэтому Даррелл У. Джонсон (Darrell W. Johnson «Слава проповеди», IVP, 2009:7-11) прав, когда говорит:

«Всякий раз, когда человек с Библией в руке встает перед группой других людей, приглашает собравшихся в определенный текст Библии и как можно более верно пытается повторить то, что живой Бог говорит в тексте, что-то всегда происходит. Происходит что-то преобразующее, дающее силы, дающее жизньЯ верю, что всякий раз, когда люди покидают место проповеди, у них появляется:

- *более ясное видение живого Бога в Иисусе (который, по его словам, является предметом любого текста и, следовательно, любой проповеди по любому тексту),*

- *лучшее понимание Евангелия Иисуса, благой вести о том, что Бог сделал, делает и будет делать в Иисусе,*

- *“альтернативное прочтение реальности”, другой, более искупительный способ понимания конкретных обстоятельств, проблем и страхов в их жизни,*

- *новый способ мышления, чувств и действий, сформированный более ясным видением, лучшим пониманием и альтернативным чтением,*

- *новая сила, позволяющая им жить в новой реальности, в которую их привел проповедуемый текст».*

Окажет ли наше проповедование такое воздействие на слушателей? Наши слушатели будут затронуты только тогда, когда Бог использует нас, чтобы говорить Свое Слово в силе Святого Духа для обновления их умов и сердец. Но работа и активность Святого Духа не исключают нашего усердного труда, нашей подготовки послания разумным и почитающим Бога способом.

6. Секрет проповеди: слушать голос текста

Если голос текста не слышен в проповеди, то это не проповедь: *«Проповеди, основанные не на Писании и не вдохновленные Писанием, являются объектами, оторванными от их корней, сиротами в мире, без матери или отца»* (Крэддок (Craddock), 1985:27).

Что же такое проповедь по Писанию? Чтобы разобраться в этом стоит прислушаться к комментариям Карла Барта (1964:89-92). Он выделяет пять действий проповедников, которые хотят основывать свои проповеди на Библии.

Адаптированные и сокращенные, они гласят следующее:

- Во-первых, *доверьтесь Писанию*, то есть не сомневайтесь, что в нём достаточно того, что вам необходимо и что не нужно искать где-то еще ответы на вопросы нашей жизни. Если вы постоянно хотите добавлять различные «практические инструкции», значит, вам не хватает доверия к Библии.

- Во-вторых, *уважайте Священное Писание*, то есть читайте его, ожидая, что, действительно, здесь вы найдете ответы на жизненно важные вопросы. Читать Библию таким образом – все равно что быть человеком, который читает медленно и, по-видимому, с трудом, который бормочет, произнося слова по буквам, который смотрит во все глаза, который находится в благоговении перед совершаемыми открытиями.

- В-третьих, *читайте Писание с сосредоточенным и добросовестным вниманием*, чтобы найти его смысл. Такое чтение включает в себя экзегетическую, историческую и лингвистическую работу над текстом, а также поиск его теологии, ядра благодати, «Божьего послания для общества».

- В-четвертых, *позвольте Писанию неоднократно исправлять ваши собственные предвзятые идеи*, потому что у нас в крови есть тенденция: накладывать свои любимые теологические конструкции или идеологии, скрыто или явно, на каждый текст, чтобы он до тошноты чревоуещать наше собственное

восприятие евангелизации, миссии или политической справедливости.

- В-пятых, *позвольте себе быть движимыми Писанием*. Библия не предназначена для простого познания, она приглашает человека испытать вдохновение Святым Духом. У нас, действительно, нет текста в виде безжизненной буквы; Дух действует через него, дует через него – так что мы можем неоднократно спрашивать: что живой Бог говорит нам через этот текст?

Мало вещей так формируют проповедь, как восприятие Писания проповедником. По крайней мере, нужно признать, что у текста есть голос, а также есть, что сказать; вы должны верить, что библейский текст не может быть исчерпан и уменьшен в результате использования, или что историческое расстояние между текстом и читателем увеличивается. В конце концов, Библия – это не просто Слово Божье в его первом посыле, но и в каждом его повторении.

«Нас всегда призывают “придерживаться текста”, и поэтому в нашей проповеднической спешке нужно замедляться – по пути к тексту и по пути от текста – оставаться с текстом, посещать его, пока он не станет вашим собственным домом. Общаться с текстом так, чтобы он оставался с вами на вашем пути, “задерживался” с вами, не как гладко приглаженное клише, а как странное, подрывное Слово Божье; которое продолжает крутиться у вас в голове еще долго после того, как вы закрыли Библию» (Брюггеманн (Brueggemann), 1989:7-11).

Нас побуждают обращаться и возвращаться к тексту: пожевать и попробовать, а затем пожевать еще и перепробовать снова. Если вы не хотите проводить время с текстом и размышлять над ним день и ночь (Пс. 1:2!), то вам не следует тратить время других, будучи за кафедрой.

Лютер выразил это практическим образом: *вечером полезно нести текст с собой в ночь, чтобы заново прочитать его*

в своем сердце, а затем утром получить его в наследство от ночи и попробовать его в свете благодати нового дня.

Иногда бывает необходимо обдумывать и перечитывать весь псалом или один его стих в течение дня или недели, пока он не впитается в вас и таким образом не станет частью вашего существа. Короче говоря, *если вы не едите Слово, то вы не можете накормить им других* (Мейзер (Meuser), 1983:88). Духовность проповедника проявляется не только в молитве, но и в том, как она соотносится с Писанием. Тот, кто собирается читать текст, в любом случае должен знать: в этом тексте я умираю, и я живу. Атмосфера и стиль, значимость и «аура» библейского текста должны пронизывать и проникать в каждое слово и действие, каждое молчание и движение, иначе говоря, в каждый момент проповеди и богослужения, как вода, наполняющая губку.

Например, читая Псалом 129, вы должны делать это только так, как если бы вы были тем, кто взывает из глубин к Богу, чтобы чтение – и проповедь – стали голосом из глубин, голосом, который звучит так среди прихожан, что они, и особенно те, кто сами сейчас в глубинах, могли отождествить себя с ним. Или, если кто-то читает Псалом 87 и проповедует по нему, то вряд ли может делать это, не зная, что значит колебаться на краю могилы. Или, если вы проповедуете о Псалме 99 и не испытали, как Божья верность может наполнить вас до предела радостью и еще большей радостью, тогда вам лучше было бы промолчать.

Августин отметил, что *постоянное чтение и перечитывание Священного Писания, пока оно не проникнет в вас, является одним из основных призваний проповедников* (ср. Ван Оорт (Van Oort, 1991:15, также 1989:26)).

Использование расписания чтения имеет преимущество – оно устраняет произвольное, несистематическое чтение, но также имеет и недостатки. Это «*lectio divina*» («божественное чтение», обозначающее метод молитвенного чтения Писания, нацеленный на общение с Богом и получение особого

духовного озарения) является первым, «наивным» и ежедневным чтением Священного Писания, пока вы не ознакомитесь с большей картиной, всеобъемлющей историей действий Бога с людьми. Комментарий Д. Л. Муди к членам церкви может вдохновить проповедников пересмотреть свои привычки чтения: *«Читайте свою Библию до дыр...»*.

Похоже, действительно, существует опасность, что проповедь, перестанет быть проповедью по Писанию. Есть много стихов, голоса которых никогда не слышны или очень редко. Библия в значительной степени является непроповедуемой Библией («Ungepredigte Bibel», Борен), 1996:92-94, также 1971:110 и далее).

Суть в том, что проповедь и богослужение не могут распылять библейский текст; библейский текст должен проходить нитью через проповедь и богослужение.

- Есть проповеди, в которых цитируются множество стихов Писания (часто только для звучания), но их значение «не разблокировано». Еще Августин заметил основную проблему: слишком много проповедников хотят клеветать немного по текстам, как цыплята клюют зерно, здесь и там, не осознавая всего пространства двора или Великого Повествования.

- Есть проповеди, которые имеют дело с библейским текстом производным образом, то есть они не цитируют отрывок буквально, а просто пронизаны его философским содержанием. Текст больше не распознается как таковой, но можно, однако, сказать, что послание все еще существует и что пуповина между текстом и проповедью еще не перерезана.

- Есть проповеди, в которых содержится сильная экзегеза текста, но им не удается перейти мост к контексту собрания, то есть толковать текст таким образом, чтобы он был понятен как Евангелие для нашего времени

- Есть проповеди, которые можно было бы назвать «разъяснительными», где стих за стихом происходит объяснение

отрывка Писания без целенаправленного поиска его применения или где практика следует после теории, как своего рода изящное дополнение.

- Есть также проповеди, в которых предполагается использовать текст в качестве основы, но он почти не функционирует в них, и, по сути, необязателен и может быть заменен – просто декорация для того или иного духовного послания. Такие проповеди вполне можно назвать «христианскими», но в них отсутствует специфическая направленность и уникальный «вкус» конкретного текста.

- Безусловно, ясно, что истинная проповедь по Писанию – это сложный вопрос. То, что текст в определённые моменты еще преодолевает все препятствия, вопреки нам и нашей неуклюжести, есть не что иное, как Божественное чудо.

6.1 Жанр текста: источник для творческой проповеди

Обычно проповедники ищут послание текста для проповеди. Это хорошо при условии, что мы понимаем, что нельзя отделить сообщение или содержание от формы текста. Здесь ценны историко-критические исследования и литературоведение: они помогают нам лучше сосредоточиться на удивительных поворотах, движениях и нюансах текста и использовать их для проповеди. Хотя эти науки никогда не смогут узурпировать ответственность за размышление над текстом, проповедник не может обойтись без них с чистой совестью.

Все это подтверждает снова, насколько серьезно мы должны относиться к библейскому тексту. Он требует, чтобы мы слушали его с пристальным вниманием, чтобы мы изучали его, боролись с ним... сломленные, искалеченные, пропитанные молитвой ... до ночи. Текст, через который действует Святой Дух, в некотором смысле – это все, что у нас есть. Но этого достаточно.

Бетель Мюллер писал:

«Проповедники должны не только заглядывать в текст и пытаться проникнуть в него; они также должны

научиться смотреть сквозь текст на мир, который открывается перед текстом. Они должны научиться видеть другой мир, альтернативный мир, Божий, совершенно другой мир, Божье обнадеживающее спасение и заботу о мире... Таким образом, просмотр текста объединяет миры: Божий мир и наш мир» (Мюллер (Müller), переведено и процитировано у Сильерса (Cilliers), 1998:1).

Этот процесс должен включать, по крайней мере, **шесть моментов**:

- В проповеди важно придерживаться основного кода текста (например, не превращать заповеди блаженства в список увещаний!). В тексте всегда есть определенные коды, такие как метафоры, символы, которые нельзя игнорировать. В проповеди часто случается, что провозглашение спасительных фактов незаметно переходит в провозглашение спасительных возможностей, что прошедшее время становится будущим, – что, как закон, должно выполняться людьми. Это устраняет евангельское утешение. Поэтому мы должны неоднократно и скрупулезно изучать текст.

- В проповеди следует отметить роль метафорического языка как нового описания реальности, а не просто ее моралистической этикализации. Здесь библейские метафоры представляют собой яркий пример: трогательные сравнения, которые пророки произносили над Израилем, чтобы создать новую мечту, новое видение. Когда Иезекииль рассказал людям о сухих костях, которые ожили, это давало надежду на новое начало, подлинное преображение, вызванное Духом Самого Господа. (Иез. 37:1-14).

- В проповеди нужно обращать внимание на направление или траекторию текста, то есть отражать его цель или намерение. Многократно задавать вопрос: куда этот текст хочет нас привести? Что хочет сделать и чего достичь? В конце концов, он движется в определенном направлении и хочет вызвать определенные события. Риторическое движение внутри текста,

а также движение текста внутри сообщества, которое его слышит, порождает смысл, надежду. Это должно преобразить людей, Божий народ, даже если говорится о грехе или Божьем суде. В конечном счете текст утешает нас Евангельским спасением несмотря на то, что эти утешительные слова принимают разные образы и отображают разные лица. В этом и заключается *теологический центр тяжести текста*. Искусство проповеди состоит в том, чтобы найти особый теологический утешительный смысл текста и передавать его многократно как можно более верно и творчески.

- В проповеди требуется *серьезно относиться к социологическому прочтению библейского текста*, то есть к его конкретному историческому, географическому и социально-экономическому контексту (*Sitz im Leben*). Библейские тексты не упали с неба, но имеют определенное прошлое. Тот факт, что морализм почти всегда хочет перепрыгнуть через их историчность, чтобы достичь той или иной абстрактной «духовной истины» или «закона», имеет большое значение. На самом деле морализм преследует цель деисторизации и спиритуализации Священного Писания и, как следствие, образцового обращения с ним. Однако если не относиться к прошлому текста честно, то вы не поймете его настоящего и будущего.

- В проповеди для возможностей применения текста важно *развивать творческое предвосхищение и ожидание*, а не сухое и стерильное применение, то есть отмечать и продвигать точки соприкосновения между текстом и слушателями. И читать текст с надеждой, чтобы даже, казалось бы, самая известная или самая неинтересная его часть содержит свежее слово благодати для проповеди. Атмосфера ожидания – это питательная среда для чудес! Текст действительно содержит обещание нового будущего – обещание удивительной Божьей благодати. В этом смысле проповедники с надеждой являются творческими проповедниками, то есть теми, кто живут как в мире текста, так и в мире людей, и могут создавать новые связи, удивительные

ассоциации, приводящие к появлению новых возможностей, которых раньше не было видно.

- Однако творческие проповедники также знают, что они не могут проповедовать без творческого Духа, и поэтому молятся: *veni Creator Spiritus (приди, Дух-Творец)* (Сильерс (Cilliers), 2000:121-122).

Понимание прошлого, настоящего и будущего миров текста помогает понять весь его смысл. Ученые-гомилеты все чаще подтверждают, что существует четкая связь между литературным жанром текста и проповедью. Те, кто чувствительны к жанру текста, задают другие вопросы о тексте, задают другие вопросы к его содержанию, подходят к нему с другим ожиданием, чем в случае просто поиска «сообщения» текста.

Рекомендации Лонга (1996:127-135) направлены на использование такого широкого подхода:

- Позвольте движению библейского текста определять движение проповеди.
- Позвольте противоположным силам библейского текста стать противоположными силами проповеди.
- Позвольте центральной мысли библейского текста стать центральной мыслью проповеди.
- Позвольте настроению библейского текста повлиять на настроение проповеди.

Данный подход к Писанию *сильно отличается от подхода фундаментализма*, который в значительной степени игнорирует историческую и лингвистическую природу Библии – с далеко идущими последствиями для проповеди. На самом деле, мало что так подавляет творческий стиль проповеди, как фундаментализм. Те, кто не признают уникальную историческую и литературную природу текста (позвольте мне добавить: его человеческую природу) и слишком усердно ищут «вечные истины», которые могут быть скрыты в тексте тем или иным способом, на мой взгляд, не понимают значения «*sola scriptura*» и «*tota scriptura*»

(«Tota scriptura» – латинская фраза, означающая «Писание целиком» или «каждая часть Писания»). «Tota scriptura» подчеркивает, что вся Библия – это Слово Божье и ее следует воспринимать как единое целое; в то время как «sola scriptura» не позволяет людям что-либо добавлять к Библии, «tota scriptura» не позволяет людям что-либо убавлять из нее (*Прим. перевод.*)).

Суть в том, что в вашем путешествии к открытиям в мире текста, в его текстуре и волокнах (texere) есть возможность услышать живой голос Евангелия – «viva vox evangelii». Вы можете найти следы Святого Духа и следовать по ним, да, по Божьим следам. Каждый текст открывает новые реалии, удивительные возможности, неизвестные обещания, а именно те, которые содержатся в Евангелии. Библейские тексты приглашают нас. Они раскрывают Евангелие, зовут нас в мир, где мы можем увидеть, как действует Бог. Если вы удовлетворены тем, что обнаружили только один алмаз в сите экзегетической работы проповедника, значит, вы недостаточно глубоко копнули в шахте текста. Или, если вы будете смотреть только на одну сторону алмаза, не поворачивая его во время проповеди, то никогда не увидите всего его блеска. Вы можете держать сокровище в своих руках, не понимая его ценности.

Призвание проповедников состоит в том, чтобы постоянно раскрывать новую черту Божьего лица, новый взгляд на Его милосердное присутствие перед собранием. Однако это невозможно без библейских очков. Только когда конкретная линза конкретного текста фокусирует наши глаза на конкретном откровении Бога, мы, как проповедники, можем пригласить слушателей посмотреть через эту линзу вместе с нами.

Поэтому каждая перспектива, каждая проповедь, по сути, ограничена и не должна претендовать на то, чтобы представить прихожанам полную картину всей истины. Проповеди – это фрагменты, и, как таковые, они являются открытым приглашением для других также взять на себя смелость изложить свои мнения через призму текста.

В течение очень долгого времени проповедь традиционно описывалась как **движение «от текста к проповеди»** (примеры литературы, а также критики в этой связи, см. Борен, 1974:143 и далее). Основная философия по этому поводу была проста, примерно такова: между древним библейским текстом и современным слушателем или читателем существует многовековая пропасть, которую проповедники должны преодолеть как можно лучше. Это они делают, определяя центральное сообщение (тему) текста с помощью правильной экзегезы, и передают его слушателю с наименьшим возможным вмешательством, и в этом процессе также предоставляют соответствующее применение.

Часто это применение было не чем иным, как грубой аналогией между историческими и современными ситуациями, в духе: *«Мы такие же, как Петр, не так ли?»* Или: *«Сегодня мы все еще боремся, как Павел, с врагами Евангелия»*. Но, несмотря на все сходства, которые могут быть между определенными обстоятельствами, ясно, что существует гораздо больше различий, по крайней мере, столь же поразительных или значительных, как и совпадений. Мы не точно такие же, как Петр, и не действуем точно так же, как Павел. Для этого пропасть времени, культуры и контекста просто слишком велика.

Что делает вышеупомянутую манеру проповеди еще более сомнительной, так это сопутствующее ей стереотипное моралистическое дополнение. Тогда подобная проповедь становится вневременной трехступенчатой практикой, шаблонным изложением *принципа, применения* и, естественно, *наставления* (Сильерс, 1996:98). Что-то вроде:

- Сегодняшний текст говорит нам... (сведение смысла текста к общему принципу или истине).
- Применительно к нашей ситуации это означает... (предписывающее применение истины к человеческим жизням).
- Поэтому мы должны... (наставление для новых действий).

Тем не менее, этой парадигмы придерживались долгое время. Проповедник должен был, так сказать, нырнуть глубоко под толщу истории с целью найти драгоценный коралл (или моральный урок!), чтобы вытащить его оттуда как можно более невредимым и в конце концов передать в руки ожидающих получателей.

Однако этот стиль назидания **все чаще подвергается критике** по целому ряду причин. Я упомяну только три (по ассоциации с Лонгом, 1990:342-343):

- Во-первых, среди библеистов нет единого мнения о том, что сейчас является единственной или законной моделью интерпретации. Напротив, иногда философские направления в этой связи прямо противоположны. В настоящее время на герменевтическом горизонте виден конгломерат методологий интерпретации, например феминизма, либерализма, постлиберализма, постмодернизма, эстетики рецепции и так далее. Без сомнения, это изменение в герменевтической схеме оказывает радикальное влияние на проповедование: путь «от текста к проповеди» уже не так очевиден и ярко освещен, как раньше.

- Во-вторых, то, что историко-критическая методология, как все методологии, не является или не может быть нейтральной, становится все более признанным, но она вытекает из определенных идеологических предпосылок в связи с природой смысла. Однако это не означает, что проповедник может обойтись без тщательной научной работы с текстом.

- В-третьих, изменился взгляд на то, что такое Священное Писание и как оно функционирует. Вместе со сдвигом в герменевтических парадигмах произошел неизбежный сдвиг в восприятии Библии. Это факт, который необходимо тщательно оценить, потому что эти сдвиги, естественно, не принесли только благословение. Однако, на мой взгляд, самым большим преимуществом этих изменений на самом деле является тот факт, что возникли новый интерес к предпосылкам библейского текста,

новое открытие возможностей и ограничений, в том числе и в том, что касается проповеди.

В прежнем направлении движения от «текста к проповеди» сам текст – против цели проповедников – занял второе место. В то время как его элементы или фрагменты (послание, идеи, темы) переносились по мосту, сам текст оставался позади, с литературными волокнами, полными риторических оборотов и стратегий, с неповиновением, нерегулярностью.

Брюггеманн (1989:7), вероятно, прав, когда говорит, что мы в значительной степени укротили, сократили и упростили текст. В то время как «красивые» и часто также моралистические послания посредством неестественных исторических аналогий были перенесены через пропасть, текст остался позади, не имея возможности говорить как текст. Во время попытки выжать сок (содержимое) из апельсина (текст) кожура (стиль) стала не нужна – в ущерб проповеди (Лонг, 1996:127 и далее).

ЗАДАНИЕ. Представьте, что мы подбираем на дороге клочок бумаги, на котором можно прочесть только: **«У меня есть меч...»**. Последнее слово не разборчиво и не полно, потому что часть его оторвана. Предположим, что эта надпись так заинтересовала нас, что мы хотели бы знать, что она означает. Начинается попытка понять эти слова, назовем их текстом. Как будто мы участвуем в квесте поиска истины.

Сначала мы должны попытаться определить, **какова недостающая часть предложения** (или, возможно, даже абзаца), чтобы иметь полный и правильный текст для работы. Скорее всего, это отрывок газеты. С помощью типа бумаги, шрифта, даты, когда он был подобран, и ряда других запросов можно получить соответствующее издание и определить искомый текст путем сравнения. Предположим, что предложение гласит **«У меня есть мечта»** и является частью репортажа о каком-то публичном выступлении. Например, мы узнаем, что это знаменитая речь Мартина Лютера Кинга (младшего)

в Вашингтоне (1963), в которой он изложил свое видение, свою мечту о стране справедливости и мира, без расовой дискриминации и жестокости.

Если мы не понимаем **язык** текста или, по крайней мере, недостаточно хорошо его понимаем, нам понадобится надежный **перевод**. Его можно получить с помощью словарей или экспертов. Здесь, конечно, нам придется быть осторожными, потому что слова и грамматические конструкции не всегда имеют точные эквиваленты в других языках и могут содержать нюансы, передавать эмоциональное значение или вызывать ассоциации, которые изменяют первоначальный смысл, и таким образом вызывают недопонимание. В определенном контексте одно и то же выражение, чтобы донести его смысл, иногда придется переводить иначе, чем в других местах. Поэтому очень верно высказывание о том, что каждый перевод уже является интерпретацией (или толкованием). Итак, если есть хороший перевод, уже можно сказать, что мы **понимаем** слова в определенном смысле. Но **действительно ли мы понимаем текст, то есть все послание целиком?**

Предположим, что журналист **не слышал речь Кинга, а основывал репортаж на устном сообщении очевидцев**. В таком случае **у них, скорее всего, также были определенные намерения**, почему они рассказали об услышанном в средствах массовой информации. Более того, они так же, вероятно всего, сделали свою собственную выборку из длинной речи – мысли, которые их поразили или заинтересовали, но которые, возможно, вообще не были главной темой, посланием или намерением оратора. **Слушатели, следовательно, пересказывая речь, интерпретировали, упорядочивали, окрашивали ее**. Вопрос теперь в том, эти ли намерения мы должны осознать, чтобы сказать, что поняли текст?

Что если выступление представляло **большой общественный интерес** и, возможно, даже было **политически спорным**, как это действительно было в случае с упомянутой

речью Мартина Лютера Кинга? Тогда главный **редактор** газеты, возможно, счел бы необходимым внести существенные изменения в первоначальную версию событий. Таким образом, хотя подготовленное сообщение в значительной степени является делом рук журналиста и публикуется под его (ее) именем, текст опять **подвергается интерпретации, намерениям и интересам редактора** или пресс-группы, а, возможно, и конкретного политического альянса. Уже заголовок или размещение в газете помогает донести эту интерпретацию до читателей. Вот почему сообщения об одном и том же событии могут сильно отличаться от газеты к газете. Статьи служат интересам или намерениям конкретной группы. И в такой новостной истории, как наша, это, несомненно, сыграет свою роль. Итак, снова поднимается вопрос: эти ли намерения мы должны осознать, чтобы сказать, что поняли текст?

В случае речи Мартина Лютера Кинга (младшего) «У меня есть мечта» становится ясно, насколько важными могут быть все эти этапы. Именно в отношении религиозного, политического или идеологического высказывания, которое может как пробудить и вдохновить одних, так укорить и обличить других, процесс пересказа и редактирования иногда бывает очень предвзятым, и, следовательно, необходимо принимать это во внимание.

Однако нас может больше заинтересовать то, что **сказал и намеревался сказать сам оратор**, помимо того, как его слова были пересказаны, воспроизведены и отредактированы. Именно это намерение мы хотим попытаться осознать, чтобы иметь возможность сказать, что понимаем текст? Но тогда становится ясно, что мы хотим понять больше, чем просто текст, больше, чем просто слова на листе бумаги в нашей руке. Мы хотим выяснить, **что на самом деле происходило при написании оригинала.**

Как же мы собираемся **определить намерения автора статьи, очевидцев, редакторов и оратора?**

Все четыре намерения носят **исторический** характер. Мы пытаемся узнать о **предыстории** текста (оратор), его **происхождении** (журналист), **редактировании** (редактор) и **окончательном оформлении** (главный редактор от имени пресс-группы), короче говоря, об создании текста (в последних трех случаях), либо о событиях, стоящих за ним (в первом случае). Это требует исторических ответов, правильность и надежность которых будет основываться на исторических методах исследования.

Мотивом нашего поиска является не просто любопытство, а необходимость лучше понять. На каждом этапе исторического развития текста происходили значительные изменения, и чем больше мы об этом знаем, тем лучше понимаем, что с ним произошло и почему, тем лучше поймем, что будет дальше.

Поэтому, если бы мы могли различать и распознавать каждую фазу нашего расследования, то есть если бы каждую из них можно было бы сравнить с тем, что было на самом деле сказано, то в конечном итоге лучше поняли бы написанное. Например, если мы сможем определить сходства и различия между тем, что произошло, и тем, что рассказали очевидцы, то лучше поймем их интерпретацию и намерения. Если мы сможем определить сходства и различия между тем, что произошло, и версией автора, то есть то, как журналист культивировал и использовал традицию, то лучше поймем его интерпретацию и намерения, а значит, и текст. Если мы сможем определить сходства и различия между первоначальной версией автора и конечным вариантом редактора, то есть то, как он воспринял и использовали имеющиеся в его распоряжении традиции или материалы, то лучше поймем интерпретацию и намерения редактора, то есть окончательный текст. И если мы сможем определить сходства и различия между тем, что действительно произошло, вместе с намерением оратора, и тем, что содержится в статье, то увидим, что происходило в процессе, а также сможем лучше прочитать и понять текст.

В наших попытках понять то, что мы читаем, важно учитывать и то, где находится текст в газете. Или, говоря по-другому: мы смотрим, **в каком литературном жанре** он был написан. Имеет огромное значение, появляются ли слова «У меня есть мечта» в политических новостях, как в нашем примере, или в колонке писем, спортивном обзоре, в «Уголке для одиноких», в «Предсказаниях по звездам», или разделе «В память о ...», или в художественном рассказе, в качестве заголовка стихотворения.

Жанр определяет то, как следует понимать слова. Все настоящие читатели знают это интуитивно, а те, кто не знает и не применяет это, на самом деле не умеют читать. Любой, кто одинаково серьезно относиться ко всем рубрикам газеты и, следовательно, рассматривать все как новостные сообщения, предназначенные для передачи исторических фактов, не интересуется смыслом, намерением, посланием и правдивостью большинства материалов. Тот, кто хочет, чтобы все было исторически достоверным, просто выдает, что он не умеет читать, не может правильно обращаться с газетой.

В конце концов, в случае большинства других жанров, кроме новостей и репортажей, исторический вопрос не так важен или даже не имеет значения вообще. Что важно в других жанрах, так это литературные вопросы, соответствующие им. Именно по этой причине большая часть материалов, которые можно найти в газетах, анонимна: духовные размышления, стихи, комиксы, гороскопы, реклама, и даже редакционные комментарии, а также некоторые письма в колонке мнений. Кто бы их ни написал, обычно это не так важно. Чтобы понять их, необходимо ли читателю знать, что такое реклама, стихотворение или комикс? По каким правилам работает этот жанр? Как это следует читать? Должен ли я что-нибудь купить? Должен ли я над чем-то посмеяться? Или следует «смахнуть слезу» и перевернуть страницу? Конечно, чтобы верно понять такие тексты, необходимо обладать знаниями и учитывать их

жанр. Ведь, если не помнить о жанре конкретной информации или недостаточно учитывает его, это может привести к ужасным недоразумениям.

Следующий аспект естественным образом вытекает из того, что уже было сказано. В большинстве жанров необходимо учитывать **контекст, в котором используются слова**. На самом деле, слова и предложения приобретают свое значение в контексте или в тексте.

В комиксе или каждое предложение может быть понято только в целом. В письме есть (надеюсь!) логичный аргумент, которому нужно следовать. В стихотворении каждая часть функционирует в рамках достигаемого эффекта. В истории есть интрига и развязка. В размышлении есть послание. Только когда целое понято, можно действительно сказать, что части также поняты.

Однако дело обстоит еще сложнее. А именно, во многих жанрах смысл заключается не столько в прямо используемых словах, сколько **в конечном желаемом эффекте**. На полосе комиксов нигде не написано «Смейся сейчас». И все же можно утверждать, что мы понимаем это только тогда, когда данный эффект достигнут. В трагической истории нигде прямо не говорится: «Теперь читатель должен плакать», но все же можно утверждать, что трагедия, а вместе с ней и ее части, были поняты только тогда, когда был достигнут желаемый эффект. Объявления в «Уголке для одиноких» не говорят прямо: «Выходи за меня замуж». И все же чувствительные читатели часто понимают, что это именно то содержание, которое до них хотят донести. То же самое относится и к рекламе, и к стихам.

Из этого следует, что многие тексты понятны только тогда, когда читатели знакомы с их жанрами и настолько вовлечены в эту игру по правилам, что желаемый эффект достигается, даже без того, чтобы передавать смысл большим количеством слов.

Наш пример очень хорошо иллюстрирует все эти аспекты. Чтобы правильно понять слова Мартина Лютера Кинга (млад-

шего), нужно учитывать жанр, то есть его типичные захватывающие речи: они были тонко рассчитанными ораторскими мероприятиями, полными риторики и драматического стиля. Только тогда можно по-настоящему понять это предложение, если принять во внимание общий эффект, который говорящий хотел произвести, и, таким образом, как бы сыграть в игру понимания в соответствии с определенными правилами.

На самом деле все обстоит еще сложнее. Очевидно, что во многих текстах **первоначальный автор вообще не важен**. Его (ее) намерения не важны. История, стоящая за текстом, и даже история текста не важна.

Например, *стихи* важны просто как текст. При чтении он приобретает определенную *вневременность*, *определенный общечеловеческий или универсальный смысл*. Таким образом, любой может прочитать его в любое время и в любом месте, совершенно не зная, откуда он взялся или кем был написан и как был задуман, все равно понять его, почувствовать его, обратиться к нему, даже быть глубоко тронутым им. Каждый, кто читает и понимает такой вневременной или «безисторический», или «безавторский» текст, конечно, не обязательно поймет его точно так же, как другой читатель, но именно так, как текст «говорит» *именно с ним*.

К разным читателям стихотворение будет обращаться по-разному, всеми законными способами. То, что задумал поэт, на самом деле не имеет такого большого значения. Со временем текст дистанцируется от него, а иногда даже полностью прощается с ним. Тот факт, что мы не знаем, например, имен авторов многих древних поэм или имен рассказчиков народных басен, вовсе не делает их бессмысленными. И причина ясна. Текст начинается, когда он открывает свою собственную жизнь смысла.

Поэтому одна интерпретация такого текста не обязательно более правильна, чем другая. Также никогда не бывает окончательного и авторитетного объяснения, после которого никто уже не сможет сказать ничего нового о прочитанном. Такой

текст обладает, так сказать, избытком смысла, которое никогда не будет окончательно определено. До тех пор, пока читатели будут озабочены такого рода вневременными или универсальными текстами, каждый раз будут появляться новые возможности их понимания.

Это также относится к легендарной речи Мартина Лютера Кинга-младшего. В некотором смысле она стала классикой. Она стала частью риторики, которая начала жить своей собственной жизнью, независимо от конкретной исходной ситуации и первоначального оратора. И в результате с тех пор она была использована многими людьми во многих других ситуациях, иногда почти до каждого звука.

Разнообразие современных литературных теорий, (более или менее) научных методов анализа иногда помогает обнаружить совершенно новые возможности понимания в текстах.

Итак, в попытке понять текст читатель сначала задает исторические вопросы, затем – грамматические и литературные.

- **Исторические вопросы:** «Достоверный ли это текст? Как он возник? Кто принимал в этом участие и почему?»
- **Грамматические вопросы:** «Как текст построен внутри? Что означают эти слова, выражения и предложения?»
- **Литературные вопросы:** «В каком жанре написан текст? Что означает весь контекст в целом? Какого эффекта хочет достичь этот тип произведения? С помощью каких литературных теорий можно лучше всего раскрыть написанное?»

ОБСУЖДЕНИЕ: Какие вы видите ошибки в этой проповеди?

Представьте, вы находитесь на свадьбе, и пастор напутствует молодоженов, используя стихи из Священного Писания, где повторяются слова: «*вдвоем отправились в путь...*», «*...вдвоем пошли дальше*» (Быт. 22:6, 8). Он подчеркивает, что идти вместе необходимо для брака. Начав идти вместе, супружеская пара должна продолжать делать это на протяжении всего жизненного пути. Нельзя позволять своему супругу

идти одному, потому что одиночество разрушает человека. Также нельзя позволять никому идти между мужем и женой, потому что это рецепт для разделения.

Позже вы разговариваете с подругой, которая переживает за отношения со своим молодым человеком. Тот устроился на работу в другом городе, примерно в 1000 км от нее. Девушка боится, что это приведет к разрыву. Она пошла к пастору, и, чтобы утешить её, он использовал стих из Библии. Теперь она полна надежд, потому что он звучит примерно так: *«Ведь, может быть, он отсутствовал у тебя некоторое время для того, чтобы возвратиться к тебе навсегда»* (Фил. 1:15).

6.2 Христологическая проповедь: взаимосвязь между Ветхим и Новым Заветом

Джей Адамс объясняет это довольно красноречиво:

«Если вы читаете проповедь, которая была бы приемлема для члена еврейской синагоги или для унитарийской общины, в этом есть что-то радикально неправильное. Проповедь, когда она истинно христианская, является отличительной. И что делает ее отличительной, так это всепроникающее присутствие спасающего и освящающего Христа. Иисус Христос должен быть в центре каждой проповеди, которую вы проповедуете. Это так же верно в отношении назидательной проповеди, как и в отношении евангельской проповеди».

Сперджен сказал:

«Разве вы не знаете, молодой человек, что из каждого города, каждой деревни и каждой деревушки в Англии, где бы она ни находилась, есть дорога в Лондон? ...Итак, из каждого текста Священного Писания есть путь к великой столице, Христу. И мой дорогой брат, твое дело, когда ты дойдешь до текста, сказать, каков путь ко Христу? ...Я никогда не находил текста, в котором не было бы пути ко Христу, и если когда-нибудь я его найдуЯ перелезу

через изгородь и канаву, но я доберусь до своего Учителя, потому что проповедь не принесет никакой пользы, если в ней не будет запаха Христа».

Однако, имея это в виду, мы должны помнить, что это, вероятно, самый сложный аспект проповеди. Как мы проповедуем о Христе в Ветхом Завете?

Это опять-таки означает, что христианская церковь никогда не рассматривала Писание как бесформенное однородное целое, а скорее как послание, как библиотеку книг с очень определенным посланием, направленностью и провозглашением. Поэтому **церковь всегда стремилась, чтобы канон имел определенные очертания**, показывал четкие контуры, чтобы было ясно, что ни один текст или *перикоп* не могут быть изолированы и истолкованы так, чтобы они не соответствовали канону или не функционировали в рамках определенного сообщения или плана.

Например, церковь иногда говорила:

- об исторических или нормативных материалах;
- о взаимосвязи между законом и Евангелием как о ключе к пониманию Писания;
- об особой взаимосвязи между Ветхим и Новым Заветами;
- о христологическом фокусе (*Christological scopus*)

Писания;

- о сравнении Писания с Писанием;
- о продолжающейся истории спасения;
- о ясности Писания, которая никогда не означала, что все Писание одинаково ясно во всех частях, но что направление или послание о спасении в нем ясно;
- о каноне внутри канона;
- о центре Писания;
- о последовательности заветов;
- об оправдании нечестивых как принципа раскрытия Писания;
- о свидетельстве о Христе (*Christum treibet*);

- о так называемой «перспективе снизу» или «герменевтическом приоритете бедных» (формулировки теологии освобождения XX века) как единственной возможности по-настоящему понять Евангелие.

Все эти усилия являются свидетельством одного и того же, а именно законного желания церкви **придать узнаваемые очертания христианскому посланию Библии**, в том числе с целью его пересказа, провозглашения и свидетельства о нем.

Не вдаваясь в подробности этого вопроса, полезно взглянуть на взаимосвязь между Ветхим и Новым Заветом, рассмотрев концепции *преемственности* и *разрыва*.

Очевидно, что послание об *участии Бога, Его спасительных деяниях, Его любви и благодати продолжается и в Новом Завете*. Мы можем посмотреть на так называемые «дороги», которые пересекают мост между Ветхим и Новым Заветом.

Бог правит как Царь

Понятно, что Бог сейчас (за мостом!) раскрыт во Христе сильнее, чем во времена Ветхого Завета, так что богословие и христология теперь почти неразличимы (Ин. 4: 9). Так что нет никаких проблем с тем, чтобы пересечь мост по данной трассе. И все же в этом отношении необходимо учитывать значение моста. Евангелия возвещают нам, что Божье Царство во Христе стало настоящей реальностью (Мк. 1:15, Лк. 4:21). Это означает, что вся информация о царстве Ветхого Завета обретает полный смысл благодаря «мосту», то есть заслугам искупления Христа. Вне Него не может быть серьезных разговоров о царствовании Бога.

Не существует такого понятия, как всеобщее Отцовство Бога: все люди по природе являются братьями, то есть верующими. Представители теологии революции и политической теологии, возможно, упустили это из виду. О Царстве Божьем можно осмысленно говорить только в терминах «моста».

Милостивое избрание и завет с Израилем

Значение «моста» для всего ветхозаветного материала, касающегося избрания Израиля и завета с ним, состоит в том, что обещание было исполнено во Христе и Его заслугах в искуплении. В этом оно становится действительным.

«Мост» – это именно то, что видели, во что верующие из Ветхого Завета верили и что приветствовали издалека, и о чем седой Симеон сказал: *«Владыка! Теперь, как Ты и обещал, Ты отпускаешь Своего слугу с миром, потому что мои глаза увидели спасение Твоё»* (Лк. 2:29, 30).

Мессианское ожидание

Когда прихожане Эммауса не могли понять в Ветхом Завете то, что касалось Христа, Он объяснил им Священные Писания, как они свидетельствовали о Нем. Иисус истолковывает для них «мост» в терминах Его Личности и страданий, открывает перспективу Его славы (Лк. 24:26, 27). Беркувер прав, когда говорит, что мессианское ожидание имеет фрагментарный характер в Ветхом Завете. Во Христе это значительно изменилось. *«Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне»* (Евр.1:1).

Законы как управление Царством

Здесь присутствует элемент разрыва. Однако закон как выражение Божьей воли для нашей жизни в отношениях завета остается в силе. Но смысл «моста» теперь заключается в том факте, что *Христос выполнил Божье требование Своим послушанием*.

Поклонение: храм, священство и жертвоприношения

Зачем происходило израильское богослужение? Мы можем ответить одним словом: для общения. Скиния и храм являются символами Божьего присутствия. Речь идет о встрече. Поскольку это встреча святого Бога с грешными людьми, все аспекты богослужения служат примирению людей с их Богом:

приносимые жертвы, совершаемое священническое служение, отмечаемые праздники и прочее.

Где мы можем найти совершенное исполнение общения, как не во Христе, в Котором телесно обитает полнота Божества (Кол. 2:9)? Тот, Кто через завесу Своей плоти открыл нам новый путь к общению с Богом (Евр. 10:20). Само собой разумеется, что на этом пути будет *разрыв*, особенно когда мы перейдем с нашим текстом Ветхого Завета через мост к собранию нового устройства. Никакая проповедь о каком-либо аспекте поклонения Израиля не может идти по другой дороге, кроме этой трассы, и по другому мосту.

Эсхатологическая перспектива

Можно сказать, что все ветхозаветное откровение – это мощное движение в направлении «моста», от которого происходит дальнейшее движение к концу, поэтому в этом существует как преемственность, так и разрыв. «Мост» символизирует, что Царство Божье может быть достигнуто только Христом. Люди и страна не являются ядром народа Божьего. Надежда, на которую направлено эсхатологическое ожидание, состоит в том, что будет новая земля, на которой будут жить бесчисленные люди всех народов, наций и языков.

Здесь мы хотим подчеркнуть, что проповедник не может осмысленно проповедовать о эсхатологическом тексте отдельно от «моста». Нет такого ожидания будущего, которое не коренилось бы в значении заслуги Христа. Все остальные чаяния являются искажениями и не имеют ничего общего с библейской эсхатологией.

Да, это правда, что Новый Завет дает более четкое выражение этим упомянутым «дорогам» благодаря работе Христа и Святого Духа.

Другие же «пути» перестают существовать в послании Нового Завета из-за Христа или имеют очень небольшое значение. Читая Послание к евреям, мы получаем четкую картину

этой *преемственности* и *разрыва*. Она помогает нам увидеть, что между двумя Заветами существует неразрывная связь, но не все ветхозаветные элементы важны для христианской церкви. В письмах Павла мы видим много ссылок на Ветхий Завет, хотя теперь обет скреплен кровью Христа и включает всех верующих.

Путь и Мост в Новом Завете

То, что мы обсудили выше, было задумано как помощь в проповеди по Ветхому Завету. Само собой разумеется, что проповедь Нового Завета будет менее проблематичной. Его материал находится на уровне новой *диспенсации* (отдельный этап домостроительства в осуществлении единого промысла Божьего) и в основном по эту сторону «моста».

И все же мы должны иметь в виду следующие моменты:

- Первый заключается в том, что проповедник, обрабатывая текстовый материал Нового Завета, должен быть настороже в отношении того факта, что новая *диспенсация* не началась внезапно и радикально при рождении Христа. Ветхое устройство, по сути, продолжалось в течение некоторого времени и встречается, например, в Евангелиях. Здесь тоже есть преемственность и разрыв.

- Второй момент состоит в том, что в структуре богословия Нового Завета также присутствуют «трассы», которые органически и фундаментально связаны с «трассой» Ветхого Завета. Это означает, что в проповеди по Новому Завету каждый из нас должен ссылаться на данные Ветхого Завета, с которыми связан выбранный текст.

- Третий момент содержится в том, что новозаветное исполнение текстового материала Ветхого Завета само направлено к *консумации*, завершению. Это означает, что практически в каждом тексте Нового Завета присутствует эсхатологическая перспектива, которую проповедник должен учитывать. Можно сказать, что материал Нового Завета также находится в *пути*,

и что он также ориентирован на «мост», в данном случае – на возвращение Христа.

Поэтому, разбирая библейский отрывок, мы должны использовать два типа линз:

- *увеличительную*, чтобы изучить его детали и особенности;
- *ультра-широкоугольную* («рыбий глаз»), чтобы увидеть, где он находится по отношению к текстам, посланиям и событиям вокруг него и всему Священному Писанию.

Во многих местах из Ветхого Завета нет явного упоминания о смерти и воскресении Христа, а во многих стихах из Нового Завета восхваляется нравственное поведение без упоминания креста или силы Святого Духа. Как мы можем извлечь из отрывка то, что в нём не упомянуто? Ответ всегда заключается в том, чтобы прочитать и понять текст в его более широком контексте, используя «рыбий глаз».

Ни один стих Писания не существует в отрыве от других стихов или от всеобъемлющего послания Библии. Хотя Павел проповедовал на многие темы и рассматривал множество различных ситуаций, он всегда стремился показать, как все связано с Христом и Его работой по искуплению. **Так и проповедь, ориентированная на Христа, не стремится везде найти упоминание о Нём, а показывает, как каждый библейский отрывок связан с Ним.**

6.3 Христологическая проповедь: *индикатив* и *императив*

Джон Остин (John Austin) подчеркивает, что проповедь носит перформативный (действующий) характер. Когда проповедник, совершая крещение, говорит: «Я крещу тебя во Имя Отца, Сына и Святого Духа», он делает заявление. В то же время слушатель не только говорит, но и совершает таинство. Или, когда судья говорит: «Настоящим я объявляю вас виновным во имя справедливости», он не столько говорит о вине и справедливости, сколько выражает их, выносит приговор.

По словам Остина, *индикативная*, активная форма речи в настоящем времени лучше всего иллюстрирует *перформативный* стиль проповедования (например, «Бог действует»). Она является хорошим показателем выражения оратором присутствия и действий власти Того, о Ком проповедуется.

Взаимосвязь между *индикативом* (декларация, провозглашение факта) и *императивом* (требование, повеление) является центральным вопросом в Священном Писании. Понимание их отношений имеет решающее значение для проповеди. Когда эта связь искажается, теология сбивается с пути.

Божье Слово есть обетование спасения и призывает человека жить по этому обетованию. Призыв к вере происходит на основе провозглашения Евангелия и не может действовать иначе, как в контексте провозглашения «*sola gratia*».

Так Иисус Христос является субъектом и объектом благовестия (Мк. 1:14, 15). Поскольку Он стал содержанием провозглашения, слушание Его проповеди – это встреча с Ним же. Вера и покаяние означают следование за Ним до креста. Императив исходит из индикатива.

Это же мы видим в Исходе, в десяти заповедях (Исх. 20). Вертикальные отношения с Богом (первые четыре заповеди) и горизонтальные отношения друг с другом (шесть этических заповедей) как императив и требования основаны на провозглашении факта освобождения Божьего народа из Египта (индикатив). Бог повелевает в той мере, в какой дает; Он также дает в той мере, в какой повелевает.

Похожее можно найти в письме Павла к римлянам: указание на милость Божию, данную во Христе (индикатив), является основанием для того, чтобы отдать себя в живую жертву Ему (императив) (Рим. 12:1, 2). Это постоянная парадигма Писания. Порядок не меняется, потому что он зафиксирован в завете. Бог выбирает и любит, и мы отвечаем. Он благословляет, чтобы мы могли быть послушными и любить Его. Бог – это живой, активный, говорящий Бог, не независимо от нас.

Однако индикатив нельзя отделить от императива и наоборот.

Постоянный акцент на обетованиях Слова (индикатив) может привести к пониманию его как объективного положения вещей, которое мы можем принять к сведению нейтральным образом. Через обещание или сообщение о спасении мы встречаемся с Самим Христом и никоим образом не можем быть равнодушными к этому. «Покайтесь и верьте В Радостную Весть!» (императив) – основное следствие обетования (Мк. 1:14, 15). Однако этот призыв не может быть сделан без индикатива Евангелия. Односторонний он становится моралистическим, что приводит к новому законничеству. Таким образом, индикатив и императив образуют единое целое. Те, кто слышат жизненную реальность Евангелия, не могут продолжать поступать, как прежде. Таким образом, обещание является основой призыва. Индикатив (указание) на Божье спасение создает время спасения и призывает нас откликнуться (2 Кор. 5:17-6:3).

6.3.1 Христологическая проповедь: закон и Евангелие

Можно выделить **три функции закона** в Писании и протестантской традиции.

Поддержание внешнего порядка и устранение любых оправданий перед Богом.

Закон дается как часть общего Божьего откровения. Он сдерживает грех. Его можно также назвать естественным законом. Он известен всем людям, но исходит от Бога, Который открывает его человеческому разуму. Каждый человек знает о законе. Он также раскрывает грехи неверующих. Поскольку он находится в сердцах людей, то делает невозможным для них оправдание перед Богом (Рим. 1:18-20). Согласно этой функции, закон не обладает силой сделать падших людей праведными. Мы никогда не станем правильными, исполняя его.

Побуждение грешников признать свою вину и привести их ко Христу.

В своей книге «О христианской свободе» (1520) Мартин Лютер утверждает, что закон Божий ясно дает понять, что мы должны делать, но не дает нам силы для этого. Так мы познаем свою неспособность делать добро и начинаем сомневаться в своих силах. Лютер использует пример из десяти заповедей: требование «не пожелай» убеждает, что все мы грешники, потому что никто не может не желать чего-либо. Но так как мы очень хотим исполнить эту заповедь, то вынуждены сомневаться в себе и искать помощи где-то еще. Что верно для одной заповеди, верно для остальных. В отчаянии мы осознаем, что в нас нет ничего хорошего. Лютер говорит, что в результате должен получиться «бедный, жалкий, смиренный дух, человек, угнетаемый и устрашаемый через закон своей совестью, которая требует и требует от него того, за что у него нет ни гроша заплатить. Но один только Закон приносит пользу таким самонадеянным людям, ибо он дан для того, чтобы про-извести это знание и унижение».

Когда мы рассматриваем эту функцию закона, связь между ним и Евангелием становится важной. Бог приходит к нам в Своем Слове, которое есть закон и Евангелие. Лютер заявил, что назвал бы богословом только того, кто знает, как различать эти аспекты Божьего Слова.

Следует серьезно отнестись к предупреждению Адриануса ван Селмса (Adrianus van Selms, 1938:88) о том, что говорить об отношениях между законом и Евангелием опасно, поскольку они едины в Боге. Как только мы упоминаем об отношениях, сразу отделяем одно от другого.

Есть общепринятое мнение, что закон не имеет прямого спасительного эффекта. Отношения между ним и Евангелием диалектичны, но неразрывны. Кальвин описывает взаимосвязь между законом и Евангелием с помощью понятий формы и субстанции, в которых становится ясным как единство, так и различие

между законом и Евангелием (Круше (Krusche), 1957:190). Он говорит, что сущность (субстанция) закона и Евангелия одна и та же (Круше), 1957:192). Поэтому живой Бог говорит через Свое живое Слово как в законе, так и в Евангелии (Россоу (Rossouw), 1980:7). Закон и Евангелие – это единое Слово Божье.

Единство в субстанции также выявляет различие. Существует различие между законом и Евангелием в том смысле, что закон лишь воспроизводит очертания Евангелия. Евангелие – это тело. То, что выражено в законе, – это только силуэт. Закон и Евангелие участвуют в одном деле, но по-разному – приводят людей к единому неделимому спасению во Христе. Завет благодати показывает нам совершенную праведность Божью, которую мы должны были достичь. Поскольку мы не обладаем способностью соответствовать ей, нам дана другая праведность, праведность Христа.

В этом смысле закон и Евангелие имеют одинаковую направленность. У них одна и та же цель, а именно свободное обетование благодати Божией только во Христе. Полученное нами знание о наших человеческих нуждах, это знание о спасении.

Направление жизни верующих (дидактическое употребление).

Закон Божий не мешает спонтанной вере или спонтанной любви. Привитые ко Христу истинной верой не могут не принести плодов благодарности. Нравственный закон есть провозглашение воли Божией человечеству, направляющее и обязывающее всех к повиновению. Легко совершить ошибку, используя наставления и заповеди Писания как условия для взаимоотношений с Богом, вместо того чтобы показать, что послушание этим уставам является ответом на Божью любовь к нам. Даже это повиновение является плодом и работой Святого Духа и никогда не является поводом для гордости или хвастовства (Рим. 8:5-17). Единственное послушание, одобренное

Богом, это то, которое Он Сам дает нам силы совершать, освящая нас через союз со Христом. Например, закон побуждает нас молиться, но наши молитвы принимаются только благодаря тому, что сделал Христос. Любое увещание молиться должно быть основано на том, что Бог совершил через Иисуса, иначе наши молитвы ничем не отличаются от языческих или пустых самодовольных прошений. Все, что мы делаем ради христианского послушания, должно находить мотив и силу во Христе.

Итак, иногда ударение падает на открытие наших грехов, когда Евангелие приходит к нам как закон, приводящий нас к Спасителю (закон как «usus elenchticus»). Иногда ударение падает на благодарность, к которой мы призваны, когда Евангелие приходит к нам как заповедь (императив) или конкретное руководство к послушанию (закон как «tertius usus»).

Однако это всегда остается не чем иным, как приходящим к нам *Евангелием*. В этом заключается многообещающий характер Слова («promissio»): оно повествует о великих деяниях Бога, которые также включают в себя (реакцию) человека.

В Гейдельбергском катехизисе кратко записано следующее о законе и искуплении:

- Как я узнаю о моем грехе и пораженности?
ГРЕХ – в законе Божьем.
- Как я могу быть искуплен от всех моих грехов и страданий?
СПАСЕНИЕ – через веру в Иисуса Христа (Символ веры), таинства, дисциплину.
- Как я могу быть благодарен Богу за такое искупление?
НАШ ОТВЕТ: обращение, десять заповедей, молитва.

6.4 Христологическая проповедь: возможные ошибки

Если мы говорим, что вся проповедь должна быть христологической, мы также должны сказать, что в этом отношении существуют трудности. Рейн Бос (Rein Bos, 1992:267-272) указывает на моменты, когда Ветхий Завет в значительной

степени исчезает за Христом, и, следовательно, ему не отдается должное:

- *Христологическое сужение текста Ветхого Завета.* В этом случае весь текст воспринимается как пророчество, которое должно осуществиться во Христе. Тогда проповедь просто использует Ветхий Завет как введение в «действительное» послание и никогда не дает ему возможности проявиться. Ирония заключается в том, что таким образом спасительное послание лишается своей глубины, и иезулогия подавляет законные христологические возможности текста.

- *Христологическое расширение текста Ветхого Завета.* Эта модель провозглашает Иисуса Тем, Кто уникальным образом исполнил мораль текста. Моральное требование, исходящее от библейских персонажей (Авраама, Моисея, Давида и других), усиливается тем фактом, что Христос превзошел их всех. И снова ирония заключается в том, что иезулогия подавляет законные христологические возможности текста, теперь уже иезулогия морализма.

- *Христологическое раздирание текста Ветхого Завета.* Иногда проповедники хотят объединить в одном выступлении две мини-проповеди, то есть основываясь на двух Заветах, часто с двумя соответствующими отрывками. В этом случае справедливость не воздается ни одному из двух текстов, связи между двумя мини-проповедями неясны, и переход резкий. Что еще хуже: Ветхий и Новый Заветы разорваны на части.

- *Христологическая пунктуация текста Ветхого Завета.* В этом случае христология добавляется как своего рода заключение после каждого ветхозаветного текста, часто стереотипным образом. Такое завершение должно быть уместно после каждой проповеди, то есть предполагается, что все тексты, в конечном счете, говорят одно и то же. Это действительно попытка дать одобрение текстам Ветхого Завета, но ирония, опять же, заключается в том, что богатство возможностей, в том числе христологических, подавляется этой предсказуемой пунктуацией.

Очевидно, что составление христологической проповеди дело не простое. *В некотором смысле это, возможно, высшее искусство и наука, самый глубокий секрет проповеди: провозглашать только Христа, но при этом все еще в пределах богатства библейского текста и на основе интегрированной тринитарной теологии.* Однако вышеназванные ошибки происходили в прошлом и происходят до сих пор.

6.4.1 Типология, аллегория, спиритуализация и фундаментализм

В попытке проникнуть в истинное послание Писания мы должны учитывать различие между его **прямым** и **более глубоким** смыслом. Наша предпосылка состоит в том, что смысл Писания совпадает с намерением Святого Духа. Дело в том, что *Он может использовать то или иное слово по-разному в зависимости от обстоятельств, в которых это слово произносится.*

Святой Дух говорит через авторов к их современникам, но в этом послании может быть и более глубокое значение – значение, которое становится ясным позже, особенно в свете Нового Завета.

Когда Исаия ссылается *на голос в пустыне*, то говорит в первую очередь о подготовке к возвращению из изгнания (Ис. 40:3). Эта же фраза исполняется и при упоминании Иоанна Крестителя (Мф. 3:3). Эти два значения не исключают друг друга, но показывают расширенный смысл отрывка. Оба по-своему выражают замысел Святого Духа. В нашей интерпретации пророчества обе мысли должны быть приняты во внимание. Мы также могли бы применить эти слова, проповедуя о подготовке пришествия Царства и возвращения Христа.

Однако мы понимаем, что такое использование прямого и более глубокого значения может легко привести к субъективному и произвольному толкованию Священного Писания, и поэтому мы должны интерпретировать с осторожностью. Библия

всегда связана с ходом истории спасения. И что мы не должны жертвовать прямым смыслом послания ради более глубокого смысла.

С самого начала истории церкви толкователи искали способы понимания Священного Писания и взаимосвязи между его двумя частями. Не вдаваясь в подробности, скажу, что эти идеи возникли и на Востоке, и Западе и выражались по-разному.

В раннем христианстве существовали две важные школы христианской мысли: **антиохийская** и **александрийская**. Первая твердо стояла на *буквальном* и историческом смысле текстов Ветхого Завета, вторая отражала мысли Восточной церкви, утверждавшей существование *более глубокого* смысла Писания.

Ориген – известный представитель александрийской школы Восточной церкви. Он проводил различие между *буквальным* и *фигуральным (образным)* смыслом Писания, который в свою очередь включает в себя аллегорическое, моральное и анагогическое (высшее) значения.

- *Буквальное* значение текста достаточно для простого верующего.
- *Моральное* значение текста применяет в своей жизни зрелые христиане.
- *Аллегорическое* значение известно только христианину, у которого есть особое знание («гнозис»).

Пример аллегорического смысла: толкователь принимает идею реального потопа в прошлом, но в остальном придает ей более глубокий смысл, а именно предзнаменование конца света, где церковь подобна ковчегу и сохраняет верующих, и Христос, как Ной, – Кормчий.

Августин, известный представитель Западной церкви, тоже искал «духовную» интерпретацию помимо буквального-плотского-исторического подхода: Адам символизирует Христа, Ева – церковь; Ноев ковчег – крест; а его дверь – пронзенное тело Иисуса; город Иерусалим – небесный Иерусалим.

Используя такой анализ, Августин подчеркивал единство Ветхого и Нового Завета. Они свидетельствуют об одной и той же вере, даже если их способы выражения могут быть разными (идея, разработанная Жаном Кальвином). Августин выразил эту идею в фразе, которая приобрела большое значение для толкования Библии: *«Новый Завет скрыт в Ветхом; Ветхий становится доступным благодаря Новому»*.

Стандартный метод толкования, используемый в Средние века, обычно известен как *«Квадрига»*, или «четырёхчастный смысл Писания». Истоки этого способа кроются именно в различии между буквальным и духовным смыслами. Согласно этому, каждая часть Божьего Слова обладает четырьмя смыслами:

- *буквальным* (предоставляет информацию, например, об истории и религии Израиля);
- *аллегорическим*, доктринальным или христологическим (показывает, во что должны верить христиане);
- *моральным* или тропологическим (показывает, что должны делать христиане, этическое руководство для них);
- *анагогическим* (показывает, на что должны надеяться христиане применительно к окончательному спасению, отрывки интерпретируются как основания христианской надежды, указывающие на будущее исполнение божественных обетований в Новом Иерусалиме).

Буква показывает нам, что сделали Бог и наши отцы.

Аллегория показывает нам, где сокрыта наша вера.

Моральный смысл дает нам правила жизни.

Анагогия показывает нам, где мы заканчиваем свою борьбу.

Прекрасный пример аллегорической интерпретации можно найти в изложении Песни песней Бернарда из Клерво, написанном в XII веке. Толкование фразы *«балки наших домов из кедра, а наши панели из кипариса»* иллюстрирует, как ей был дан доктринальный или духовный смысл (спиритуализация).

«Под «домами» мы должны понимать огромную массу христианских людей, которые связаны вместе с теми, кто обладает властью и достоинством, правителями церкви и государства, то есть «балками». Те скрепляют их мудрыми и твердыми законами; в противном случае, если бы каждый из них действовал так, как ему заблагорассудится, стены прогнулись бы и рухнули, и весь дом превратился бы в руины. Под «панелям», которые прочно прикреплены к балкам и которые украшают дом в королевской манере, мы должны понимать добрую и упорядоченную жизнь должным образом обученного духовенства и надлежащее отправление церковных обрядов».

Подрыв исторического характера Священного Писания

Мы не можем отрицать исторический характер Библии или нашего времени. Тем не менее, мы должны показать, что действующий и говорящий Бог, о Котором свидетельствует Писание, – это Тот же Самый Бог, Который и сегодня влияет на ход истории. Экзегет не доказывает, что он работает с богодухновенным словом, а принимает это за отправную точку.

Именно из-за исторической природы библейского послания Писание необходимо сравнивать с Писанием. Оно является своим собственным толкователем – «*sacra scriptura sui ipsius interpres*» – что означает: Ветхий Завет проливает свет на Новый Завет, а Новый – снова на Ветхий. Один пророк помогает понять другого, один историк дополняет другого, псалмы поясняют притчи и наоборот. Даже там, где мы соприкасаемся с одной и той же темой, как в случае с Евангелиями, предлагаются взаимодополняющие повествования. А Откровение Иоанна опирается на многочисленные события, которые произошли ранее и, таким образом, получило от них жизненно важное разъяснение.

Почему возможно такое взаимное освещение, полностью учитывающее саму природу конкретного текста или его

отрывка? Потому что Священное Писание – это органическая единица. Оно свидетельствует об истине, которая исходит от Бога. Поэтому ни одна часть Библии не может быть упущена. Трудные для понимания отрывки следует читать в свете более простых отрывков, части – в свете целого, а целое – в свете частей. Этот принцип толкования также называется *герменевтическим кругом*. Герменевтика как наука о правилах, в соответствии с которыми Писание должно быть понято и истолковано, не перенимает правила его толкования извне, а получает их в самом Писании. В конце концов, предпосылка состоит в том, что Библия может быть понятна только в соответствии со Святым Духом, Который вдохновил на её написание, поэтому толкование означает, что в Писании используется все, поскольку все используется Самим Богом. Тот, кто не использует все в Писании для его толкования, ставит себя в положение судить о том, что Сам Бог считал необходимым.

Однако в то же время экзегеты также используют все, что находится за пределами Писания, в попытке его понять, но одно условие все равно должно быть выполнено: ничто не может превалировать над ним и его толкованием таким образом, чтобы это изменило послание.

Тот, кто серьезно относится к историческому характеру Откровения, также поймет, что не все исторические факты одинаково близки к центру Писания. Действительно, все части имеют важнейшее значение для толкования Библии, но они должны быть объяснены точно так, как они есть и какими они хотят быть, а именно *центральными* или *периферийными истинами*. Тот, кто помещает всю историческую информацию на один уровень и считает ее одинаково важной, никогда не сможет понять Писание как Слово Божье.

Уважение к историческому слову, переданному нам как письменное слово в определенной литературной форме, сфокусированному на центральной проблеме, освобождает толкователей Библии от опасных ошибок: *фундаментализма, спиритуализации*

(одухотворения) и неправомерного использования типологии и аллегории.

Фундаментализм

Фундаменталистский способ толкования придерживается Писания и его послания, но не уделяет достаточного внимания пророчески-апостольскому и, следовательно, историческому свидетельству об откровении. Фундаментализм не отрицает человечности Писания, но, тем не менее, исходит из убеждения, что непогрешимость и надежность Библии могут быть сохранены только в том случае, если человеческий элемент в ней сведен к минимуму. Другими словами: божественное происхождение подчеркивается таким образом, что человеческое исчезает для практически всех целей и больше не функционирует.

Как говорит Беркувер: *«Человечность Священного Писания теряет всякий определяющий смысл и меркнет перед всепоглощающей Божественной реальностью говорящего Бога»*.

Здесь нет намеренного отрицания авторитета Писания или искажения его послания на основе критического толкования. Напротив, намерение состоит именно в том, чтобы понять и передать послание Библии чистым и ясным, но в процессе понимания и передачи сама она оказывается под угрозой, и послание искажается. Практическим следствием этого является то, что тексты и библейские истины, все поставленные на один уровень, без каких-либо исторических очертаний, переносятся непосредственно из Священного Писания в наше время и применяются.

На заднем плане мы находим что-то вроде идеи о том, что Божьи истины не вошли во время и, следовательно, в тварное существо, то есть в *слабое человеческое слово*. Как в Христологии, где мы говорим о *докетизме*, в котором утверждается, что Христос принял не реальное, а *кажущееся* человеческое тело. Вследствие этого в подобном способе чрезвычайно трудно, если не совсем невозможно, найти непрерывное, глубокое и самокорректирующееся толкование Священного Писания.

Типология

Предположим, горожане решили почтить памятником того, кто много сделал для города. Они обращаются к скульптору, чтобы сделать статую этого почетного гражданина. В свою очередь скульптор сначала изучает человека, затем делает масштабную модель своего образа и создает окончательный вариант монумента. Порядок действия здесь такой: реальный человек – масштабная модель – статуя.

Типологическая интерпретация имеет много общего с этим процессом. Разница, однако, в том, что все происходит в *обратном порядке*. В теологической экзегезе есть реальный человек, образно говоря сделанный из статуи.

В Ветхом Завете мы находим несколько личностей и событий, которые демонстрировали нечто аналогичное Христу. Их нельзя сравнить с Иисусом в полной мере, но что-то в них было, так сказать, Его теньвым образом (Евр. 8:5).

Типология используется в Писании. Это означает, что существует правильный способ её использования. Более глубокий смысл Библии раскрывается в отрывках, где какие-то вещи сами по себе указывают на другие вещи. Мы говорим *о типе, когда человек, вещь или событие в прошлом является примером человека, вещи или события в будущем, но таким образом, что последнее важнее первого*.

Поэтому в типологическом подходе толкования Ветхого завета, **тип** (прототип, прообраз) – пророческий символ Ветхого Завета, который исполнился или находит соответствие **анти типу** (архетип, противообраз) в Новом Завете. Антитип – исполнение пророческих символов Ветхого Завета (типов). Например, Адам – это тип (прообраз) Христа (Рим 5:14), крещение – это антитип (противообраз) потопа (1 Пет. 3:18-21).

Символ – *предмет или действие, служащее условным знаком какого-либо понятия, чего-либо отвлечённого*. Например, скиния является символом небесной обители Бога, а внешняя чистота, требуемая цемониальным законом, является символом внутренней чистоты сердца.

Существуют два вида прямой типологии.

В первом данные Нового Завета представляются как фактические или реальные, а данные Ветхого Завета – как аналогии с Новым Заветом. «Тень» в Ветхом завете – реальность в Новом Завете.

Во втором виде прямая типология использует специальные термины. Там, где данные Ветхого и Нового Завета рассматриваются как эквивалентные, Ветхому Завету дается название образа или *тип*, а Новому – противоположностный образ или *антитип*. Реальность Ветхого Завета – тип, реальность Нового – антитип.

Например, тип Ветхого Завета – переход через море (Исх. 13:21), антитип Нового Завета – крещение (1 Кор. 10:1, 2); манна – хлеб (1 Кор. 10:3); вода из камня (Чис. 20:7-11) – вино Причастия (1 Кор. 10:4).

Различные тексты Ветхого Завета интерпретируются как такой теневой образ Христа. Возвращаясь к скульптору и масштабной модели, еще раз объясним, как происходит такого рода интерпретация: в Ветхом Завете есть история конкретного человека или события; из этих фактов создается идеальное изображение или масштабная модель, в которой используются только данные, показывающие сходство с жизнью, смертью и воскресением Христа. Затем говорится, что изначальный человек или событие относится к Иисусу через этот идеальный образ. Этот человек или событие становится типом или прообразом Христа. Павел говорит, что Адам был таким прообразом: он стал причиной того, что все люди умирают точно так же, как Иисус – причиной спасения всех людей (Рим. 5:17).

Эти примеры взяты непосредственно из Библии, но мы должны применять их с большой осторожностью. Всегда нужно следить, соответствует ли более глубокий смысл органическому характеру библейского откровения в целом, а также глубокое значение не должно позволять нам пренебрегать прямым смыслом отрывка или книги, с которыми мы работаем.

Можно проиллюстрировать это с помощью Песни Песней. Прямое намерение книги состоит в том, чтобы представить нам возвышенный смысл чистой супружеской любви. Когда мы объясняем эту книгу, данное значение должно быть подчеркнуто. Однако мы также понимаем, что она имеет еще одну связь, а именно с представлением отношений между Богом и его народом как супружеских отношений. В Новом Завете это находит выражение в отношениях между Христом и Его Церковью. Поэтому мы можем сказать (с осторожностью), что книга имеет типологическое значение, поскольку чистая супружеская любовь указывает на отношения между Господом и Церковью. Это не значит, что в этом заключается высший смысл книги, но есть связь с идеей брака, как выражением этих особых отношений между Женихом и Невестой. Если на то пошло, брак сам по себе указывает на эти отношения (Еф. 5:21-33).

Итак, там, где авторы Нового Завета специально указывают на то, как ветхозаветный персонаж или событие являются *типом* (прообразом) личности и дела Христа (Адам, Мельхиседек, Давид, Пасха, храм), тогда проповедник может использовать этот *тип* для объяснения личности и дела Христа. Новый Завет содержит комментарии к Ветхому Завету, так что между двумя Заветами существует органическая связь. Новое содержится в Старом, Старое объясняется в Новом. Вот почему часто бывает очень полезно и показательно проследить, как и где Новый Завет цитирует Ветхий. Новый Завет дает нам библейски подтвержденное понимание искупительных коннотаций и значения текста. Как уже упоминалось, все Послание к евреям является комментарием в Новом Завете о том, как следует понимать значительные части Ветхого Завета.

Неправомерное использование типологии

Существенную проблему типологической интерпретации можно объяснить на следующем примере: если кто-то выписывает чек и отдает его кому-то, а тот человек кладет его в банк, то чек теряет свою ценность. То, что было обещано, выплачено.

В такой типологии Ветхий Завет в основном похож на оплаченный чек. Он больше сам по себе не имеет никакой ценности, потому что все непогашенные долги были выплачены.

Например, проповедник делает следующие заявления: Исаак был сыном Авраама. Иисус был Сыном Божьим. Исаак был жертвой. Иисус был жертвой. Исаак сам нес дрова. Иисус Сам нес Свой крест на Голгофу. Тот факт, что Исаак не умер на алтаре, является предзнаменованием воскресения Христа из мертвых. Вот видите! В Исааке мы видим прообраз Христа.

• Аллегория и притча

Аллегория (букв. иносказание) это художественное представление абстрактных понятий и обобщений с помощью конкретных образных воплощений.

Она открывает более глубокий духовный смысл, скрытый за контекстуальным и грамматическим значением слов. Это метод, в котором ряд последовательных концепций представлен посредством ряда аналогичных концепций совершенно из другой области. Это выражение абстрактной мысли через конкретный образ. То есть речь идет не о прямом, а другом, дополнительном значении. Мы находим примеры аллегорий уже в Ветхом Завете (Иер. 25:15-29, Иез. 19:2-9; 24:3-12, Зах. 11:4-17, Еккл. 12:3-12).

Притча – это короткий рассказ в иносказательной форме, заключающий в себе нравственное поучение (мораль). То есть это отдельная история со своим особым применением. Здесь важна не столько сама история, сколько тот урок, который она преподносит. В некотором смысле притча имеет много общего с аллегорией. И та, и другая имеет второе значение. Однако, в то время как аллегория имеет целый ряд применений, притча обычно содержит только одно центральное послание (Иез.17:2-10, Суд. 9:8-15, 2 Цар. 12:1-4; 14:6-9).

Александрийская школа в ранней церкви сочла аллегоррию очень удобным способом избавиться от неудобных аспектов Ветхого Завета. Использование аллегорий восходит еще к 520

году до н. э., когда таким образом объяснялись стихи Гомера. Во втором веке до н.э. философ Аристобул Александрийский нашел это подходящим методом для разговора о человеческих свойствах Бога в Ветхом Завете.

Неправомочное использование аллегории

Рассмотрим несколько примеров: львы, к которым бросили Даниила, представляются как силы, которые могут пожирать людей: распущенность, безнравственность и злоупотребление алкоголем; камешки в рогатке Давида объявляются различными добродетелями: честность, преданность, смирение и так далее. Таким образом, проводятся всевозможные интересные и захватывающие параллели. Тем не менее, не только исторический ход откровения полностью упускается из виду, но и сама суть послания Писания подвергается влиянию.

Или другая иллюстрация: действия Бога указывают на Его силу. Когда в Ветхом Завете говорится, что Бог стоит, это истолковывается как символ непоколебимости земли, созданной Им. Точно так же в письме Аристиды объясняются пищевые предписания для евреев (Лев. 11, Втор. 14:3-21). Если запрещено есть хищников, это означает, что правосудие никогда не должно причинять вреда другому человеку. А заповедь о том, что можно есть только жвачных животных, является символом жизни и продолжения существования.

Ранний богослов **Филон Александрийский** сделал аллегорическую интерпретацию александрийской школы более приемлемой. Признавая буквальное значение текста, он считал, что оно всего лишь тело текста. Его истинный смысл, его душа, все еще скрыта в нем. Когда речь идет о Боге, нужно игнорировать прямое значение, потому что в Библии ясно показано, что Он не человек (Чис. 23:19). Каждый текст, в котором говорится о человеческих качествах Бога или о вещах, которые кажутся противоречивыми или оскорбительными в еврейских законах, сначала должен быть объяснен аллегорически. Так и змею в Бытии дается более глубокое

толкование, а именно, что он означает чувственную похоть, которая сложна и извилиста, как его движения.

Филон основывал свой метод интерпретации на представлении о том, что человеческая душа проходит различные стадии в своем отношении к Богу. Эти этапы указаны по всему библейскому тексту. Но обнаружить их можно только с помощью аллегории. **Так, ветхозаветные патриархи являются символами восхождения человека к Богу:**

Первая стадия это путешествие Авраама, и она состоит из трех шагов. Первый – когда Авраам вышел из земли Халдеев, указывает на то, что мир материальных вещей остался позади. Второй – это уже оставленный им мир чувственного восприятия, когда он покинул свою семью. Наконец, третий шаг, когда он ушел из дома своего отца, означает оставленный мир разума.

Вторая стадия это жизнь Иакова. Первоначально он должен был бороться со страстями, но позже получил имя Израиль.

Третья стадия это жизнь Исаака, то есть «смеющегося», того, кто вкушает полноту радости. У него Бог как Отец, и он женится на Ребекке, образе дара Божественного знания.

Папа Григорий Великий (590-614) объясняет притчу о потерянной монете (Лк. 15:8-9) следующим образом:

Монета с изображением императора на ней символизирует человека, созданного по образу Божьему. Грех заставил мужчину потерять этот образ Божий точно так же, как женщина потеряла свою монету. Светильник, который зажигает женщина, является символом просветления совести человека, вызванного воплощением Христа. После того, как она зажгла лампу (свою совесть), она начала искать монету. Это означает, что потерянный образ Бога можно искать и находить после явления Бога в человеческом облике. Как только люди обращаются к своей совести, образ Божий может вновь появиться в нас.

Итак, аллегорический метод толкования основан на понятии двойственности людей, а именно на греческом разделении тела и души (платоническая философия). Истинное существо человека – это душа, поэтому истинное значение слова – это его более глубокое или аллегорическое значение.

Проблема этого метода в основном заключается в том, что *важность контекста и литературной формы текста полностью игнорируются*. Поэтому важно отказаться от тенденции объявлять отрывки из Священного Писания аллегорическими, если они не должны быть таковыми. Этот метод разрушает прямой смысл Библии и, следовательно, её послание.

Разница между типологией и аллегорией

Различие между типологией и аллегорией заключается в следующем: типология в основном концентрируется на интерпретации событий или жизненных циклов, она серьезно относится к первоначальной реальности и основывается на буквальном значении; аллегория концентрируется главным образом на толковании слов, она игнорирует изначальную реальность и работает только с так называемой «душой» слов, основываясь на их предполагаемом или более глубоком значении.

Эта разница не всегда очевидна. Границы между аллегорией и типологией перетекают друг в друга. Бывает не ясно, где заканчивается *расширенный* смысл и начинается более *глубокий*.

У типологической и аллегорической интерпретации есть одна общая слабость: Ветхий Завет как историческая данность не вступает в свои права. Типология признает исторические события и людей, о которых говорится в нём, и, возможно, не начинает так быстро одухотворяться, как аллегория. Однако, поскольку мы оглядываемся назад от Нового Завета к Ветхому, его контекст редко говорит сам за себя. Большой вопрос заключается в следующем: могут ли эти методы применяться бесконечно? Или это может привести к самой невообразимым рассуждениям?

ЗАДАНИЕ. Обсудите ошибки в следующих проповедях.

Проповедь 1. Тема: «Божественная встреча» (Деян. 10). Проповедник начинает с рассказа о своей собственной встрече с Иисусом: «У меня была божественная встреча с Господом Иисусом Христом». Затем, глядя на слушателя, продолжает: «Бог хочет божественной встречи с вами...» Он начинает довольно подробно говорить о Христе как о «помазаннике», «сострадательном», «страдающем», «воскресшем», «посвященном и ликующем» и «Спасителе для всего человечества» – все предикаты, содержащиеся в десятой главе Деяний. Затем мы слышим:

«В сердце Господа Иисуса Христа есть желание благословить вас этим утром... Он хочет исцелить вас... Он хочет благословить нас, Он хочет исцелить нас, Он хочет освободить нас. Сегодня утром Он может прикоснуться к нам. Он может любить нас... Позвольте Ему любить вас. Позвольте Ему освободить вас. Позвольте Ему исцелить вас. Позвольте Ему ободрить вас. Позвольте Ему освободить вас».

Оценка: индикатив становится законничеством.

Кто назначает эту божественную встречу? Кто её совершает? Слова, которые действительно выражают спасительную работу Христа, теряют свою силу, когда проповедь продолжает описывать возможность того, что Иисус будет действовать – если слушатели согласятся с этим. Божественная встреча взята из могущественного поля Божьей милости и поставлена в зависимость от планов людей. По-видимому, Христос очень хочет и способен провести её, но должен подождать, пока слушатели придут на встречу, прежде чем Он сможет что-то сделать. Божественная встреча, в конце концов, становится не такой уж божественной...

Эту форму законничества часто труднее всего разоблачить. Такие проповеди звучат по-евангельски, особенно когда они сопровождаются потоком христологических формулировок.

Часто законничество действительно скрывается под покровом христологической правильности. Однако все это является лишь введением к провозглашению нравоучительных призывов.

Проповедь 2. Проповедь содержит толкование стиха из Послания к Ефесянам (Еф. 5:18). Заканчивая её, проповедник говорит:

«После этого вечернего служения Пятидесятница 1995 года уйдет в прошлое. Она празднуется ежегодно, и не потому, что это закон... На самом деле мы не должны праздновать её в течение только одной недели в году; мы должны праздновать Пятидесятницу в течение 52 недель в году. Это критерий, который Бог хочет, чтобы мы применяли в своей жизни. Пятидесятница не предназначена для одного дня или одной недели, но она должна быть с нами постоянно. Сегодня вечером вы спросите меня: “Каково мое положение, если я не исполнен Святым Духом?” Я хочу сказать вам, что вы живете в ужасном грехе. Вы спросите: “Почему?” Потому что Слово Божье говорит нам: “...исполняйтесь Духом” — Господь ожидает, что вы будете наполнены Святым Духом...”».

Оценка: императив становится законничеством.

Это, вероятно, происходит чаще всего. Тексты, которые повелевают, легче понять неправильно, чем тексты с индикативной структурой, их легче воспринимать и проповедовать как голые приказания и требования, с которыми Бог обращается к людям. Поэтому, здесь особенно важно следить за евангельскими рамками, в которых они находятся. Библейская заповедь — это не просто правило, а скорее мощное начинание, многообещающее приглашение жить верой каждый день, исходя из реальности спасения.

Интересно, что проповедник сначала заявляет, что Пятидесятница не воспринимается как закон, но затем следует типичный поток *легалистической* речи: «критерий... не должны... должны... и естественно, Бог хочет». Когда служитель говорит:

«она должна быть с нами постоянно», он не уточняет, кто должен постоянно позволять ей быть с нами. Предложение остается без действующего субъекта. От кого зависит спасительный факт Пятидесятницы? Бога? Человека? То, что последнее на самом деле подразумевается законнической трактовкой, становится ясно из толкования выбранного стиха. Если кто-то понимает его как команду, тогда, вероятно, он скажет, что Бог ожидает, что вы будете наполнены Святым Духом. Но разве это Евангелие? На слушателя со всех сторон давят требованиями. Действительно ли этот текст повеление, которому следует повиноваться? Если бы это было так, то Евангелие не было бы необходимым или, в лучшем случае, было бы средством, помогающим нам реализовать собственный потенциал. «Быть наполненным» – это пассивная форма (позволь Богу наполнить тебя), которая теологически понятна *только в рамках активной работы Святого Духа*.

Проповедь 3. После подробного и эмоционального описания положения прокаженных во времена Христа, со ссылкой на Евангелие от Луки, проповедник сосредотачивается на словах Господа: «Хочу, очистишься!» (Лк. 5:12-16). Служитель трактует их следующим образом:

«Братья и сестры, Иисус хочет очистить нас от всех наших грехов, Он хочет сделать нас чистыми». На первый взгляд, это выглядит как повторение желания Христа в библейском тексте. Затем, однако, следует следующее: «Не последуете ли вы примеру этого прокаженного, почти мертвеца, сегодня утром? Не придете ли вы также к Спасителю, если Он скажет вам сейчас: “Хочу, очистишься!”? Да, придите со своим грехом, придите в своей борьбе, придите в своей слабости, но придите к Иисусу. Потому что, как этот человек был очищен, так и вы можете сегодня утром примириться с Богом».

За этим следует план спасения из трех пунктов: сначала должно быть абсолютное доверие, полное смирение и глубокое поклонение, прежде чем Христос сможет снова действовать, как в случае с библейским прокаженным.

Оценка: изменение времени повествования.

Общей тенденцией является типичный законнический риторический прием изменения времени текста. То, что сделал Бог, Он сделал, а то, что Бог делает в настоящее время, становится тем, что люди (сейчас) должны сделать. Индикативное движение текста, неразрывная связь между «хочу» и «очистись» нарушается, и вводится чуждый компонент: благочестивое движение человека ко Христу. «Желание» Иисуса, которое Он исполняет, становится *возможностью* будущего – что Он может исполнить только в том случае, если слушатель будет действовать.

Вбивается клин между волеизъявлением Иисуса и его возможным исполнением, в зависимости от плана спасения из трех пунктов. Христос не спасает (прямо и просто), а Он реагирует.

Проповедь 4. В проповеди, снова посвященной Пятидесятнице (Деян. 2:1-4, 11-18), неоднократно провозглашается, что обещание излияния Святого Духа «сегодня вечером» остается истинным: время Пятидесятницы продолжается.

«Мы празднуем сошествие Святого Духа на апостолов. Это было началом церкви Господа Иисуса, и какое это было славное начало! Если бы сейчас мы могли повернуть стрелки часов вспять и все были там, в церкви, примерно 2000 лет назад, тогда, я думаю, мы были бы очень взволнованы... Так вот, Господь все Тот же, и, я уверен, Он хочет сделать то же самое и сегодня вечером».

Цель проповедника ясна: он действительно хочет повернуть время вспять. Поэтому вполне логично, что далее служитель раскрывает свою герменевтику следующим образом:

«Так началась Его церковь. Никак иначе, а именно так... Господь хочет, чтобы мы тоже изменились. Тогда мы станем Его свидетелями. Бог сейчас желает сделать то же самое...».

Оценка: исторические аналогии привели к несвязанному императиву.

Эта проповедь направлена на поиск аналогий между временем, в котором возник библейский текст, временем, которое

повлияло на него, и современным временем слушателей. Здесь мы видим выдвижение соглашений, отождествлений, сравнений и примеров, которые должны послужить утешением и призывом в настоящем времени.

Отправной точкой является то, что актуальность этого отрывка зависит или, по крайней мере, согласуется с возможным совпадением исторических событий. Использование аналогии в проповеди, естественно, имеет право быть. Однако все это должно быть сделано теологически ответственным образом. Проповедь, построенная на примере (которая всегда имеет ту или иную аналогию в качестве основы) – это порой сокращенный путь мимо историчности библейского текста с последующим герменевтическим коротким замыканием. Обычно упрощенные уравнивания («Сегодня это точно так же, как и...») должны заставить слушателя напрячься, особенно в так называемых «событийных проповедях», в которых определенные библейские исторические события становятся жертвой морализаторских аналогий.

В данной проповеди служитель проигнорировал уникальность пятидесятнических событий, из-за чего их спасительно-историческая неповторимость была утрачена. Ведь обещание должно повторяться точно так же, и условием, при котором происходит это точное повторение, является аналогичное действие современных слушателей с действиями апостолов. Первая Пятидесятница становится образцом для церкви всех времен, ее неповторимый характер точно реконструируется в настоящее время, так что в определенном смысле она может стать вечным праздником.

Теологическое следствие этого предполагаемой аналогии является фатальным, а законнический поворот, который она принимает, практически неизбежен.

Во время Пятидесятницы Бог действовал, но сейчас, по-видимому, уже нет. Теперь это всего лишь перспектива, возможность (слова «хочет» и «желает» звучат рефреном). Почему? Чего Он ждет? Ответ на этот вопрос, который предлагает про-

поведник, состоит в том, чтобы увидеть, может ли современное поколение христиан действовать так же, как то первое поколение, могут ли они сделать аналогию истинной и времена точно такими же и позволить им точно совпасть.

То, что раньше было *теологически* специфической ситуацией (Бог действовал, первые верующие отреагировали и стали свидетелями), становится *антропологически* детерминированной ситуацией (сегодняшние верующие действует, становятся свидетелями, и Бог реагирует, позволяя снова свершаться Пятидесятнице, точно так же как в первый раз).

Это резко контрастирует с библейским текстом: *«Когда на вас сойдёт Святой Дух, вы получите силу и будете моими свидетелями...»* (Деян. 1:8).

Обратите внимание на то, что здесь происходит: теологический порядок (код) текста был полностью изменен. То, что гласит: «Бог сделал» и «мы будем», становится «Бог сделает», а «мы должны». Поэтому проповедник противоречит себе, когда говорит: *«Господь все Тот же, и, я уверен, Он хочет...»*. В проповеди Бог на самом деле не Тот же (то, что Он сделал, меняется на то, что Он сделает). Исторический индикатив становится будущим императивом, выполняемым нами, перед которым стоит задача позволить Пятидесятнице осуществиться еще раз.

Проповедь 5. В проповеди, основанной на известном отрывке из Евангелия от Матфея (Мф. 14:25-33) мы слышим:

«Центральный персонаж здесь не кто иной, как Христос, второстепенный – Петр. Шторм на море... это волны человечества и... волны хаоса повседневной суеты... История Петра говорит так безмолвно, но так великолепно в наши сердца... То, что Иисус начал в жизни человека, Он силен продолжить. Только бы мы не сводили с Него глаз... смотрели на Христа непрерывно, каждое мгновение каждого дня, только бы никогда не отрывали глаз от Иисуса... Пусть это станет поворотным

моментом в вашей жизни, когда вы протянете руку в молитве... И Сам Христос снова коснется вас Своей любовью...».

Здесь Петр является отрицательным примером для нас – он недостаточно упорно смотрел на Иисуса. И служитель противопоставляет ему женщину, которая страдала от кровотечения (Мк. 5:25-34). Ее особая вера становится показателем качества нашей веры.

«Вы должны верить так же, как эта женщина... Этим утром вы должны искать большего. Вы должны не только искать Христа для временного спасения, но и искать Его как вечное сокровище в вашей жизни».

Оценка: аллегоризация, психологизация, спиритуализация и типологизация.

Особенно популярным способом перекинуть мост между историей, о которой повествует библейский текст, и настоящим, является использование антропологической аналогии с типичным сопутствующим стихом из Писания (Грейданус (Greidanus), 1970:85 и далее).

Здесь представлены библейские фигуры, которым необходимо подражать (так называемая имитационная философия), они становятся примером, по которому проверяются духовные качества слушателей. Излишне говорить, что существуют тысячи жертв этого специфического вида законничества.

Происходит деисторизация текста, когда шторм на море представлен как *«волны человечества и... волны хаоса повседневной суеты»*, а также и психологизация текста: *«История Петра говорит так тихо, но так великолепно в наши сердца...»*. Всё это снова приводит к неизбежному морализаторству: *«То, что Иисус начал в жизни человека, Он силен продолжить. Только бы мы не сводили с Него глаз...»*. Мы должны превзойти Петра. Мы не должны потерпеть неудачу, но всегда должны быть сильными. Снова бесконечное «должны». В результате Петр оказывается в центре внимания. Вместо одного главного персонажа появляются два!

Проповедь заканчивается тонким изменением библейского текста: теперь уже не Господь протягивает руку, чтобы схватить Петра, но *«...пусть это станет поворотным моментом в вашей жизни, когда вы протянете руку в молитве...»*.

«Будь ...» - проповеди

Еще один вариант искаженного проповедования представлен в проповедях, построенных на призыве «Будь...».

Проповеди «Будь как...» посвящены достижениям и добродетелям библейского персонажа. На что они часто не обращают внимания, так это на то, что Библия рассказывает и о его провалах и недостатках. Например, Писание повествует нам о мужестве, мудрости и любви к Богу Давида, а также – о его прелюбодеянии, убийстве и неверии. Давид, если бы его спросили, вряд ли представил бы себя образцом духовного постоянства. Даже проповеди «Будь как Христос» терпят неудачу, если мы не укажем, что без Его благодати и силы Его стандарты недостижимы для нас.

Проповеди «Будь хорошим» могут привести слушателей к выводу, что благодаря правильному поведению они могут обеспечить отношения с Богом. Такие речи часто звучат по-библейски, потому что можно процитировать много стихов и отрывков, чтобы обосновать пропагандируемую идею. Однако, если мы не сумеем показать, что все добрые дела зависят от благодати Христа, эти наставления неотличимы от проповедей добросовестных унитариев, мусульман, иудеев, индуистов или буддистов. Проблема с посланиями «будьте хорошими» часто заключается не в том, что они говорят, а в том, что они не говорят о нашей потребности в искупительной работе Спасителя.

Проповеди «Будь дисциплинированным» побуждают христиан быть более регулярными или методичными в духовных дисциплинах: молитве, чтении Библии и посещении церкви. Многие заявления и советы, данные в частном порядке пасторами, сводятся к немногим большему, чем «Больше молитесь, больше читайте Библию, больше ходите в церковь». Послание,

которое люди порой слышат за этими словами, состоит в том, что мы можем *заработать дополнительные очки у Бога, если будем усердны в этих областях*. Но польза духовных дисциплин не в том, что они убеждают Бога быть более расположенным к нам, а в том, что они открывают наши сердца Его благодати и силе.

Мы призываем людей пользоваться средствами благодати не для того, чтобы создавать благословения в их жизни, а для того, чтобы они могли *глубже вдыхать необходимый для христиан воздух*. Духовные дисциплины не производят кислород Божьей любви, но являются его распространителями, чтобы мы могли более полно ощутить благословения, которыми наслаждаемся через союз с Иисусом Христом.

Чапелл (Chapell) спрашивает:

«Когда мои слушатели выходят за двери этого святилища, чтобы исполнить Божью волю, с кем они идут? Если они маршируют, чтобы сразиться с миром, плотью и дьяволом, только со своим “я”, тогда каждый марширует к отчаянию. Однако, если проповедь привела всех людей к Божьей благодати, тогда они могут войти в мир со своим Спасителем – и с новой надеждой».

Подводя итог сказанному, можно сказать, что мост между посланием библейского текста и реакцией, которую проповедник ожидает от своих слушателей, часто пересекается с помощью **характерных риторических приемов**. Методы как таковые, безусловно, не являются неправильными, но если они функционируют в законнических рамках, то выполняют гомилетически вредную функцию. Часто это также **способы, которые нельзя вывести из структуры библейского текста** (над которым проповеднику следовало бы поработать усерднее). Возможно, они выражают его (бессознательное) чувство, что выбранный проповеднический метод не совсем соответствовал характеру Писания и поэтому, так или иначе, должен быть дополнен или усилен.

Джосуттис (Josuttis, 1966:27) указывал, что есть только один *ответственный способ*, которым может быть осуществлен герменевтический переход, – с помощью Божьего события, которое содержит *обещание Божьего присутствия*.

Как уже говорилось ранее, *проповедование – это рассказ о конкретном действии Бога*, раскрытом в первоначальной провозглашающей структуре библейского текста. Проповедь не подразумевает *простого перечисления того, что Бог делал в прошлом*, но включает в себя риск, в свете библейского текста, заново объявить о *действиях Бога в настоящем*, или, скорее, о новых действиях Того же Бога в настоящем. Только таким образом первоначальная провозглашающая структура Писания становится актуальной, в которой великие деяния Бога объявляются современным людям. Чудо проповеди в том, что она работает с текстами, через которые *к нам обращается Сам Бог*, текстами теологического характера в том смысле, что они, в первую очередь, рассказывают и пересказывают истории действующего Бога (Нибур, 1941:32-66, 101-113). Однако, строго говоря, мы *провозглашаем тексты не как цель, а как живую Личность Бога*. Текст – это, самое большее, очки, через которые мы обретаем новое видение Бога и реальности.

Людям не нужно делать текст истинным законническим способом; *Бог делает его истинным*. Людям не нужно (из-за всевозможных моралистических методов) уподобляться библейским героям и воспроизводить историческую ситуацию текста, чтобы ощутить его актуальность. Сам Бог преодолевает *расстояние между текстом и нами*. Это Альфа и Омега проповеди, которая не исключает человеческих действий или реакций, но на самом деле включает их (теологически). Воспринимая какой-либо отрывок Писания как инструмент для объяснения и применения, проповедник упускает и текст, и собрание, потому что только герменевтически ответственное провозглашение Имени Божьего воздает должное Евангелию, то есть обещание текста открывается тем, кому оно предназначалось.

ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ 2: «... так и слово Моё, которое исходит из уст Моих,..» (Ис. 55:11)

В книге «Исповедь» Августин рассказывает о своем обращении – результате мощной работы Божьего Слова. Он был чрезвычайно талантливым человеком, но до этого момента вел довольно безрассудную жизнь, изучая философию в Риме, несмотря на постоянное внутреннее беспокойство. С одной стороны, он действительно хотел измениться, но, с другой – не торопился сделать это. И даже почти благочестиво молясь, чтобы Господь преобразил его, обычно добавлял: пожалуйста, не сразу!

Однажды напряжение этого противоречия заставило Августина выйти из дома в сад, чтобы поразмыслить о своей жизни. То, что произошло дальше, он описывает следующим образом:

«Я бросился под фиговое дерево и дал волю слезам. С несчастным видом я кричал, обращаясь к небесам: “Когда же, как долго? Завтра, завтра? Почему не сейчас? Почему конец моей нечистоте не приходит в этот час?” Я повторял эти слова и плакал от горя, когда вдруг услышал голос мальчика или девочки – не знаю, кого именно, – который доносился из соседнего дома, пел и несколько раз повторял: “Tolle, lege! Tolle, lege!” (“Бери, читай! Бери, читай!”).

Я сразу перестал плакать и задался вопросом, возможно ли, чтобы дети использовали такие слова в какой-либо игре, потому что я не мог вспомнить, чтобы слышал что-то подобное когда-либо раньше. Я встал, потому что не мог думать ни о чем другом, кроме того, что это была божественная команда мне открыть Библию и прочитать первый отрывок, на который упадет мой взгляд. Я быстро вернулся к скамейке, на которой сидел Аппий, потому что именно здесь я оставил послание апостола Павла к римлянам. Я схватил его, открыл и в тишине прочитал отрывок, который я увидел первым, – «но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим 13:14).

Я не хотел читать дальше, да в этом и не было необходимости, так как сразу же в конце предложения что-то вроде света полной уверенности засияло в моем сердце, и вся тьма сомнений исчезла».

Божье Слово тронуло Августина как никогда прежде и радикально изменило его жизнь. Как будто Бог стоял перед ним и говорил непосредственно с ним через этот библейский текст, как будто желтые страницы пергамента стали вратами, через которые Сам Господь неба и земли пришел к нему...

Возможно, у нас не было такого драматического опыта общения с Библией. Тем не менее, иногда случается, что мы читаем и читаем её, и нам кажется, что в ней ничего не предназначено для нас. Она ничего с нами не делает: не согревает и не холодит. Пока однажды внезапно что-то не захватит нас так, как никогда раньше, – слово, фраза, истина, образно говоря, не выпрыгнет на нас из Библии, и тогда мы просто знаем: сейчас Сам Господь неба и земли говорит со мной.

Речь Исаии (Ис. 55:1, 6-13), наверное, была таким словом для израильтян. Они оказались в изгнании – безусловно, худшее, что могло случиться с ними. У них были отняты земля, имущество, храм и, казалось, даже их Бог. Да, Слово Божье, похоже, осталось в Иерусалиме. Его обещания, похоже, не были выполнены. Здесь, в Вавилоне, Господа, очевидно, нет, и Его Слово стало немым. Некоторые впали в уныние и отвернулись от Бога, начали забывать Иерусалим и, в общем, стали жителями Вавилона. Израиль оказался, как олень, который жаждет воды (Пс. 41).

Возможно, вам знакомо это чувство...

Чтобы передать переживания таких людей, людей, которые отчаиваются и теряют веру в силу Слова Божьего, в Библии, среди прочего, и есть пятьдесят пятая глава Исаии.

Уже в первом стихе она сразу открывает шлюзы для тех, кто жаждет, когда Сам Бог говорит: *«Эй, все, кто жаждет, придите к водам; и те, у кого нет денег, приходите, получайте еду и ешьте! Приходите, получайте вино и молоко без денег,*

бесплатно» (Ис. 55:1). Это приглашение было настолько всеобъемлюще, что некоторые начали роптать. Что? Могут ли тогда все люди просто прийти? Даже неверные и дезертиры? Даже те, кто отвернулся от Господа в Вавилоне? Разве благодать не предназначена для верных и преданных?

Нет, она предназначена для всех. Да, всех.

Ответ, который Господь дает на эти жалобы, безусловно, является не только одним из самых известных заявлений в Библии, но и одним из самых странных и замечательных: *«Мои мысли – не ваши мысли, а пути ваши – не Мои пути, возвещает Господь. – Как небо выше земли, так Мои пути выше ваших путей, и Мои мысли выше ваших мыслей»* (Ис. 55:8, 9).

С нашей человеческой точки зрения это не только говорит о том, что Бог иногда действует непонятно, но особенно о том, что Его милосердие, Его готовность прощать многократно превосходит нашу ограниченность, наш фанатичный фарисейский нрав. *Да, Господь прощает и милует снова и снова* (Ис. 55:7). Предложение Его милости широко и велико. В этом наше утешение: Божье слово, которое приходит к нам, – это слово благодати, оправдания, прощения. Ведь сказано: *«Ищите Господа, пока Его можно найти, призывайте Его, пока Он близко»* (Ис. 55:6) – и в Вавилоне, и в пустыне, и когда мы тонем в болоте отчаяния.

Но это утешение идет еще дальше. Божье слово благодати – это не далекое теоретическое слово о прощении и спасении, не слово, повисающее в воздухе, но мощное, действующее слово: *«Как дождь и снег нисходит с небес и не возвращаются, не напоила землю, но делают её способной рождать и произращать, чтобы она дала сеятелю зерно и едоку хлеб, так и слово Моё, что исходит из Моих уст: оно не вернётся ко Мне напрасным, но совершит то, чего Я хочу, и достигнет того, для чего Я его посылал.* (Ис. 55:10, 11).

О-о, иногда мы можем подумать, что Божье Слово немо, что оно не действует. Мы можем считать, что Бог отказался

от нас. Период, в течение которого Слово пропитывает землю, подобно дождевой воде, иногда кажется долгим, и может привести к переживанию опыта пустыни. И, хотя влияние Слова все еще может быть скрыто для нас – оно действует! Его благословения падают на нас подобно дождю, пропитывают нас, хотя мы часто не осознаем этого! Да, даже если мы бунтуем против этого – Слово не вернется пустым к своему Отправителю!

Но ... может ли человек восстать против Слова? Да, как это не трагично, невозможное, по-видимому, возможно: вы можете спрятаться в своем маленьком укрытии от дождя Слова; вы можете открыть свой маленький зонтик вместо того, чтобы стоять под его потоками и быть омытым дочиста! Чтобы стать белее снега! Чтобы спросить волю Господа, пока Его еще можно найти, призвать Его, когда Он еще близко! Да, порой кажется, что Слово бессильно утекло в землю, но оно, несомненно, принесет плоды, освободит нас от изгнания. В конце концов, животворящая вода Слова проникнет так глубоко в нашу пустыню, что принесет плоды *исхода* и превратит нашу жизнь в прекрасный сад.

Это было так для Израиля по их возвращении в Иерусалим, и так будет в конечном итоге и для нас, когда непреодолимое Слово Божье наконец выведет нас из изгнания этого устройства, и мы будем спасены от *«власти тления, чтобы обрести ту же славную свободу, что и дети Божьи»* (Рим. 8:21). Да, этот исход будет настолько велик, что даже творение должно восхвалять его: *«Горы и холмы запоют пред вами песню, а все деревья в поле будут рукоплескать»* (Ис. 55:12). Вместо терновника вырастет кипарис; вместо колючек – мирт (терновый куст и колючки – символы падения; кипарис и мирт – Эдема). *«И это будет для славы Господа, знамение вечным, неистребимым»* (Ис. 55:13).

Разве мы не должны знать это лучше, чем пророк Исайя? Ведь Божье действующее Слово благодати, Его Слово прощения, стало человеком и жило среди нас (Ин. 1:14). Это Слово совершило все, для чего Бог послал Его, и не вернулось к Отцу с пустыми руками. О, может показаться, что даже Оно не имеет

большого влияния в мире и «просто уходит в почву». На самом деле, подобно пшеничному зерну, Оно упало на землю и погибло, чтобы дать великий урожай (Ин. 12:24). Слово, воплощенное Слово, прорывается из земли вверх, пробивается сквозь стены могильной пещеры, и кто может остановить Его?

Мы живем в особое время, сейчас, в третьем тысячелетии. Точно также сейчас (особенно сейчас!) Бог рядом, и сейчас Его воля должна быть определена. *«...Именно сейчас благоприятное время и сегодня – день спасения»* (2 Кор. 6:2). У нас есть Книга всех книг, которая говорит нам об этом на каждой странице, от начала до конца. О, Слово не должно падать на нас, как капли дождя, без того, чтобы мы его не почувствовали или не услышали. Оно не должно пропитывать нас, не принося никаких плодов! Давайте лучше обращаться с Библией так, как пишет Кристоф Блумхардт:

«Бывают моменты, когда кто-то читает библейское слово и, кажется, что оно определенно не было написано людьми, как слово, которое отделяет себя от всего человеческого понимания, и оно заключено в облако божественной силы, божественного действия. Тогда оно проникает в наши сердца, и мы не можем поверить, что нечто подобное возможно. Мы вообще не могли этого понять и не верили, что в любом случае стоит все еще читать это Слово, потому что мы так хорошо его знаем, еще со школьных лет. И вдруг такое слово приходит к нам, подобно сильному, могущественному ангелу, который трогает наши сердца святой рукой, и наши тело и душа открываются, и мы вдыхаем что-то от небесного Слова, от Слова, которое творит чудеса, чудеса в нашем сердце, чудеса в наших эмоциях, в наших мыслях, чудеса во всем, что мы есть».

Можно ли сказать больше? ...Бери, читай! Бери, читай!

Задания:

1. Оцените эту проповедь, используя Гейдельбергский метод (см. страницу 156).

2. Обсудите связь между человеческим и божественным происхождением Писания и почему ее важно учитывать при подготовке проповедей. Что это значит, когда мы говорим о многомерности Писания?

3. Карл Барт выделяет пять аспектов нашего отношения, когда мы слушаем голос текста. Определите эти аспекты.

4. Какие моменты вы считаете важными для понимания послания библейского текста?

5. Что такое типология и аллегория? Когда их использование правомочно и неправомочно?

6. Что такое христологическая проповедь, а что ею не является? Как идея фокуса на падшем состоянии может помочь нам проповедовать Христа как из Ветхого, так и из Нового Завета?

7. Проанализируйте примеры проповедей, которые не соответствуют критериям о слушании голоса библейского текста, обсуждаемым в этой главе. Определите теологические возражения, выдвинутые против этих проповедей и предложите возможные решения.

ГЛАВА 4

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ: КОГДА ГОВОРIT СОБРАНИЕ

1. Влияние мировоззрения на проповедование

Мы всегда читаем Библию через определенные очки, с определенной перспективы. Это понимание, с помощью которого мы (часто совершенно неосознанно) смотрим на вещи, судим о точках зрения, изучает Библию или газеты, наблюдаем за миром. Оно было сформировано различными факторами: Как мои родители воспитывали меня? В какой школе я учился? Кто были мои друзья? К какой церкви я принадлежу? В рамках какой теологической традиции она находится? Все это и многое другое делает меня тем, кто я есть. Это определяет перспективу или очки, с помощью которых я смотрю на вещи и понимаю их. В свою очередь это означает, что:

- Никто не читает Библию объективно. Наш контекст играет в этом роль.
- Относиться к своему прочтению Библии и своей традиции нужно с определенной «подозрительностью».

ЗАДАНИЕ. Оцените следующие проповеди, основанные на магнификате (хвалебной песни) девы Марии (Лк. 1:46-55).

Проповедь 1. Тема: «Рождество». Вся семья собирается в канун праздника вокруг рождественской елки. Дедушка говорит:

«Дорогие дети, мы только что вместе прочитали гимн Марии. И мы собираемся вместе спеть прекрасную песню №76 из песенника. Но что она на самом деле хочет сказать нам сегодня вечером? Послание, дорогие дети, очень простое: Мария счастлива, и поэтому поет хвалебную песню. И чему она радуется? Мы все знаем, что в то время она уже ожидала Иисуса. Она поет о Боге, нашем Спасителе (стих 47). Она счастлива за Иисуса, Который пришел в мир, чтобы спасти нас от наших грехов. И это послание Рождества. Поэтому сегодня вечером мы все можем радоваться вместе с Марией о дорогом Иисусе, Который родиться в хлеву в Вифлееме. Давайте теперь споем вместе, с такой же радостью в наших сердцах».

Проповедь 2. Тема: «Давайте прославим Марию!» Раннее утро, и на улице очень холодно. Группа монахинь собирается в часовне католического монастыря. Они стоят перед статуей Марии и поют самые красивые хвалебные песни. Аббат читает тот же библейский отрывок на латыни, а затем объясняет его следующим образом:

«Дорогие сестры, сегодня мы приносим славу Марии, матери Иисуса. В стихе 48 написано, что каждое поколение будет называть ее благословенной, потому что Бог проявил милость к ней в ее смирении. Вот почему мы призваны почитать память Марии. Она является для нас, в нашем собственном смирении, примером истинной веры. Она знает, что значит доверять Божьим обетованиям (стих 54). Мы не поклоняемся Марии, но мы чтим ее. Она – мать всех верующих».

Проповедь 3. Тема «Бог на стороне бедных и угнетенных». Небольшая группа людей сидит под навесом в лагере скваттеров (беднейший район) в Сан-Паулу в Бразилии. В этом городе более миллиона человек живут в абсолютной нищете. И в этой общине только один прихожанин умеет читать, и нет пастора. Собравшиеся говорят друг другу:

«В этом тексте содержится послание надежды для нас. Бог все еще думает о нас, Он нас не забыл и, в конце концов, накажет богатых и могущественных за их гордыню (стихи 51-53). Он на нашей стороне – стороне бедных и угнетенных капиталистами. Велика милость Божья к нам! Подобно Марии, мы должны продолжать доверять Божьим обетованиям, даже когда мы терпим самое худшее».

Проповедь 4. Тема: *«Бог любит людей, даже если у них низкая самооценка».* Около 2000 прихожан сидят в церкви воскресным утром в процветающем пригороде. Снаружи припаркованы только БМВ и Мерседесы. Пастор проповедует:

«Братья и сестры, в нашем тексте говорится, что Бог увидел Марию в ее смирении (стих 48). Среди нас есть много людей, которые могут отождествить себя с ней. Они также чувствуют, что ничего не значат. В нашем конкурентном обществе есть много людей с низкой самооценкой. Вам кажется, что вы не так умны, сильны, красивы или успешны, как окружающие вас люди. Возможно, вы часто сидите в одиночестве в своей квартире только с телевизором в качестве компании. Даже те, кто добился многого и, возможно, живет в комфортабельном доме, знают, что процветание и богатство – еще не все в жизни. Лука говорит нам сегодня: “Бог видит вас, Он заботится о вас!” Бог любит каждого из нас такими, какие мы есть».

Проповедь 5. Тема: *«Наш Бог – Бог революции!»* Начало XIX века. Недавно созданный профсоюз объявил забастовку на текстильной фабрике из-за ужасных условий, в которых приходится работать людям. Руководство все еще держит всю власть в своих руках. Все будут уволены, и надежда на другую работу невелика. Профсоюзный лидер призывает рабочих продолжать борьбу:

«Бог на нашей стороне! Он свергнет правителей с их престолов (стих 52). Капиталисты уйдут отсюда с пустыми руками

(стих 53). Начальники пытаются разделить нас, но скорее их сила будет сломлена (стих 51), – Бог с нами в битве. Сегодня Он совершит могущественные деяния! Мы – носители Божьей революции. Вива!»

Проповедь 6. Тема: «Бог спасает нас только по благодати». Пастор строгий приверженец реформатской церкви:

«Братья и сестры, хвалебная песнь Марии посвящена сердцу Евангелия. Нужно помнить, что речь идет о пришествии Христа. Он родился, чтобы спасти нас от наших грехов. Подобно Марии, мы смиренны и беспомощны в своем грехе. Текст хочет научить нас, что мы не можем спасти себя добрыми делами. Мы зависим только от Божьей благодати. Поэтому Мария провозглашает здесь величие Христа, нашего Спасителя».

Проповедь 7. Речь на христианской конференции:

«Коллеги, сегодня мы обсуждаем исторические предпосылки первой главы Евангелия от Луки. Нужно быть наивным, чтобы думать, что гимн Марии был написан её самой. Существует множество сходств между им и песней хвалы Анны во второй главе Первой книги Царств. Некоторые ученые утверждают, что его предысторию можно найти в военных песнях Маккавеев около 66 г. до н. э. Другие считают, что это была обычная песня в раннехристианской церкви. Лука включил её в свое Евангелие и приписал Марии. Но она, конечно, не является автором этого магнifikата».

Проповедь 8. Тема: «Мария защищает права женщин». Очередная встреча феминистской группы по изучению Библии:

«Сегодня мы рассмотрим хвалебную песнь Марии. Библия – очень мужская книга. Бог-Отец и Иисус Христос, конечно, мужского пола. Но Мария, мать всех верующих, по крайней мере, женщина. Она находится в затруднительном положении, о котором знают многие женщины. Она очень молода, не замужем и беременна. Подумайте о позоре! Женщины часто становятся

жертвами. Нас насилуют, держат в подчинении дома, угнетают на работе и изображают в средствах массовой информации как объекты мужской похоти. И, в конце концов, мы всегда сталкиваемся с проблемами, которые создали мужчины. Однако Мария говорит, что Бог заботится о женщинах в их смирении (стих 48). В нашем обществе власть, в основном, в руках мужчин. Они владеют более чем 80% всего богатства. Но Библия говорит, что они будут сорваны со своих «престолов» и отосланы с пустыми руками. Бог заботится о низших и, следовательно, об угнетенных женщинах».

Когда человек понимает, что предпосылки и даже идеологии обязательно играют определенную роль при интерпретации Священного Писания, невольно возникают следующие вопросы: «Может, я делюсь своими собственными мыслями и ставлю им лайк? Как мне узнать, не приписываю ли я свои собственные взгляды Библии? И делая это, не злоупотребляю ли я ей?».

Конечно, такая опасность существует. Конечно, может случиться так, что (возможно, совершенно неосознанно) в Писании видят только то, что хотели бы найти в нём.

2. Согласованность с собранием

«Слово Божье никогда не может быть отделено от народа Божьего». Этой фразой Лютер обращает наше внимание на принципиальную взаимосвязь, которая имеет решающее значение для гомилетики (Мейзер (Meuser), 1983:112). Он подчеркивает тот факт, что проповедь Слова Божьего относится к общине, которая собралась, чтобы услышать его. Комментарий Лютера даже подразумевает, что её реалии существенно влияют на то, как Слово Божье приходит к ней.

Том Лонг (Tom Long, 1989:45) описывает эти (гомилетические) отношения, это взаимодействие между текстом и собранием:

«Мы обращаемся к Писанию не для того, чтобы собрать набор фактов о Боге или вере, которые могут быть объявлены в любое время и в любом месте, а для того, чтобы встретиться с Присутствием, услышать голос Бога, который постоянно обращается к нам, призывая нас посреди ситуаций, в которых мы оказываемся верными Божьими людьми. Образ проповедника, сидящего в одиночестве в кабинете и работающего с библейским текстом при подготовке к проповеди, вводит в заблуждение. Это не проповедник обращается к Писанию; это церковь обращается к Писанию с помощью проповедника. Проповедник – это член общины, выделенный ими и посланный к Писанию, чтобы искать, изучать и послушно слушать от их имени».

Итак, проповедник обращается к Библии, но не один... Он исследует её, искренне ожидая обнаружить в ней истину Божьего утверждения и всегда желая быть удивленным этим. У тех, кто послал его, есть вопросы и опасения, и иногда библейский текст будет прямо отвечать на это. Однако он может и поставить что-то под сомнение.

Таким образом, *текст не принадлежит проповеднику*. Библейский текст принадлежит собранию и должен, так сказать, передаваться от члена к члену, чтобы быть изученным и выслушанным со всех сторон, пока все не согласятся, сказав: «Мы услышали голос Бога».

Проповедовать – это не значит быть теологическим диктатором, или выдающимся оратором, или святым аскетом, который хочет жить вне общины или над общиной; это скорее поиск согласия с ней вокруг библейского текста. Потому что Слово Божье никогда не может быть отделено от народа Божьего.

3. Собрание: носитель и защитник истины

Секрет проповеди заключается в голосах присутствующего Бога и библейского текста. Однако на этом дело не заканчивается.

Духовность проповедников проявляется не только в их отношениях с Богом или в работе с Писанием, но и в их отношениях с прихожанами, в том, как проповедники прислушиваются к их голосу. Поэтому здесь необходимо добавить классическое сравнение, сформулированное в ранней церкви: **«lex orandi, lex credendi, lex vivendi, lex convivendi, lex praedicandi»** («как вы молитесь, так вы верите, так вы живете, так вы живете вместе, так вы проповедуете»). В этой главе речь пойдет о «convivendi», в данном случае о совместной жизни с общиной и слушании её, а также о её значении для проповеди. Поэтому проповедник нуждается во многих глазах общины, его привилегии как толкователя и провозгласителя должны быть расширены, чтобы включить в себя общину.

Но разве акцент на множественности истин и прозрений не ведет к релятивизму? Если существует так много истин, не означает ли это, что существует не только одна истина? Нет, не обязательно. Каждый текст, с его множеством оттенков, должен быть прочитан *в соответствии с основным фундаментальным текстом* Священного Писания и найти свою согласованность в нём. Естественно, возникает вопрос: кто определяет, что является основным фундаментальным текстом?

Нужно сказать, что это не только отдельные экзегеты, такие как служители и богословы. Библия – это Книга церкви в самом широком смысле этого понятия: формируя свое восприятие фундаментального и любого другого текста, я должен читать его вместе с братьями и сёстрами и через их переживания, всегда помня о *двух основных правилах* – во-первых, моя точка зрения не должна навредить другим, а во-вторых, я сам должен быть открыт, чтобы выслушать чужую точку зрения, и должен быть готов измениться.

В этом смысле чтение библейского текста и, по сути, весь процесс подготовки проповеди не могут рассматриваться как исключительное индивидуальное действие служителя или теологическая частная собственность.

Герменевтика совместного чтения функционирует не только широко, но и глубоко: она рассматривает работу над конкретным отрывком ретроспективно, прислушиваясь к голосам отцов церкви.

Она опирается на богатую традицию, которая защищает нас от богословского высокомерия и постоянно напоминает нам об утешении и ободрении великого множества свидетелей веры, которые нас окружают (Евр. 12:1). Если вы хотите практиковать герменевтику, будьте скромны. По-видимому, незадолго до своей смерти Лютер написал на клочке бумаги: *«Никто не сможет понять Священное Писание, если вы не управляли церковью вместе с апостолами и пророками в течение ста лет...»*.

Собрание является носителем и защитником истины (1 Тим. 3:15). Таким образом, «аминь» служителя – это не конец, а, в определенном смысле, начало проповеди, поскольку прихожане должны будут сказать свое «аминь», должны воспользоваться своим правом и властью как получателей Слова...

Поэтому процесс подготовки проповеди, от создания презентации до последствий сказанного, должен определяться главным образом прихожанами. Проповедники должны видеть и реализовывать духовное богатство общины, ее гомилетический потенциал. На самом деле, они находят некоторые из лучших комментариев для проповеди не только на своих книжных полках, но также в костном мозге и крови, в мышцах, да, в контексте общины, которая живет вокруг их проповеди.

Это требует, чтобы проповедники смотрели на своих прихожан новыми глазами, чтобы использовали *теологический* ключ, если хотят раскрыть секреты общины. Чтобы проповедники *теологически* смотрели на тех, кто посещает богослужение, то есть как на людей, над которыми Бог работал долгое время, людей, за которых Христос умер и воскрес, людей, для которых, следовательно, достаточно Божьей благодати. Чтобы проповедники *рассматривали тех, кто сидит на церковных скамьях,*

как дары Божьи, а не как религиозных клиентов, чьи интересы должны быть соблюдены как можно лучше.

Но как это влияет на процесс создания проповеди?

Карл Барт (1964:96-97) группирует пять условий:

- Проповедник должен **любить своё собрание** и быть единым целым с ним. Основное отношение должно быть таким: это мой народ, и я хочу поделиться с ним тем, что дал мне Бог. Неважно, насколько красноречивым вы можете быть, даже если вы более красноречивы, чем ангелы, но без любви вы ничто.

- Поскольку проповедник любит собрание, он должен **жить жизнью собрания**, на его уровне. Проповедник не обязательно должен быть самым умным среди слушателей или стать гадалкой, которая читает мысли людей, но вопрос, который выражает их самые глубокие переживания, всегда должен волновать его сердце.

- Проповедь – это не просто более ясное и адекватное объяснение смысла жизни среди других объяснений, хотя это и немаловажно, но, скорее, она **помещает смысл жизни в свет Божьего откровения**.

- Проповедовать – значит **быть тактичным**, то есть знать, что, когда и кому говорить. Библейская и пророческая критика может быть дана только в смиренном и благоговейном духе – нет необходимости делать из истины идола.

- Проповедовать – значит **осознавать момент**, час как проповедника, так и собрания. Это значит спросить: чего требует современная ситуация от служителя и прихожан? В конце концов, они имеют один и тот же исторический опыт; поэтому слова говорящего должны соответствовать непосредственным интересам слушателей. Понимая это, ораторы смогут избежать непрерывного дискурса на темы, которые уже давно потеряли свою актуальность.

Это подчеркивает тот факт, что проповедники должны быть со своими прихожанами, а не на другой (теологической, социо-

логической, космологической) планете. Для этого им необходимо чаще смотреть в глаза прихожан и слышать их голоса, чтобы церковные кафедры больше напоминали круглые столы (Макклур (McClure), «The roundtable pulpit» («Кафедра круглого стола»), 1995).

Проповедники могут воспринять такой сдвиг парадигмы как угрозу. На самом деле, они часто препятствуют любому нарушению их системы, потому что знают, что она не в порядке. Тем не менее, быть выведенными из безопасного убежища подобным образом, действительно может быть полезным.

Рудольф Борен (1971:521-522) цитирует проповедника Франца Янча (Franz Jantsch):

«Однажды женщина прервала мою проповедь о супружеской любви и крикнула: “Преподобный, я не могу этого вынести. Я протестую”. Я продолжил, попросив мудрого человека из собрания ответить. Затем в обсуждении приняли участие и другие люди, и были прояснены точки зрения. Я не был раздражен этой женщиной, наоборот. Она извинилась, потому что ее темперамент взял верх, но этот инцидент произвел большое впечатление на прихожан».

Конечно, не рекомендуется, чтобы каждая проповедь прерывалась таким образом, но вмешательство этой прихожанки является примером того, какой может быть дискуссия в собрании. Ведь Святой Дух был дан не только проповеднику, но и прихожанам. Харизма служителя хороша, но общая сумма даров, которые Дух дает собранию, лучше.

Мы не можем упускать из виду следующее: проповедование – это действительно вопрос общины, а значит, и контекстуальный вопрос. Поэтому нам неоднократно придется учиться давать возможность участию её членов и обратной связи в отношении проповеди не только потому, что это важно с теологической точки зрения, но и потому, что общение совершенно необходимо с научной точки зрения.

4. Знакомьтесь со своим собранием

ЗАДАНИЕ. Нарисуйте следующую картину: «Жизнь как путь к...».

Давайте теперь сравним то, что вы изобразили. Каждый рисунок будет уникальным, каждый – со своей индивидуальностью. Какая из этих интерпретаций является «правильной»? Ну, возможно, некоторые из них (по нашему мнению!) могут быть более красивыми или более художественными, но каждая из версий имеет право на существование, и каждая из них «правильна»! Если мы соберем их все вместе, то найдем богатое разнообразие идей на одну и ту же тему, которые могут быть очень полезными. Две (или более) пары глаз видят лучше, чем одна!

Как же проповедник может слушать свою аудиторию? Обработывая реакцию, которую она дает во время его выступления: её интерес, внимание, равнодушие, суетливость и многое другое расскажут о том, как принимается проповедь.

4.1 Заранее узнавая и исследуя свою аудиторию

- Во-первых, важно **определить размер собрания**. Вы можете проповедовать нескольким сотням человек воскресным утром или домашней группе, собравшейся на молитвенную встречу в середине недели. Разные размеры аудитории потребуют от вас изменения вашего подхода. Содержание проповеди, которое очень хорошо передается большой аудитории, может иметь противоположный эффект или вообще не иметь никакого эффекта, когда оно представлено маленькой компанией. Например, юмор, который может сработать в многолюдном собрании, часто не подходит для небольшой общины.

По мере увеличения аудитории способность получать обратную связь уменьшается. Когда вы выступаете перед малочисленной группой, вы можете задавать вопросы и отвечать на них, отслеживать реакцию людей и более точно проверять уровень их внимания. Затем вы можете адаптировать свою проповедь

к получаемым отзывам, ответить на вопросы, проблемы и возражения ваших слушателей.

Размер собрания может определить ваш контент, содержание проповеди. Некоторые темы можно более эффективно обсуждать в небольшой группе.

- Во-вторых, важно **определить демографию собрания**. Демографические данные включают пол, возраст, образование, этническую принадлежность и культуру слушателя. Опять же, это определит ваш материал проповеди и ваш стиль речи. Если воскресное утреннее богослужение будет включать большое количество молодых родителей, вопросы семьи и воспитания детей будут занимать важное место в сказанном. Эти же вопросы будут иметь меньшее значение, если большинство прихожан будет старше 65 лет. Присутствие подростков на служении тоже повлияет на вашу проповедь: полезно будет использовать конкретные методы изложения тем, соответствующие их потребностям.

Помните, что в вашем собрании будут мужчины и женщины. Один этот факт должен сделать вас внимательным к их разным нуждам и разным способам, которыми они обрабатывают информацию. То же самое и с образованием. Люди, получившие высшее образование, могут быть более открыты для новых идей. А кто-то может захотеть держаться за то, что они всегда знали и с чем знакомы. Вам нужно подумать о системе взглядов ваших слушателей, их мировоззрении.

Также нужно не забывать, что, когда вы говорите о какой-либо области жизни, в вашей пастве могут быть люди, которые являются экспертами в ней. Поэтому всегда правильно излагайте свои основные факты. Уровень подготовленности вашей аудитории будет определять, какие концепции вы используете, сколько материала охватываете в проповеди и какие иллюстрации и приложения, скорее всего, будут эффективными.

Этническая принадлежность и культура людей также являются факторами, которые необходимо учитывать. Некоторые

из слушателей могут быть азиатами, европейцами, африканцами или иметь католическое или православное воспитание. Подумайте, как они могли бы отреагировать на то, что вы говорите в своей проповеди.

- В-третьих, некоторые ученые также **добавляют аспект духовного и внутреннего состояния собрания:** воцерковленные или невоцерковленные люди; верующие или неверующие; оправданные грешники или самоправедные; верные или отступники; зрелые верующие или новообращенные; страдающие физически (больные, умирающие, пожилые) или духовно (скорбящие, одинокие, угнетенные, подавленные, тревожные, усталые, злые, виноватые).

Здесь существует опасность, что подобное деление прихожан может привести к проповеди, которая будет основываться на очень субъективном методе классификации, как это было во время пиетистских движений в течение столетий после Реформации как реакция против холодной интеллектуальной ортодоксии.

Например, были составлены следующие *категории христиан*: с верой только на устах, равнодушные, невежественные, не беспокоящиеся, не желающие и откладывающие на потом, боящиеся, холодные, теплые, спящие и лишенные любви; люди без знания Бога, люди с некоторым, но не спасительным знанием Бога, люди с притворным знанием Бога.

Рожденных свыше люди делились на обеспокоенных, сомневающих, ищущих убежища, утвержденных (последние иногда снова делились на внешне и внутренне утвержденных).

Проповеди во время Второй Реформации были основаны на классификации, которая возникла после Реформации (Бриенен (Brienen), 1981:192). Прямым результатом этой формы проповедования, которая определялась так называемым *порядком спасения*, было разделение веры на *простое умственное согласие* и *спасительную веру*.

Еще одним результатом стало то, что акцент был сделан на плоде, а не на событии спасения. И уверенность в спасении, которая являлась сутью Реформации, превратилась в роскошь в Реформатской ортодоксии и Второй Реформации. Именно в этом контексте *силлогизм практический и силлогизм мистический* сыграли важную роль.

Практический силлогизм означал, что, когда практика христианской жизни имеет определенные характеристики, делается вывод о том, что в человеке присутствует истинное благочестие и он может быть уверен в спасении. Со временем из-за разочарования в реальности, которая остается греховной и, казалось бы, трудной к преобразованию, произошел сдвиг, который привел к фокусу на более глубокие внутренние состояния человеческой души. Этот сдвиг и есть рождение *мистического силлогизма*. Человек может быть уверен в спасении на основе чувств, называемых действием веры внутри. Опасным результатом всего этого стало то, что вместо проповеди о Христе стало больше проповеди о христианах.

Хорошие проповедники это не только те, кто выполняет добросовестно экзегетическую работу, но и те, *кто знают жизненные обстоятельства своих слушателей и могут донести до них Слово Божье в сложившейся ситуации.*

Представьте, как вашу проповедь принимают и как на неё реагируют следующие слушатели:

- подросток, посещающий церковь по принуждению;
- одинокая девушка, которая жаждет серьезных личных отношений;
- бездетная пара;
- человек православного воспитания;
- сотрудник, на которого оказывают давление в компании, чтобы он работал лучше;
- бедная вдова;
- разведенная женщина;
- мужчина средних лет, пристрастившийся к порнографии.

Все эти факторы создают *фильтр*, через который люди слышат. Ваше послание они будут слышать по-своему. То, что люди слышат, часто определяется их контекстом.

4.2 Получая обратную связь от своей аудитории

Собрание состоит из прихожан с разным восприятием Бога, которое они формировали на протяжении многих лет, в частности, читая Библию и слушая проповеди о ней. Эти представления общины являются реальностью, которую вы, проповедуя, не можете игнорировать. Напротив, она предлагает более широкий взгляд на единого Бога, в Которого верят все собравшиеся, и спасает от «одноглазости». Ирония в том, что члены и служители церкви до сих пор не научились выходить из-за своего мольберта и идти смотреть на чужие попытки. Каждый сидит на своем месте, закрывшись от большего, более прекрасного видения Бога.

Поэтому проповедникам нужны не только идеи других богословов и пасторов, но, в определенном смысле, и идеи прихожан. Проповедники зависят от людей, которые тоже видели что-то от Бога; они просто не могут обойтись без других свидетелей Невидимого. В стране зрячих одноглазый не может быть королем. Одиноким рейнджерам не место за кафедрой.

Поэтому вы должны сознательно «показывать» свои проповеднические попытки другим с просьбой оценить их, не только теологам, коллегам и литературоведам, но особенно «обычным» людям, людям, у которых было бы обыденное и практическое видение вашей работы и которые могли бы в определенной степени освободить вас от вашей «одноглазости». В конце концов, альтернатива вашей точке зрения приближает вас к истине или, по крайней мере, помогает вам обдумать (ваш взгляд на) истину.

Таким образом, с одной стороны, следует остерегаться концепции проповеди, которая превращает её в монолог, полностью авторитарный и лишенный какой-либо критики.

С другой стороны, нельзя принимать и недооценку проповеди. Интерпретация и восприятие прихожан не могут настолько определять проповедь, что она перестанет провозглашать истину, тем самым ограничивая голос конкретных библейских текстов.

Скорее нужно развивать **взаимодействие, диалог между церковной кафедрой и скамьей**, в котором система проповедования одного человека (им является служитель) открывается для включения других людей. Это воздаст должное не только прихожанам, но и проповеднику.

Проповедник, который приходит к прихожанам как-бы извне и сверху, деспотичен и догматически неприкасаем. Но если он выходит на кафедру, чтобы занять свое место перед ними, он является одним из них, и тогда его слова являются свидетельством, которое возникает из конкретной ситуации и кризисов собрания, с которым оно может отождествляться, поэтому также может задавать вопросы.

Необходимо серьезно задуматься и **о роли общины в процессе подготовки проповеди**. Ясно, что для этого в церкви должна быть создана другая традиция, другая культура: нечто, что подразумевает целый ряд изменений в пастырском процессе, потому что прихожане выросли в атмосфере, в которой они привыкли к тишине на скамьях. Ведь на богослужении слушаешь... и молчишь.

Отчасти в этом виноват пастор: говорит только он, и критика, сознательно или неосознанно, неприемлема для него. Ведь только он видел Невидимого и слышал Его голос; только он может трактовать услышанное. По-видимому, молчаливое собрание гораздо более допустимо, чем то, которое активно соглашается (или не соглашается!) с проповедью. Однако в таком случае оно становится безучастным, и служитель становится одиноким, на нем лежит огромная ответственность за то, чтобы в одиночку отражать полноту Бога на своем холсте.

Внутри общины действуют обогащающие и контролирующие силы, которые могут ограничить тенденцию к индивидуализации, хотя бы до определенной степени.

- **Обогащающие**, потому что мы учимся читать Библию глазами других людей: особенно маргинализированных, презираемых, забытых, безгласных, чтобы лучше увидеть её «странный, новый мир», мир, который всегда оказывает на нас удивительное воздействие и сообщает нам неожиданные новости (Браун (Brown), 1984:12).

- **Контролирующие**, потому что чтение Библии вместе с другими дает наилучшую гарантию от сектантского ее искажения (Фаул и Джонс (Fowl & Jones), 1991:29-55, 119-134).

Теологические «специалисты», которые пытаются извлечь из Писания вневременные истины с помощью ряда методологических шагов, будут проповедовать именно так: вневременно, но некстати, не ко времени. Только когда повседневная жизнь собрания начинает влиять на процесс провозглашения, тогда Слово, Евангелие, может «адаптироваться» ко времени.

Проповеднику и прихожанам придется пристально изучать друг друга. Им нужно почаще встречаться друг с другом «за круглым столом-кафедрой» (МакКлюр). Под этим я подразумеваю настоящую дискуссию в собрании, обсуждение и подтверждение проповеди.

В такой беседе, естественно, будет рассматриваться конкретная ситуация члена общины или группы её членов или, по крайней мере, будут собраны некоторые вопросы, адресованные к проповеди.

Условия коммуникации, конкретный контекст, слушатели с их горизонтом восприятия, короче говоря, весь тот способ, которым собрание рассматривало Слово Божье и видело Бога Слова в прошлом, должен быть очень серьезно рассмотрен. Светские и постмодернистские идеи, меняющиеся социально-исторические обстоятельства, политические и идеологические отношения, которые преобладают в церкви (Гейер (Geyer), 1978:478), заставляют прихожан усваивать определенные проповеди очень специфическим образом, отличным от других собраний. Существует определенная церковная среда, в которой

происходит проповедь, например, тип богослужения, деноминация с ее традициями, функционирование офиса служителей и так далее. Все это отражается в картине, которую мы рисуем!

Но, в конечном счете, главными должны оставаться библейский текст и проповедь, которая предлагает решения конкретных вопросов и, возможно, вызывает другие фундаментальные вопросы у собеседников, которые должны различать подлинные и псевдовопросы, подлинные и псевдовидения. В таком проповедническом дискурсе существует возможность наложения миров библейского текста и слушателя, прояснения взглядов, концепций, недопониманий, которые могут присутствовать в различных мирах, возможность (непрерывного) сравнения того, что на вашем холсте, с тем, что на холсте прихожан и, в конечном счете, с тем, что на холсте Священного Писания...

Данный дискурс в общине опирается на:

- Основные образовательные и коммуникационно-научные принципы. В соответствии с ними человек сохраняет примерно 10% того, что прочитал, 20% того, что услышал, 60% того, что услышал, увидел и сформулировал, и 90% того, что обнаружил в ходе своих собственных исследований, в которых он был экзистенциально вовлечен – и особенно за которые ему пришлось пострадать. Такая статистика противостоит всем формам пассивности в церкви (Дам (Dahm)).

- Эмпирическое исследование действия проповеди на собрание. Переживания во время размышления о встрече со Христом тех, у кого было только индивидуальное понимание этого, оказывают влияние только на личное и, в меньшей степени, на межличностное в практике жизни. А вот опыт встречи со Христом тех, кто формулирует его и достигает большего понимания в корпоративной концепции, влияет на личные, межличностные, трудовые и общественные уровни в практике жизни. Группа поддерживает тех, кто участвует в корпоративном понимании, и помогает сделать этот опыт более

продолжительным и применять его в дальнейшем (Питерсе (Pieterse), 1991:32-33).

Далее следуют **два способа для стимулирования корпоративного понимания**, для инициирования обсуждения проповеди и выбранного для нее библейского текста. Естественно, то, как именно это должно быть реализовано, будет отличаться в разных конгрегациях и у разных проповедников. Тем не менее, они предлагают основу для беседы и могут быть адаптированы в зависимости от обстоятельств.

«Гейдельбергский метод»

Место из Писания:

Дата: _____

Имя прихожанина: _____

1. Первое впечатление:

Каким было ваше первое впечатление от проповеди? (Например: утешение, радость, чувство вины, бессилие, безнадежность, раздражение, скука).

2. Бог:

Что говорилось в проповеди о Боге? (Например: Он Творец, Судья, Отец, Спаситель, Пример для подражания, Разрешатель жизненных проблем, Защитник).

Что вы слышали в проповеди об Евангелии (обетовании, благой вести), применимо к вашим обстоятельствам сегодня?

3. Община:

Какой образ нашей церкви был очевиден в проповеди? (Например: мы показаны как призванные Господом, святые, просвещенные).

4. Призванные:

К чему мы, как собрание, призваны? (Например: к вере, надежде, любви, верности, молитве, служению).

5. Краткое изложение:

Опишите своими словами, что вы считаете сутью проповеди.

Как эта проповедь помогает изменить вашу жизнь?

Что в проповеди было вам непонятно?

«Кафедра круглого стола» (МакКлюр (McClure))

Здесь говорится о встрече среди недели, где происходит обсуждение как проповеди на прошлом богослужении, так и идей для будущей проповеди.

1. Обратная связь, предварительные замечания (10 минут)

1.1 Насколько проповедь в прошлое воскресенье отражала наше предыдущее обсуждение? Должны ли мы адаптировать наш метод?

1.2 Какие отзывы вы слышали от других прихожан, которые необходимо принять к сведению?

2. Размышления о библейском тексте для будущей проповеди (20 минут)

2.1 Какие у вас есть вопросы, связанные с историческим контекстом, словами или авторством этого конкретного текста, на котором основана проповедь? (Пастор играет здесь ведущую роль, но не должен быть стереотипным).

2.2 Начните разговор с автором библейского текста. Что он говорит? Как бы вы хотели ответить ему?

2.3 Если библейский текст имеет форму рассказа, поговорите с персонажами, но не отождествляйте себя (слишком быстро) с ними. Как вы реагируете на их поступки и слова? Что бы вы хотели сказать каждому герою?

2.4 Обратите внимание на стиль языка, используемый в библейском тексте. Как он влияет на вас и что заставляет чувствовать?

3. Обсуждение (60 минут)

3.1 *Определение тем.* Пусть прихожане выделяют темы, связанные с библейским текстом (из повседневной жизни церкви

и личного мира), которые они хотели бы обсудить. Необходимо поддерживать «открытую повестку дня».

3.2 Интерпретация. Обратите внимание на то, как прихожане интерпретируют названные темы; что, по мнению людей, важно для них самих, церкви и мира.

3.3 Предоставление голоса. Позвольте прихожанам идентифицировать себя с темами. Дайте каждому разумную возможность высказаться от всего сердца. Обратите внимание на скрытые эмоции. Предоставьте людям возможность рассказать свои собственные истории.

3.4 Оправдание. Этой части нельзя избежать! Требования Евангелия в свете библейского текста должны быть четко поняты и приняты. Спросите, какое значение эти вопросы могут иметь для каждого прихожанина, всей церкви и мира.

3.5 Практика. Как общине претворить все сказанное в действия? Каковы источники помощи? Какие могут быть камни преткновения?

4.3 Предвосхищая внутренние диалоги своей аудитории

Постарайтесь предугадать возражения или вопросы слушателей по поводу того, что вы говорите. Обработывая реакции, которые они выдают во время вашего выступления, можно многому научиться. Их уровень интереса, внимания, суетливости, выражения лиц многое расскажут вам о том, как принимается ваше послание. То есть общение происходит непрерывно.

Нужно понять с кем вы имеете дело. Психолог Х. Л. Холлингсворт (H. L. Hollingsworth) выделил **пять типов аудиторий**:

- **Случайная аудитория** проявляет наименьшее объединенное внимание слушателей. Например, экскурсанты, бродящие по музею, время от времени слушающие экскурсовода, группа подростков, которых собрали, чтобы послушать библейский урок во время молодежного мероприятия.

- **Пассивная аудитория** состоит из слушателей, которые вынужденно слушают оратора. Например, собравшиеся на похоронах и свадьбах. И в каждом собрании есть пассивная часть людей, которые присутствуют в нем из чувства долга или потому, что их заставляет супруг или родитель.

- **Избранная аудитория** – это группа слушателей, собравшихся по важной для них причине. Они очень заинтересованы в получении послания, которое передает говорящий. Например, люди с открытыми Библиями, блокнотами и ручками (или ноутбуками и айпадами).

- У **согласованной аудитории** есть цель и заинтересованность в выполнении какой-либо задачи. У них высокая степень энтузиазма по отношению к оратору, его теме и планам. Слушатели надеются достичь чего-то в результате послания, которое они слышат. Например, встреча церковных лидеров.

- **Организованная аудитория** – это слушатели, на которых оратор оказывает влияние и которых он контролирует. Например, воинские части и спортивные команды или собрания церковного персонала.

Чаще всего мы обращаемся к людям с уровнем интереса где-то между *пассивным* и *избранным* типом аудитории. Воскресные утренние собрания, вероятно, более пассивные, чем избранные, в то время как воскресные вечерние собрания более избранные, чем пассивные. Собрания в середине недели можно классифицировать как избранную аудиторию.

Понимание уровня интереса вашей паствы повлияет на вашу работу с библейским текстом, использование иллюстраций и то, где вы размещаете свой материал. Каждая аудитория требует своего подхода.

5. Контекстуализация проповеди

Ориентация на прихожан и их особый контекст подразумевает, в частности, что проповедь приобретает *уникальный*

и актуальный характер. Это, в конце концов, неизбежно: община привносит в процесс подготовки послания более широкий контекст (социально-экономический, политический, экологический, этический и так далее). Это совершенно необходимо; контекстуальность – не роскошь, она неотъемлемая часть проповеди.

Живое Слово всегда приходит к людям в настоящем. Вопрос не в том, должна ли происходить контекстуализация, а только в том, как это сделать. В этом Писание идет вперед: это всегда Слово в контексте, воплощенное Слово, историческое и современное.

Поэтому задача проповеди также состоит в том, чтобы изучить контекст текста, а затем перевести его в терминах динамического эквивалента для современности (Мюллер (Müller), 134-135).

Однако такая контекстуализация Евангелия остается одной из самых сложных задач проповедника. Она требует теологической зрелости и чувствительности, и чтобы служитель не позволял ничему, кроме Евангелия (а не его ослабленной версии) воплощаться в контексте, таким образом, чтобы оно действительно было актуально для современных людей (о сложности этого см. Вебб (Webb), 1998).

Здесь мы должны быть особенно осторожны с явлениями и стилями проповеди, которые *только кажутся контекстуальными*. Современные клише, соответствующие лозунги и от случая к случаю введение проблем дня в проповедь не являются истинной контекстуализацией. Но проповеди не должны и не могут быть контекстуализированы полностью.

Что необходимо, так это, скорее, чтобы в процессе их подготовки поднимались правильные, более глубокие экзистенциальные вопросы, и чтобы проповедник действительно слушал людей в их контексте, и слушал так, чтобы проповеди могли привести их к духовной зрелости и богословской способности различения, к мудрости в библейском смысле этого слова.

Поэтому проповеди никогда не смогут дать одного уникального рецепта, а скорее способствуют в течение длительного времени развитию характера слушателя, его существованию в мудрости перед Богом.

Проповедь подобна тетиве, привязанной между двумя концами лука – если она плохо натянута, то стрела не может лететь! Необходимо напряжение. Об этом говорят два основных доклада, представленных на конференции Общества «Гомилетика» в Вашингтоне (1999). Тема встречи была: «Проповедь благодати в человеческом состоянии», и два оратора представляли, образно говоря, два конца лука. Мэри Кэтрин Хилкерт (Mary Catherine Hilker), римско-католический теолог, подчеркивала тот факт, что мы, проповедуя, **должны в первую очередь исходить от условий человеческих страданий, искать там признаки Божьего присутствия, затем указывать на них и описывать их как благодать, как отголоски Евангелия.** Она также написала книгу под названием «Naming grace: Preaching and the sacramental imagination» («Называя благодать: Проповедь и сакраментальное воображение», 1998), в которой, так сказать, пытается жонглировать двумя теологическими утверждениями. С одной стороны: «Современный человеческий опыт может раскрыть новые измерения в истории Иисуса». С другой – «Евангелия и история Иисуса ограничивают и фокусируют современный пересказ истории».

Вторым главным оратором был Чарльз Кэмпбелл (Charles Campbell). Он взял за основу девиз: «Preaching Jesus» («Проповедуя Иисуса», также название книги, 1997). По его убеждению, Бог входит в состояние человеческих страданий через проповедование и в них просит, чтобы Его услышали и повиновались. Как постлиберальный философ, Кэмпбелл присоединяется к Хансу Фрею (Hans Frei) и заявляет: «**отправной точкой является не человеческий опыт или существование, а скорее конкретная, незаменимая личность Иисуса Христа,**

которая проявляется во взаимодействии характера и событий в евангельских повествованиях». Кэмпбелл разрабатывает модель нарративной проповеди, чтобы противостоять проповеди, которая работает когнитивно-пропорциональным способом либо с библейским текстом, либо с христианскими темами и догмами, либо с христианской традицией.

Многие гомилеты практикуют свое богословие в напряжении между этими двумя полюсами. Например, Леонора Таббс Тисдейл (Leonora Tubbs Tisdale) написала книгу с провокационным названием «Preaching as local theology and folk art» («Проповедь как местное богословие и народное искусство», 1997). В частности, она представляет семь способов, в соответствии с которыми собрание может быть подвергнуто экзегетике для обеспечения современности проповеди. Стивен Фаррис (Stephen Farris) озаглавил свою книгу «Preaching that matters» («Проповедь, имеющая значение», (1998) и борется с точно таким же напряжением: *чтобы найти аналогии между мирами текста и мирами собрания важно, чтобы представители противоположных взглядов оставались в дискурсе и не достигали компромисса слишком рано, поскольку слишком многое поставлено на карту теологически и экзистенциально* (Бос (Bos), 1999:245).

5.1 Контурсы контекстуализации проповеди

На мой взгляд, для проповеди важно **многократно переформулировать Священное Писание для сегодняшнего дня**. Таким образом, родной язык текста не игнорируется, а полностью реализуется. Здесь задача проповеди двусторонняя: заново обучать прихожан оригиналу текста и сопровождать их в его современном изложении. Проповедуя, мы не можем не формировать или не помогать формировать местные теологии и самим быть сформированными ими. Проповедь может быть изложена настолько библейскими языком и идиомами, что ее практически невозможно понять современным людям.

Вы можете быть настолько «правильными», что можете ошибаться. Суть в том, что *Евангелие постижимо*. Оно всегда приходит к людям здесь и сейчас. Бог *приспособил* Себя к нам. Поэтому проповедь не может не быть постижимой и понятной, что, однако, не означает, что сложность жизни должна быть чрезмерно упрощена. Контекстуальная проповедь требует, чтобы она была понятна слушателям, следовательно, требует открытости для сердцебиения сегодняшнего дня, которое мы часто слышим наиболее отчетливо в современном искусстве (литературе, фильмах и прочее). Это *воплощение слов проповеди в современную идиому*, естественно, имеет пределы: Евангелие текста всегда остается *контра-Евангелием*, которое, как таковое, можно рассматривать как *противостоящим* обычаю или моде времени.

Когда дело доходит до проповедей, только в нескольких учебниках по гомилетике рассматривается аспект соответствия слушателям, а некоторые богословы фактически *препятствуют адаптации к аудитории как опасному контролю кафедры со стороны прихожан*. Они думают, что проповедники будут испытывать искушение подстраивать свою речь под свою общину и тем самым изменить или исказить данное Богом послание.

Так «Lucozade» был переупакован маркетологами и превратился из напитка для выздоравливающих в высокоэнергетический напиток для активных людей. Базовый продукт не изменился, но его упаковка и презентация были адаптированы для нового рынка.

Тим Келлер (Tim Keller) выделяет несколько **принципов при анализе аудитории и адаптации к ней**.

- **Слушатели автоматически интерпретируют проповедь с точки зрения своего собственного контекста.**

Людям чрезвычайно трудно и утомительно понимать сообщение, которое не передается в рамках их системы отсчета.

Под «системой отсчета» мы подразумеваем убеждения человека, его воспитание, образование, жизненную ситуацию, потребности и так далее. Это мир, в котором он живет и который он понимает.

Поэтому преподавателям и студентам христианских учебных заведений необходимо помнить, что теологический колледж – это субкультура, в которой для общения используется целый набор слов, выражений и условностей. Любой, кто пытается донести Евангелие до людей после изучения богословия, должен научиться межкультурному общению. Студенты-теологи должны понимать, что никто за пределами их специализированного сообщества не говорит и не думает так же, как они.

• **Коммуникация может быть ориентирована на отправителя или на получателя послания.**

Когда говорящий или *отправитель* определяет свою собственную систему отсчета как ту, в которой происходит общение, слушатель или получатель должен приспособиться к ней. Это довольно утомительно и часто безуспешно. Слушатель или получатель находится в *зависимом положении*. Он должен задавать много вопросов, внимательно слушать, иметь дело со многими странными и незнакомыми понятиями, искать значения многих слов, просить о помощи и постоянно проверять и перепроверять смысл. Короче говоря, слушатель находится в уязвимом положении.

Однако когда говорящий определяет *систему отсчета слушателя* как ту, в которой будет происходить общение, роли меняются местами. Теперь говорящий или отправитель находится в *зависимом положении*. Он должен задавать вопросы, слушать, иметь дело со странными и незнакомыми понятиями, искать значения слов, просить о помощи, проверять и перепроверять смысл. Теперь говорящий стал уязвимым.

Коммуникация, ориентированная на получателя, намного сложнее для отправителя, но гораздо более удобна для получателя и гораздо более успешна.

- **Коммуникация Бога ориентирована на получателей.**

В Библии Бог адаптирует Свое послание, не изменяя его сути. Так Господь посылает Свое слово через посредника, пророка, когда люди жаловались, что они не могут слушать Его голос напрямую (Втор. 18:15-19). Бог не использует одну и ту же коммуникацию, тот же канал и ту же форму. Воплощение – это также форма коммуникации (Флп.2:6, 7). Христос вошел в наши рамки, в нашу систему отсчета. Мы не могли видеть Божью славу лицом к лицу (Ис. 33:3), но теперь мы видим Его славу в Иисусе (Ин. 1:14).

В Первом послании к коринфянам мы видим принцип коммуникации, который Павел практиковал на протяжении всей книги Деяний апостолов (1 Кор. 9:19-22). В зависимости от аудитории он вносил значительные изменения в свою проповедь. Он варьировал использование эмоций и разума, цитирование авторитетных источников, свой выбор слов, спорных моментов (избегая ненужных вопросов) и свое определение проблем, надежд и потребностей слушателей.

Бесчисленными способами Бог принимает привычные слушателям обычаи, литературные жанры и термины. Например, когда Он вступил в отношения с Израилем, то принял культурную форму, специфический формат ближневосточных договоров сюзерена – вассала второго тысячелетия до нашей эры. Иоанн заимствует понятие Логоса из греческой философии. Сама концепция библейского богословия показывает, что Бог раскрывает откровение в истории поэтапно, причем каждый этап адаптирован к способностям людей, которым Он говорит.

- **Понимая свою аудиторию, проповедники, тем не менее, должны быть сосредоточены и сфокусированы на своем послании.**

Многие служители напрягаются, когда слышат призыв быть ориентированными на получателей, считая, что быть ориентированным на отправителя – значит быть ориентированным

на послание. Многие проповедники, чтобы быть ориентированными на слушателей или контекстуализированными, стремились скорее изменить, чем адаптировать библейское послание.

Старые либеральные комментаторы говорили: «Современный человек больше не может принимать элемент чуда в Писании». Для них окончательным авторитетом в коммуникации является контекст, а не послание. Неудивительно, что евангельские христиане нервничают по поводу адаптации к аудитории.

Реагируя на такого рода искажения многие евангельские и реформатские проповедники весьма негативно относятся к любым разговорам о том, чтобы быть ориентированными на получателей или адаптировать свою коммуникацию к потребностям и системе взглядов неверующих.

Конечно, послание должно быть центральным, а содержание – библейским, но мы должны изменить способ его представления в зависимости от нашей аудитории. Это адаптация к аудитории в лучшем виде.

В сути контекстуальной проповеди заложен **постоянный пересмотр ее формы**. Тот факт, что библейский текст имеет решающее значение для формирования послания, не означает, что все проповеди по конкретным стихам всегда должны иметь одинаковую форму. Помимо творческой свободы, которую предлагает текст, контекст также неоднократно требует ответственного изменения формы в рамках текущих коммуникативных стратегий. Форма никогда не может стать целью сама по себе, но *всегда должна служить цели понятности проповеди*. При подготовке проповеди методика никогда не может господствовать над текстом, и коммуникационные стратегии никогда не могут иметь приоритет над работой с текстом и нахождением под его влиянием. Вы не можете пытаться оживить Библию журналистским способом, чтобы сделать ее более актуальной и интересной. Тем не менее, здесь мы входим в сферу, который все еще можно развивать.

Такая открытость для коммуникативной среды не является чем-то новым. Августин, например, многое, опасно многое, заимствовал из риторических стратегий Цицерона. Тем не менее, он неоднократно адаптировал их к теологии и к своим современникам (возможно, его наиболее известное отношение к проповеди как *«docere, delectare u movere: учение, восхищение и убеждение»* (Ден Дулк (Den Dulk), 1999:15 и далее).

Реальность такова: мы живем во времена, когда общение происходит радикально иными способами, чем 10 или 20 лет назад. Это эпоха компьютера, Youtube, Twitter, Zoom, Whastapp... В течение следующих нескольких лет произойдет беспрецедентный взрыв в области информационных технологий. Проповедь не может не воплощаться в сегодняшний мир, чтобы тот наслаждался ее плодами. Современные богословы-гомилетики находятся под глубоким впечатлением от этого и намеренно адаптируют для своей проповеди передовые коммуникативно-научные и риторические стратегии. Баттрик (Buttrick) в качестве аналогии с тем, как мы наблюдаем (в том числе на неврологическом уровне), использует камеру, то есть когда мы видим картинку. Это имеет гораздо больший эффект, чем простая интернализация стерильной информации. Юджин Лоури (Eugene Lowry 1980:76 и далее) работает техническими приемами, которые были представлены в мире театра (*Entfremdungstechnik*), не позволяя странному, парадоксальному библейскому посланию сливаться с привычными стилями проповеди, а, наоборот, развивая его удивительный элемент до конца, в том числе в форме, на основе коммуникационно-научной контекстуализации.

Речь идет, в первую очередь, о **герменевтических навыках** проповедника и прихожан. Если вы принципиально не мыслите герменевтически, то не можете контекстуализировать. Проповедь во многом зависит от того, как проповедник помещает себя в так называемый *«герменевтический круг»*

или в диалог между *текстом и контекстом*, и, в конечном счете, в *беседу между ним, собранием и Богом*. Ранее я называл этот диалог «напряжением» (как тетива лука). В определенном смысле оно никогда не может быть ослаблено. Теология, которая не работает с парадоксами, бессильна. Если вы слишком рано сгладите связь между текстом и контекстом, это уменьшит бурление творчества. Это не означает, что само Слово не обладает способностью проникать и изменять конкретный контекст. *К счастью, не все зависит от герменевтического блеска проповедника*. В конце концов, Писание как таковое никогда не ограничено временем и, как обоюдоострый меч, никогда не затупляется временными ограничениями. Поэтому, в определенном смысле, это **ложное противоречие**, когда проповедники спрашивают: должны ли мы начинать с текста или с современной ситуации? *Еще задолго до этого Бог находится в каждой ситуации, через текст в том числе. В этом смысле нет никакого напряжения, полюсы были соединены мостом; Христос воплотился, и Святой Дух был излит.*

Тем не менее, у проповедников есть герменевтическое призвание, **обязанность служить диалогу между текстом и контекстом**, указывать собранию на пришествие Бога и Его присутствие в реальности (Сильерс 1998). Это люди, которые постоянно позволяют вопросам текста и контекста настраиваться друг на друга, потому что Святой Дух – великий Настройщик. Без этой настройки текст и контекст, возможно, останутся глухими друг к другу. Когда герменевтика не совпадает – когда текст и контекст не совпадают – тогда результатом в основном является ложное пророчество. Проповедники часто неверно истолковывают свое время. Их пророчество не вовремя. Их герменевтический расчет времени неверен. О, они вполне могут *провозглашать правильные, вечные истины, но несвоевременно и, следовательно, ложно*. В устах лжепророка вчерашняя теология вырождается в сегодняшнюю идеологию. Карл Барт (1958:413) называет таких людей глупцами:

«Глупцы всегда приходят либо слишком рано, либо слишком поздно. Они спят, когда им следует бодрствовать, и бодрствуют, когда им следует спать. Они молчат, когда должны говорить, и говорят, когда лучше было бы промолчать. Они смеются, когда должны плакать, и плачут, когда могли бы смеяться. Они работают, когда должны молиться, и молятся, когда только работа может что-то изменить. Они рассматривают все в неподходящее время; говорят все не тем людям; делают все в неправильном направлении; всегда выбирают сложные, но несущественные вещи, в то время как требуются простые, но важные. В этом и заключается блеск глупости».

То, что требуется от нас в этот час, это мудрость. Ей мы можем научиться только на коленях общины, которая есть мать всех верующих (Кальвин).

5.2 Три герменевтические традиции проповедования

На мой взгляд, вышеназванные герменевтические навыки можно было бы понять и активно развивать в рамках трех герменевтических традиций, а именно **воплощения, переосмысления и преобразования** (Тругер (Troeger), 1999:93-95).

Воплощение: в свете воплощения Христа (Ин 1:14) мы, как проповедники, не можем не рассматривать каждый исторический период как чрезвычайно серьезный. Вспоминается Карл Барт с Библией в одной руке и газетой в другой. Мы не имеем права проповедовать людям, если не понимаем их или, по крайней мере, не хотим понять. Воплощение Христа подчеркивает Божий способ действия, Его приспособление к людям, Его примиряющий Дух в откровении, Его нисхождение в наше плотское существование, Его смирение до смерти (Флп. 2:6-8). Речь идет не о контекстуализме – полном некритическом отождествлении с людьми,

в том числе в их ошибках и грехах, – а о ситуативном действии Бога: Он остается творческим и созидательным в ходе истории для нас, с нами и в нас.

Переосмысление: Христос не только очень хорошо знал традиции Своего времени, но и постоянно релятивизировал и радикализировал их Своими словами и действиями (Мф. 5). Традиции – или исторические этапы – имеют сильные и слабые стороны, и, на мой взгляд, задача проповеди, в частности, состоит в том, чтобы постоянно переосмысливать дух времени в свете Царства Божьего, чтобы различать то, что действительно важно. Бог не только приспосабливается к людям; Его Евангелие также является камнем преткновения, скандалом, который противоречит тому, что приемлемо (1 Кор. 1:18-31).

Преобразование: как проповедники Евангелия, мы исходим из предположения, что реальность незакончена, неполна, открыта. Оно основывается на вере в воскресение Христа и излияние Святого Духа. История и реальность – это не бесконечное отражение от зеркала к зеркалу. Мы не блуждаем в лабиринте вечных подделок. Проповедь – это указание на надежду. В этом смысле проповедь является прелюдией к вечной жизни освобожденного творения с Богом. Поэтому проповедники Евангелия также должны релятивизировать реальность в свете *парусии* и бороться *воплощенно* и с *переосмыслением* реальности *в надежде на окончательное преобразование*. Те, кто ожидают Второе пришествие, проповедуют о том, что есть, и о том, что придет, зная, что мы еще не там. Но, поскольку мы также уже участвуем в этом действии – через воскресение Христа и излияние Святого Духа – это наполняет нас невыразимой радостью.

Целью коммуникации должно быть *изменение*, а не выступление или ритуал (2 Кор. 4:5). Реальная цель проповедника будет очевидна аудитории, и эта цель может увлечь коммуникацию в свою сторону, независимо от того, как говорящий заявляет о ней.

Для любой коммуникации существует, по крайней мере, **четыре возможные цели**, которые заключаются:

- в изменении слушателей *ради них самих* (истинный проповедник);
- в изменении слушателей *в угоду оратору* (манипулятор);
- в исполнении, а именно *получении похвал* за свое мастерство (исполнитель);
- *в ритуале*, а именно, поддержании ситуации (традиционалист).

Очевидно, что проповедь должна быть направлена на то, чтобы изменить слушателей ради их же блага. Когда люди начнут жить в почтении к Богу, они станут счастливее, более удовлетворенными, ощутив мир и целостность. Проповедь должна побуждать слушателей наслаждаться покоем, здоровьем и гармонией, которые приходят *от жизни в Царстве Христа*.

Но проповедникам нужно быть осторожными, чтобы не пытаться манипулировать своими слушателями для достижения своих задач. Кафедра никогда не должна использоваться для продвижения личных целей служителя. Вот почему проповедники *«говорят там, где говорит Библия, и молчат там, где Библия молчит»*.

Если целью выступающего является его собственное исполнение, то он посылает следующее послание: «Послушайте меня. Посмотрите, насколько я способный и насколько достоин вашего уважения». Проблема в том, что каждому проповеднику необходимо вызвать доверие, но это не должно быть главной целью, иначе послание уйдет на второй план. Другими словами, аудитория поймет, что говорящий на самом деле не беспокоится о ней.

Ритуальная коммуникация – это стилизованная форма общения, которая способствует чувству безопасности и принадлежности. Она укрепляет группу людей или человека. Слова передают не столько содержание, сколько чувство подкрепления. Например, «Как дела?» в качестве приветствия – это стилизованное

общение. Но когда врач в больнице задает тот же самый вопрос, он не стилизован и требует конкретного ответа. Если в ситуации приветствия слушатель долго описывает свое физическое состояние, он, как правило, неправильно понял отправителя. Ритуал может стать главной целью проповеди. В этом случае послание звучит так: «Мы собрались здесь с единомышленниками, чтобы поделиться этой презентацией друг с другом как символом нашей общей приверженности друг другу, Богу и этой организации».

6. Каков ваш контекст?

Теперь рассмотрим, как выглядит (более широкий) контекст, в котором происходит проповедование; каков фон, на котором мы должны провозглашать Слово воплощено, переосмыслить реальность и с надеждой проповедовать о трансформации.

ЗАДАНИЕ. Подумайте над следующими вопросами:

- Как бы вы описали общество, в котором живете?
- Какова его идентичность?
- Важны ли основные ценности?
- Какова ситуация с бедностью, коррупцией и преступностью?
- Каково состояние демократии и экономики?
- Это «кровоточащее» общество?
- Как пандемия повлияла на образ жизни?
- Сколько людей остались без работы?
- Как военные события повлияли на общество и церковь?
- Что пишут о нас газеты и интернет-сайты?
- Как эти элементы влияют на нашу самооценку и идентичность нашей нации?
- Как современные технологии влияют на нас?

Рассматривая статистику, не следует забывать, что она имеет дело не только с цифрами на бумаге, но с людьми: с лицами, именами и семьями. Людьми, чья история страданий вряд ли

может быть выражена в процентах или обработана. Именно здесь церковь (мы) призвана менять ситуацию, провозглашать Евангелие, благую весть об искуплении от греха во всех его искусовых формах.

Возникает следующий вопрос: **как церковь (и служители) должна реагировать на свой контекст?** Есть, по крайней мере, два способа. Во-первых, и я знаю, что это не популярно, провозглашая о грехе так, чтобы он вел к истинному признанию вины и покаянию, а во-вторых, проповедуя заповедь любви к ближнему, чтобы она вела к послушанию и освящению всей действительности.

6.1 Проповедь греха и покаяния

Закон и Евангелие остаются средствами в руках Бога, которые Он использует по Своему усмотрению, в том числе и для того, чтобы **пробудить наше осознание греха**. Однако мы, как проповедники, должны по-настоящему понять одну вещь: мы никоим образом не можем вызвать осознание греха в людях или манипулировать им. Эмоциональные заявления и реакции не обязательно являются истинным покаянием. *Только Святой Дух обличает человека в грехе, праведности и суде* (Ин. 16:8). Естественно, люди будут по-разному реагировать на эту работу Духа.

Как бы человек ни реагировал, результатом глубокого понимания греха будет трансформация отношения и поведения, и не только временно, но и постоянно. Те, кто осознает свой грех, вызывают о милосердии, о преображении, и этот призыв становится образом жизни. Это гораздо больше, чем просто разовая и поверхностная эмоция раскаяния, скорее ежедневное покаяние (Лютер).

Если мы хотим увидеть подлинные преобразования в обществе, то мы должны проповедовать полное значение закона в его основной функции. Это непростой путь. Слово «грех» никогда не было популярным. Но это реальность, которая универсально влияет на все наши поступки, делает нас виноватыми перед Богом и друг перед другом. Грех имеет власть над нашим

существованием, которую мы по большей части даже не осознаем. Да, мы еще не до конца понимаем, насколько тяжел груз нашего греха (Ансельм).

Поэтому есть место для проповеди истинного суда как формы проповеди закона, при условии, что она понимается в ее теологических рамках. Проповедь осуждения, основанная только на жесткой схеме закона и Евангелия (прежде «сделать» грешниками, затем «преобразовать» в искупленных), или просто выражающая критику, без Божьего суда, приносит больше вреда, чем пользы. Она только усиливает наше моралистическое заблуждение о возможности самовосстановления.

Грех приводит к тому, что мы хотим изгнать Бога из нашей жизни, устранить Его, и в своей гордыне стать богом. Эта тенденция желания воссесть на Божий престол заложена в нашей глубочайшей сущности, в наших фибрах души, в нашей крови. Поэтому проповедь о законе не только раскрывает факт греха, но и его ужасную силу. И проповедник закона не может не вызывать в процессе проповедования реакцию *«теа culpa, теа maxima culpa»* («моя вина, моя величайшая вина»).

Нужно понять одно: если мы хотим проповедовать этику, которая может привести к истинному преобразованию, тогда мы не избежим этого фундаментального шага – *провозглашения греха и признания вины*. Мы можем проповедовать о грехе не только поверхностно, но и исходя из его глубочайшей теологической подоплеки и знания того, что каждое слово, которое слетает с наших губ, нечисто по своей природе, и что мы живем среди людей, каждое слово которых нечисто (Ис. 6:5).

Наше призвание как проповедников состоит в том, чтобы до мозга костей разобраться в человеческой ситуации и помнить, что обоюдоострый меч Писания сначала рассекает нас. Мы не можем просто стоять за кафедрой с психологическим, социологическим или экзистенциально-философским анализом человеческого существования, каким бы важным и необходимым оно ни было: нам

придется перейти к существованию людей перед Богом («корам Део»). Кроме того, в проповеди мы будем фокусироваться не только на отдельном человеке в его (ее) внутреннем религиозном опыте, но и на его (ее) отношении к *современным властям, институтам и структурам общества* и проявлениям греха во всех этих сферах.

Еще один фактор, о котором мы, как церковные люди, а также как официальные служители, должны думать, это то, что проповедь закона должна быть направлена не только на неверующих. ***Верующих (особенно!) необходимо постоянно приводить ко Христу в свете закона.*** В конце концов, вся наша жизнь – это покаяние, что не означает, что мы упускаем радость искупления, а скорее то, что она остается глубокой и искренней. Мы можем неоднократно переживать, как *одновременно оправданный и грешник* («*simul justus et peccator*»), что наш отчаянный возглас «Несчастный я человек! Кто бы избавил меня от этого тела смерти?» приведет к благодарению Богу – через Иисуса Христа, Господа нашего. (Рим. 7:24, 25).

Признание своей вины остается одним из самых обнадеживающих действий, которое может сделать человек. В конце концов, это знак того, что мы достигли предела своих возможностей и начали видеть проблеск Божьей милости. Исповедовать свою вину перед Богом, но также честно друг перед другом и молиться друг за друга – в этом наше нравственное здоровье (Иак. 5:16). В этом заложено семя нашей надежды, рождение нового мира... Признание вины – это не крик в пустоту, а послание к милосердному Богу, мольба о том, чтобы Он Сам, на основании Своей любви, снова начал с нами заново: «*Kyrie, eleison...*» («*Помилуй нас, Господи, помилуй нас...*» (Пс. 122:3).

6.2 Проповедь освящения жизни

Люди, спасенные от греха, не могут не ответить благодарностью. Это делает их заметно другими – искупленными и благодарными грешниками. Христианская мораль (благодарность) уникальна: она четко отличается от обычной гражданской

морали, хотя, естественно, и в чем-то совпадает с ней. В чем же заключается особенность христианской морали?

На мой взгляд, здесь речь идет об *освящении конкретной и повседневной жизни*, а не о «духовном» возвышении над жизнью или просто интроспективном проникновении во внутреннее состояние человеческой души. Можно заметить своего рода правило: когда фокус на *внутреннем* состоянии человека делается моралистическим образом, тогда происходит отход от *внешнего*, от конкретной, повседневной реальности.

Освящение, в реформатском смысле, напротив, имеет дело с **освящением всей жизни**. Оно не переносит нас в сверхъестественное, но оставляет на земле, которую действия Бога освятили в творении и воссоздании. Да, Божья милость спасает нас от греха, а не от естества (как Его творения), и, следовательно, не от повседневной жизни. Она, скорее, привязывает нас к ней. *«Перед Богом нет жизни, которая не стоила бы того, чтобы жить. Для Бога, в конце концов, сама жизнь имеет огромную ценность»* (Бонхеффер (Bonhoeffer)).

Христос учит нас этому, в частности, в молитве «Отче наш»: Отец заинтересован даже в нашем хлебе насущном, для Него нет мелочей.

Силлевис-Смит (Sillevis-Smit) прекрасно пишет об этом:

«Иисус говорит: возьми на себя смелость пойти к Небесному Отцу со своей тарелкой еды. И этим Господь подразумевает: нет ничего, что вы не могли бы отнести своему Небесному Отцу. Попросите у Бога обувь и одежду. Попросите у Него дом и мебель. Иди к Нему со своей работой и своим отпуском. Расскажите Ему о своей потребности в любви, о своем желании жениться, о своей тоске по ребенку, покажите Ему свою боль и тревогу. Покажите Ему свою пустую сумочку и пустую кладовку. Поговорите с Ним о высоких ценах и трудной работе, которую вы не можете выполнить...»

Бог – это не далекий и странный Бог, восседающий высоко на Своем небесном престоле. Бог – это близкий Бог, Который живет с нами и Который хочет удовлетворить все наши потребности. Нет такой жажды, которую Он не хотел бы утолить. Нет такого голода, который Он не мог бы утолить.

Этой молитвой Иисус приводит Бога в наши дома, в нашу гостиную; Он приводит Бога в наш офис, на фабрику, на поле, где мы работаем. У нас нет воскресной веры. Наш Бог есть Господь каждого дня и повседневной жизни. Он не только Бог церкви или внутренней комнаты, но и Бог на улице, в центре движения, в казармах и на корабле, в доме и в поле, на фабрике и на рынке.

Однако те, кто ежедневно получает свой хлеб из рук Божьих, также учатся особой открытости по отношению к голодающим. Вряд ли можно просить: “Дай нам сегодня хлеб наш насущный” – и жадно держать его только на собственном столе. Поскольку наше имущество не принадлежит нам, и поскольку мы знаем, что Отец будет заботиться о нас, мы должны открыть свои руки, чтобы давать другим. Хлеб на нашей тарелке “принадлежит” также и нашему соседу. Те, кто молится: “Дай нам...”, действительно должны давать и другим».

Мартин Лютер сказал:

«Мы воры и разбойники, если мы так цепляемся за свой собственный хлеб, что говорим нищему: я работал за хлеб в своем доме. Ты должен позаботиться о себе сам. Если я не накормлю этого нуждающегося человека, то мои товары станут украденными и ограбленными предметами, хотя они не были ограблены или украдены. Таким образом, я становлюсь вором из-за своего собственного имущества, потому что я никому не служу с ним. Есть два типа грабителей: те, кто ворует... и те, кто использует свое имущество, как воры».

Молитва о хлебе действительно стала чрезвычайно необходимой в нашем мире с его голодом и миллионами недоедающих людей, особенно детей. Поэтому то, что мы «имеем», что мы получили от Бога, должно легко покидать наши руки. Поэтому мы должны научиться определенной трезвости, трезвости, которая, по крайней мере, готова отказаться от роскоши и, если необходимо, не только от нее. На самом деле, эта трезвость в молитве поражает нас: речь идет о порции хлеба на сегодня, не больше и не меньше. То, что Бог дает свыше того, является поводом для благодарности Ему и служения другим.

Поэтому нельзя думать, что в церкви хорошие люди, а вне нее – плохие. Внешний мир не обязательно является злом, а дети Господа внутри общины не безгрешны. На самом деле, единственная разница между церковью и миром состоит в том, что она осознает свое безбожие, а мир – нет (Барт). Церковь никоим образом не может возвыситься над миром или пытаться убежать от него.

В этом была основная вина фарисеев. В рамках закона они стояли против благодати и выше остальных грешников. Фарисеи хотели, чтобы их видели – карикатура на то, что они должны были светить, как огни в темноте. По сути, фарисейство – это не что иное, как маскарад против Бога и Его благодати, потому что разорвана связь закона с Богом и Его благодатью и теперь закон применяется как безжалостная трость против тех, кто не соответствуют стандартам.

Фарисейство не древнее явление. Напротив, очень современное, особенно в церкви. И оно гораздо опаснее, чем другие проступки, именно потому, что много знает о Божьей благодати, но неправильно понимает ее как фазу, которая (постепенно) остается позади: мы получили благодать, но теперь все дальнейшее зависит от нас. Воистину, хотеть быть другим на этой основе – это значит на много световых лет удалиться от библейского видения церкви как *другой*...

В чем же заключается отличие церкви? В нем всегда есть какое-то напряжение. Это, например, очевидно, когда Павел пишет: *«Итак, если вы были воскрешены со Христом, то стремитесь к небесному, туда, где Христос сидит по правую руку от Бога.. Обращайте ваши мысли к небесному, а не к земному»*. (Кол. 3:1, 2). Это заявление является не только яркой идеей философии апостола, но и самой структуры Евангелия. Слова «итак, если вы были...» относится к тому, что Бог уже сделал, к завершенным спасительным фактам, к Его великим деяниям во Христе – от нашего лица. И только после этого Павел перечисляет последствия этого, как и в других своих письмах, – не для самоконтроля, а для выражения благодарности и посвящения.

Например: *«Вы умерли для этого мира, и ваша жизнь сокрыта вместе со Христом в Боге... Итак, если вы были воскрешены со Христом...»* (Кол. 3:3, 1). *«И Бог воскресил нас вместе со Христом и посадил нас, объединившихся во Христе Иисусе, в небесах»* (Еф. 2:6). *«Ваша жизнь – Христос, и когда Он будет явлен миру, тогда и вы будете явлены вместе с Ним в славе»* (Кол. 3:4). *«А кого Бог предопределил, тех Он и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил»* (Рим. 8:30).

Все уже сделано! Это уже история! В прошедшем времени! Поэтому... мы стремимся и направляем себя выше! Можно почувствовать напряжение в тексте, которое является частью нашей жизни веры от начала до конца, которое все еще сопровождает наше спасение. Это напряжением между тем, что уже есть, и тем, чего еще нет. У нас уже все есть... Однако еще нет! Павел описывает это так: *«Не то, чтобы я уже приобрел это или уже стал совершенным, но я стремлюсь приобрести, потому что меня приобрел Христос Иисус»* (Флп. 3:12).

Лжеучители в Колоссах пытались избежать подобного состояния, придавая чрезмерное значение *повседневным законническим правилам*. Однако можно было бы попробовать разрядить это напряжение, двигаясь в противоположную

сторону, что тоже ошибочно: стараться быть более духовным, чем Евангелие, избегая обыденного, то есть мира. Как отшельник, живущий в маленьком домике, построенном на деревянном сооружении в нескольких метрах над землей, в котором он прожил много лет, получая провизию с помощью подвесной корзины. Мужчина никого не видел и позаботился о том, чтобы его никто никогда не видел. Витая в облаках, он думал, что станет более святым, чем живущие на земле.

Когда Павел говорит колоссянам: *«Обращайте ваши мысли к небесному, а не к земному»* (Кол. 3:2), он, очевидно, не имеет в виду, что человек должен отречься от мира. Ведь после этого призыва апостол начинает подробно обсуждать конкретные, можно сказать, обыденные отношения: между мужем и женой, родителями и детьми, рабами и владельцами (Кол. 3:18-4:1).

Павел опровергает еретических учителей: *невозможно попасть на небеса, сосредоточившись на земле; Евангелие восстанавливает землю, сосредоточившись на небесах.*

В конце концов, Христос стал человеком, а не ангелом или духом. Он спасает нас, чтобы мы стали истинными людьми, то есть христианами. Мы никогда не должны пытаться быть более духовными, чем Иисус. Своим воплощением Он подчеркнул ценность того, чтобы быть человеком. Своим приходом на землю Он признал ценность мира.

Стоит еще и еще раз повторить: ***Евангелие не удаляет нас от наших каждодневных дел, а скорее наполняет их новым смыслом.*** По словам Лютера:

«Служанка, подметающая свою кухню, исполняет волю Божью в той же мере, что и монах, который молится, – не потому, что она поет христианскую песню, когда подметает, а потому, что Бог любит чистые полы. Христианский сапожник выполняет свой христианский долг не тем, что ставит маленькие крестики на свои ботинки, а тем, что он делает хорошую обувь, потому что Богу нравится хорошее мастерство».

Мы призваны следовать за Христом в своем конкретном существовании каждый день. Однако это следование не является подражанием Христу. Мы просто не можем копировать Его естественную жизнь, не можем повторить Его как во внешних делах, так и во внутреннем состоянии. И это не попытка исполнить закон и достичь нравственного идеала. ***Следовать за Христом – значит жить в отношениях с Ним, через Святого Духа, в конкретной реальности.***

Иначе говоря, это не просто стремление к какому-то далекому эталону, а образ жизни, основанный на присутствии живого Христа здесь и сейчас. Это жизнь в послушании, по благодати – в повседневных мелочах. Следовать за Христом, то есть идти по Его следам, не означает применять ряд религиозных действий, направленных на нас самих, но спокойно смотреть в лицо земной рутине и жить в присутствии Христа в этой земной рутине, чтобы Бог мог быть почитаем во всем.

Но освящение жизни и следование Христу выражается не только в *мелочах жизни*, но и в *большей целостности общества*. В конце концов, каждый миллиметр нашей реальности принадлежит Господу. В свете Его воскресения и излияния Святого Духа заповедь о жизни, всей жизни, становится радикальной и универсальной. Поэтому последователи Христа не могут смириться с деградацией человечества.

Напротив, тех, кто пережили искупление от греха, затрагивают страдания ближних, а также зло в обществе. Те, кто вкусили Евангелие, не могут не бороться с насилием, воровством, обманом.

Почему мы должны говорить и о нравственных проблемах в проповеди? Потому что Евангелие учит, что Бог любит Свое творение. В этом заключается сущность и смысл всех наших положительных действий. Если бы мы спросили, как говорить об этике в контексте нашего общества, ответ был бы кратким: *проповедуя заповедь любви*. В конечном счете, не гуманистическая или социальная программа спасет общество от дегуманизации, а провозглашение и применение заповеди любви церковью.

Это может показаться слишком простым, и это действительно так. Сегодня повеление Господа для нашего общества очень понятно, более того, кристально ясно: *«Иди и ты поступи так же»* (Лк. 10:37). Однако у нас есть тенденция, особенно в религии, превращать простые слова в сложную теорию, в вопрос, за которым можно удобно спрятаться от заповеди о послушании: *«А кто мой ближний?»* (Лк. 10:29).

Христос смотрит сквозь эту попытку, разоблачая ее как искусный способ увливания, бегство в абстракции и теоретизирование. С долей юмора и самопознания Роберт Браун (Robert Brown), 1984:107) пишет об этом:

«Задавая вопрос таким образом, юрист возвращает дискуссию на безопасную территорию. Обсуждение не обязательно должно включать в себя то, чтобы быть ближним, а только определение ближнего... Это та область, в которой юристы преуспевают.

Давайте исследуем внутренние размышления юриста: если дискуссия окажется плодотворной, возможно, можно будет организовать симпозиум по такой теме, как «Концепция добрососедства», и прийти к действительно всеобъемлющему определению... Может быть написана серия статей: «Стоическая концепция добрососедства», «Добрососедство в недавней художественной литературе на Ближнем Востоке (очень короткая статья), «Культурные последствия добрососедства для улучшения торговых отношений с Грецией», «Добрососедство: взгляд женщины» (написано мужчиной для поддержания желаемой объективности) и, наконец, используя местный рынок кандидатских диссертаций «Добрососедство, как его видят представители класса рабов, представляет собой серию интервью, проведенных на Александрийском рынке рабов с целью получения современных данных о соотношении удовлетворенности/неудовлетворенности». Статьи (юрист продолжает размышлять) могли

бы быть опубликованы, возможно, отредактированы самим юристом, и авторы могли бы добавить этот том в свой список публикаций, чтобы гарантировать, что именно они получают академическую должность, а не их ближние».

Но для нас выбора нет. Евангелие ясно говорит об этом: будьте ближними другим. На самом деле церковь существует от имени ближнего. Поэтому в нашем освящении мы не можем продолжать кружиться, как мотылек вокруг свечи нашего собственного внутреннего опыта, своих способностей или страданий от своих недостатков: у нас просто не останется времени или энергии любить наших ближних и таким образом исполнять закон Божий.

Иначе говоря: *мы не можем быть настолько заняты собой, настолько влюблены в себя, что больше не любим своих ближних...*

7. Внеконтекстная проповедь: человек в центре

«Нет праведного, нет ни одного! Никто не понимает и никто не ищет Бога» (Рим. 3:10, 11).

7.1 Облагораживание религиозного человека

В таких проповедях *святые, образцовые характеры и моральные нормы, с которыми люди должны соизмерять себя и к которым они должны стремиться, становятся на место Христа*. На самом деле, Он не слишком нужен, кроме как в качестве небольшой поддержки и помощи в реализации их потенциала. Само Евангелие неправильно понимается как призыв к нравственному совершенствованию – улучшению, которое могут осуществить сами люди, используя резервы своих религиозных возможностей. Часто представленные стандарты, которым нужно соответствовать, являются не чем иным, как современной гражданской моралью или, если она выродилась, стремлениями к ней и представлениями о ней. Тогда

цель проповеди состоит всего лишь в том, чтобы люди стали достойными гражданами общества, гражданами с элементарной и средней искренностью.

Можно было бы сказать: *законнические проповеди имеют целью помочь уже религиозным людям стать еще более религиозными, способствовать их облагораживанию*. Проповедники ошибочно предполагают, что люди способны повиноваться закону Божьему, если действительно хотят этого и достаточно стараются. Однако правда в том, что мы не можем, даже если бы захотели!

То, что нам нужно, – это не просто хорошие, милые граждане, хотя это, конечно, было бы неплохо! Дело в том, что эти хорошие, милые люди не останутся такими в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Для этого грех слишком глубоко укоренился в нас. И именно поэтому нам нужны не программы нравственного воспитания, а Евангелие.

Неспособность оценить реальность греха в основном не является преднамеренной, а скорее бессознательной. Это так легко проскальзывает в наши проповеди. Немного поменяли местами пункты – и тем самым убрали утешение Евангелия. Например, комментируя притчу о талантах (Мф. 25:14-30), проповедник говорит: *«Как Тот, Кто пришел служить людям, помогая им исправить свои отношения с Богом и жить освобожденными от власти греха, они также должны служить своим ближним»*. Иисус становится средством усиления людей для христианской деятельности и должен помочь им (и дальше) избавиться от власти греха. Мы освобождаем себя (чтобы достичь правильных отношений с Богом), и тогда сами становимся слугами своих ближних.

Когда, размышляя над 13 главой Первого послания Павла к коринфянам, проповедник заявляет: *«Мы создания любви, наша основная природа – это любящая природа»*, то это попытка указать на нашу изначальную конституцию при творении. Однако роковая ошибка состоит в том, что затем, исходя из этой мысли, говорящий призывает слушателей жить в соответствии с ней, как будто никакого грехопадения не произошло!

В таком случае данная глава становится законом, который должен вернуть меня к моей изначальной сути, а не заповедью, по которой я, как спасенный человек, могу жить в благодарности. Поэтому в подобной проповеди совершенно логичны следующие высказывания: *«Каждый день я должен оценивать прошлое с точки зрения моего христианского призвания, особенно в том, что касается призвания любви, и улучшать свою жизнь в соответствии с волей Иисуса. Это непросто. Давайте попробуем сегодня вечером начать это обращение в нашей жизни, чтобы завтрашний день мог быть более прекрасным дома и на работе»*. Обновление превращается в улучшение, а Божья благодать – в наши попытки. Именно мы начинаем обращение в своей жизни, а не Бог.

Или искаженное послание, которое, по иронии судьбы, призвано указать на серьезность греха: *«Избавьтесь от всех причинных факторов, которые заставляют вас падать, и позвольте Святому Духу указать на место, вызывающее кризис. Уничтожьте эту часть своей жизни – распните ее»*.

Здесь тот, кто берет и сохраняет инициативу, является никем иным, как человеком, который делает все, что может сделать только Святой Дух и Христос; который позволяет Богу действовать; который искореняет грех... Спасительная работа Христа, Распятого, в принципе не нужна.

Поверхностное рассмотрение Писания

Это хорошо иллюстрирует проповедь, посвященная известной притче о блудном сыне (Лк. 15:11-32), в которой проповедник говорит о старшем брате, формулируя его проблему так: *«...трагедия заключалась в том, что у него был великий отец, но сам он не стал великим»*.

Это дает указание на герменевтическую цель – подвести слушателей к тому, что они могут стать великими.

Проповедь продолжается: *«Младший брат погряз в беззаконии, но старший брат устал от добрых дел, и просто потерял*

свежесть своей христианской жизни. Он каким-то образом обнаружил, что его радость как христианина померкла. Но наш Господь признает, что за всем этим стоит простая искренность, которая поддерживала этого человека на протяжении всей его жизни».

Старший брат (образ фарисеев) становится прототипом верующего, который (больше) не соответствует стандартам. Его единственный грех – это вялость. По своей сути он хороший человек, хотя и далек от совершенства, но с «простой искренностью». Он был просто «усталым».

Далее проповедник перечисляет, что Господь готов сделать, чтобы решить данную проблему: «... *Тот, Кто так охотно дал бы...*». Но это не может произойти, пока человек со своей добродетелью не стряхнет с себя усталость и не вернется из «*далекой страны разочарований, утомленности и бессмысленности*». Такой человек не нуждается в искуплении. Своими действиями он снова приводит все в порядок, и то, что принадлежит Отцу, снова становится его собственностью.

Заканчивая богослужение, проповедник молится: «*Благодарю Тебя, Отец, что, когда наши сердца разбиты и сокрушены... все, что у Тебя есть, принадлежит нам*». Библейский текст, на самом деле, не говорит об этом. Сердце старшего брата, насколько нам известно, не было разбито. Но, что более важно: сокрушенность его сердца также не была предварительным условием для того, чтобы отец мог сказать: «...*все, что у меня есть, – все твое*» (Лк. 15:31).

Аннулирование глубины греховности

Проповедь, построенную на отрывке из Послания Павла к ефесянам (Еф. 4:11-16) проповедник начинает с понятного всем примера:

«*Врожденная природа орла – быть свободным: благодаря своим огромным крыльями он может долго парить в воздухе. Помещенный же в клетку, он принимает “другую природу”,*

а именно ту, которая приспосабливается к жизни в неволе. Если, например, оставить решетку открытой, часто случается, что такой орел не улетает, а остается в заточении. Его другая природа (образ нашей греховной натуры) мешает ему жить в соответствии с его естеством.

Но эта метафора теологически подозрительна. Наша врожденная природа на самом деле является греховной, не так ли? У нас нет естественного состояния, к которому мы должны или можем вернуться, чтобы снова стать «нормальными». То есть проповедник говорит: *«Мы родились людьми и имеем греховную природу...»* но, по-видимому, подразумевает, что мы должны отказаться от нее, чтобы снова принять нашу настоящую сущность. Как мы это сделаем? Точно так же, как это сделал орел!

«Прошло много времени, прежде чем однажды орлы пролетали над домом, где находился пойманный орел, и когда он услышал их крики, то понял: именно таким я должен быть – и только тогда вылетел из своего плена».

Проповедник признает, что это был нелегкий процесс. Орлу потребовалось много времени, чтобы вновь обрести свободу. Но суть в том, что он все-таки освободился.

«Мы ничем от него не отличаемся», – говорит оратор. Сейчас у нас греховная природа, но у нас есть возможность вернуться к нашим истокам, к нашей врожденной природе, которая, по сути, невинна. Этот процесс возвращения проповедник описывает следующим образом: *«Когда мы приходим к Господу, происходит нечто чудесное. Он уже сделал нас новыми. Но, знаете ли вы, что мы все еще порой должны учиться вырываться из этой ненавистной клетки, чтобы становиться тем, кем мы являемся в Господе».*

Именно человек ломает прутья решетки... Условная конструкция *«если мы... то»* означает: что-то чудесное не может произойти, пока человек не позволит этому произойти. Он сам должен выйти (из клетки) к Господу, должен *«научиться*

вырываться», но даже не всегда, а «порой». Поэтому вполне логично, что далее проповедь сильно нагружена тем, что Господь желает сделать, и тем, что слушатели должны сделать, чтобы быть совершенными, как Христос (Еф. 4:13).

Так нарушенная концепция греха (гамартология) в начале проповеди приводит к потере концепции спасения (сотериологии) в конце.

7.2 Движение к интрапсихическому

Существенной тенденцией проповедей с антропоцентрическим взглядом является *их движение от библейского текста к внутренней жизни человека*. Часто даются зарисовки чувств библейских персонажей – в основном с хорошей долей вклада проповедника в текст! Это делается с конкретной целью вызвать у слушателей схожие эмоции или, если это негативный пример, то удержать слушателей от подобного. Как бы то ни было, фокус проповеди остается запертым в пространстве интрапсихического.

Например, показательно, что, говоря о Павле (Деян. 1:8, Рим. 1:8-17), проповедник опускается в глубины человеческой психики. На самом деле он практикует то, что мы могли бы назвать теологией самого глубокого благочестия. Все глубоко... или глубже – почти как в мистицизме средневековья. Таким образом, мы неоднократно слышим об апостоле, проповеднике или слушателях, находящихся под «глубоким впечатлением», об их призывах к Богу «от сердца», их готовности в «духе» и в «расположении духа», их «глубочайших эмоциях и желаниях» и так далее. То, что оратор действительно хочет, чтобы его слушатели подражали внутреннему настрою Павла, очевидно из следующих предложений: «И тогда мы видим, что апостол был подготовлен в своем сердце. Его сердце было готово. В нем было глубокое желание... глубокая тоска. Это должно было случиться».

Увы, даже психология может стать самоподготовкой к спасению, способом, которым человек сам должен очистить свою душу. Чем лучше гигиена, тем вернее спасение. И наоборот...

Трагедия законнической проповеди заключается в том, что она часто берет вещи, которые сами по себе не являются неправильными, и использует их для служения самоправедности.

Например, *вера может быть преобразована в добрые дела, покой в Боге может стать источником оправдания, этическая деятельность, к которой люди призваны, может быть представлена как естественный потенциал*. Эти якобы невинные, изменения, которые законнически разделяют действия Бога и наши действия, обосновывают то, что не должны, что мыслимо только в динамичных отношениях между Богом и людьми.

7.3 Законничество и реальность

Там, где Бог взаимодействует с людьми, реальность, в которой они живут, радикально меняется – потому что Он радикально изменил ее и все еще занят этим, в том числе с помощью человека, с которым Он вступил в отношения. Поэтому практически во всех законнических проповедях наблюдается постоянная потеря реальности: они избегают настоящее. Казалось бы, должно быть наоборот, но нет, потому что в них не действуют по-настоящему преобразующие силы. *Бог не действует в законнических проповедях. Следовательно, они упускают реальность; они нереальны, то есть внеконтекстуальны.*

А проповедь в значительной степени, даже полностью, зависит от ее связи с реальностью. В этом заключается конкретность, актуальность проповеди: *она провозглашает Божьи деяния здесь и сейчас.*

Законнические проповеди переносят действия Бога либо в прошлое, либо в будущее, то есть не обращаются к конкретному человеку в его гендерном, социальном, экономическом, политическом, культурном, церковном контекстах в присутствии Бога, но остаются абстрактными и вневременными,

не имеющими отношения к Его миру, неверные миру. Они остаются особенно неверными Евангелию, потому что у него всегда есть определенный адрес, момент, кайрос, в котором оно работает, чтобы преобразовать реальность.

Цель проповеди – наше преображение, которое происходит на основе спасительного деяния Бога во Христе и посредством применения реальности спасения через Святого Духа в нас и для нас. Таким образом, это никак не является ответственностью людей, но остается Божьей работой, которая создает своих собственных слушателей, свое собственное послушание своим собственным требованиям посредством Его Слова.

Однако Бог включает людей в Свою преобразующую и обновляющую работу в мире. К ним приходит не только сила для трансформации, но и проявления этой трансформации. Бог спасает людей не для того, чтобы затем оставить их на произвол судьбы. Если закон (заповедь о жизни в послушании или *«tertius usus legis»*) провозглашается так, как должно, то есть в рамках Евангелия, то он предлагает наилучший способ экзистенциализации этого Евангелия. Или, другими словами, «в Духе закон возвращается в форме Евангелия» (Ван Рулер (Van Ruler), 1974:526).

В законнических проповедях эта существенная связь между законом и Евангелием разрывается, в результате чего с одной стороны, Евангелие одухотворяется (спиритуализируется), а с другой, закон – морализуется, как мы часто это видели. Следовательно, оба процесса способствуют проповеди чуждой реальности, то есть внеконтекстуальной.

7.4 Одухотворение (спиритуализация) Евангелия

Внеконтекстные проповеди содержат много примеров избегания реалий.

Вот размышления над отрывком из Послания Иакова (Иак. 4:13-15):

«Время ценно – просто спросите бизнесмена, сколько ему стоит час. И все же мы используем наше время так, как будто оно ничего не стоит. У времени нет будущего, а есть только прошлое, потому что у нас нет гарантии, что мы будем жить в следующий момент. Мы действительно можем оглянуться назад на то, что мы сделали с нашим временем. Оно похоже на одноразовые вещи. Вы пользуетесь ими только один раз, а затем они становятся непригодными для использования. Мы должны использовать время с мудростью. Оно должно использоваться не столько для удовлетворения временных потребностей, таких как еда, одежда, и других мирских интересах, таких как спорт и отдых, сколько для удовлетворения нужд, имеющих вечную ценность, таких как ваши отношения с Богом, чтение Библии, молитва, посещение церкви, помощь ближним или общение с супругом, детьми и другими родственниками.

Напрашивается вывод: временные вещи не имеют вечной ценности. Но почему же тогда Христос пришел в определенное время?

Это одухотворение Евангелия проявляется в той или иной форме практически во всех моралистических проповедях. Упрощенные решения не учитывают сложность реальности, в лучшем случае, воспринимая ее как взлетно-посадочную полосу для провозглашения «духовных» идей.

Соответствующие вопросы действительно поднимаются, но лишь как своего рода декорация, на фоне которой на сцену выводится «духовное» Писание. Они не решаются и не наполняются позитивным обещанием преобразующей силы Евангелия, а скорее рассматриваются как его противоположный полюс. Это неудачная актуализация.

Законническое усвоение часто сопровождается сужением этических аспектов библейских отрывков. Проповедники просто упускают захватывающие дух возможности, которые включены в текст.

Например, размышляя над стихом из **Первого послания Иоанна** (1 Ин. 3:18): *«Дети, давайте будем любить не только на словах, языком, но и на деле, истинной любовью»*, можно было бы ожидать, что логичным предметом обсуждения будет характер нашей любви. Однако проповедник предпочитает сделать акцент на прощении: *«Нет поступка, который так прекрасно доказывал бы любовь, как подлинное прощение»*. Оно важно, и библейски обосновано, этого нельзя отрицать. Но разве о нем говорится здесь? Разве контекст не касается нашего достатка и служения им друг другу? (1 Ин. 3:17.) Проповедник пропускает это и призывает слушателей спросить себя, достаточно ли прощения в их сердце.

Вот еще подобное упущение возможностей библейского отрывка в рассуждении **о чуде умножения хлеба** (Мф. 14:13-21). Проповедник берет фразу из текста *«Принесите все это ко Мне...»* и превращает чудо умножения хлеба в закон индивидуального обращения. И возникает моралистический подход: *«Если ты готов безоговорочно отдать Мне свою жизнь, тогда Я готов сделать из тебя что-то чудесное»*. Проповедник не очень понимает, что это чудо является признаком того, как Царство Божье приходит в этот мир — к людям, которых кормят так, что они (по-настоящему) больше не голодны. Он также не понимает призвания церкви устанавливать (такие) знамения Царства. Он скорее превращает это в индивидуалистический рецепт успеха с риторическим девизом, который звучит как рефрен в проповеди: *«Принесите все это ко Мне»: «Бог не позволяет, чтобы над Его истинными детьми насмехались. Сегодня Он также хочет вмешаться в вашу нужду. Возможно, ваши финансы плохи. Возможно, ваш брак неустойчив. Возможно, ваш бизнес разваливается. Возможно, ваши семейные отношения рушатся. Принесите все это ко Христу!»*

Как уже упоминалось, *основная отправная точка послания, а именно призыв — не к общей религиозной духовности,*

а к освящению всей жизни и общества, распадается в проповедях, подобных этим. Они не соответствуют масштабу Евангелия как Послания, преобразующего мир.

Как упоминалось ранее, **в большинстве моралистических проповедей отсутствует естественная жизнь и мир слушателей, а следовательно, и основная составляющая их повседневной реальности.** В эту реальность можно «войти» только одним способом, а именно с помощью суженного императива: *будь миссионером!* В шаблонной манере слушателей неоднократно призывают идти и свидетельствовать, по большей части устно: «*везде, где мы бываем, в школе, в университете, на работе, на улице, дома...*», «*выйти на улицу и радостно кричать так громко, как только можете: “Иисус Христос жив!”*».

Такие банальности часто звучат... и ничего. Это становится законом, законом, которому никто не может подчиняться, и это вызывает у человека депрессию веры каждое воскресенье. *Редко конкретно говорится о том, что верующий призван жить в повседневной реальности своего существования.* Гомилетическое движение к человеческой психике достигает реванша в том, что истинная реальность фактически остается за рамками большинства проповедей, даже самые животрепещущие события, освещаемые всеми средствами массовой информации! Вместо этого слушателей снова и снова, и неоднократно безуспешно, призывают к своего рода миссионерской деятельности, которая не только пренебрегает мирским, но и понимается исключительно в параметрах церковного религиозного служения. Что-то вроде разнообразных даров, а следовательно, и разнообразных призваний принципиально не рассматривается. Слушатели просто перегружены.

Истинное искупление креста ведет нас по пути креста в действительность, где рецепты не работают. Это подразумевает столкновение с реальностью ради реальности, столкновение,

которое может неоднократно принимать разные формы и в котором Бог неоднократно может по-новому раскрывать обетование Евангелия.

Ложные противоречия

Еще один риторический прием, который заслуживает особого упоминания в этой связи и, возможно, лучше всего иллюстрирует отрыв реальности от Бога посредством провозглашения одухотворенного Евангелия, – это использование *ложных противоречий*.

Когда проповедник заявляет: *«Каждую душу следует рассматривать как потенциального обитателя небес»*, то ссылается скорее на Платона, чем на Писание. В конце концов, Евангелие превращает нас в людей, *настоящих цельных людей*, а не в души или ангелов! Такие противоречия отдаляют и слушателей от реальности, неудивительно, что многие начинают думать, что Евангелие либо невыполнимо, либо предназначено для другой планеты или времени.

Это может быть даже жестко. Например: *«Дитя Господа ходит с улыбкой на лице, дитя Господа должно радоваться, потому что оно получило величайший дар из всех даров... На губах детей Господа всегда должна быть песня, потому что мы были освобождены, мы искупленные люди от грехов этого мира. Поэтому мы не можем не радоваться, не веселиться. Мы должны всегда петь»*.

Последнее «должны» является индикативом или императивом? Увы, императивом, который не только устанавливает недостижимые стандарты для прихожан, но и упускает большую часть библейского свидетельства о природе веры – просто подумайте о псалмах плача! Давид едва ли всегда мог улыбаться, или Павел, или мы. Такое требование нереально – также с библейской точки зрения – и поэтому невыполнимо.

ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ 3: «Может ли церковь преклонить колени?» (Ин. 13:1-17)

Однажды римско-католический священник по имени Пауш провел службу, которую будет помнить до самой смерти. Это было Святое Причастие, и на богослужении присутствовали мальчики, которые пришли из аббатства, примыкающего к церкви. Как обычно перед таинством, состоялась церемония омовения ног. Пауш пригласил детей сесть на кафедральные ступеньки и с небольшим тазиком воды в одной руке и полотенцем в другой начал мыть им ноги поочередно. Дойдя до последнего, он с удивлением заметил, что тот все еще в носках. Прежде чем священник успел что-либо сказать, мальчик настойчиво прошептал: «Отец, мои носки тоже грязные. Пожалуйста, помогите и их!»

Пауш решил, что сейчас не время спорить, и, поскольку он был не из тех, кого пугают грязные носки, то помыл их, как мог, одновременно с ногами, в тазу. Когда священник закончил, ребята заняли свои места – все, кроме последнего мальчика. Он выскользнул через заднюю дверь, оставляя за собой мокрые следы.

После службы Пауш его нашел в своей комнате, где он лежал, свернувшись калачиком на кровати, в мокрых носках, безудержно рыдая. Священник снял носки, вытер ему ноги и спросил мальчика, в чем дело. Плача, он ответил: *«Отец, я всегда боялся воды для омовения ног, потому что боюсь благодати Божьей, да и Самого Бога. Я никогда не хотел подпускать Его слишком близко к своему телу или позволять Ему забираться мне под кожу. Я думал, что мои носки удержат воду и Господа подальше, снаружи, – но этого не произошло. Когда вы мыли мои ноги, вода коснулась меня, и это было так откровенно, так разоблачающе, но все же так радостно, так освобождающе. Я плачу, да, но плачу от радости. Потому что, знаете, когда вы склонились и омыли мои ноги, я увидел Самого Господа*

Иисуса, склонившегося и омывшего мои ноги. Я, недостойный грешник, но Иисус омыл мои ноги! Слава Богу, мое сопротивление не остановило Его».

Послушайте, у всех нас есть эта тенденция держать Господа подальше от себя. Мы отталкиваем Бога. Мы устанавливаем дымовые завесы, строим стены, надеваем носки... На самом деле, это диктует современная система ценностей: контролируйте, регулируйте и управляйте. Не позволяйте никому подходить к вам слишком близко. В этом мире нет места нежным и незащищенным, хрупким и сокрушенным людям. Вам никто не нужен. Вы – остров. Независимый. Сильный. Не слабый иждивенец, а нерушимая скала. Не позволяйте кому попало мыть вам ноги – и, конечно, даже не думайте мыть ноги другим!

Мы не первые, у кого возникают такие мысли. Вопрос и возражение Петра типично человеческие: *«Господи, Тебе ли мыть мне ноги?! ...Нет... Ты никогда не вымоешь моих ног!»* (Ин. 13: 6, 8). Такую реакцию, кажется, можно понять. Она, вероятно, говорит о большом уважении. Дело не в том, что апостол был против мытья ног. В конце концов, это была обычная практика. Люди путешествовали по пыльным дорогам в открытых сандалиях, переступали через пороги пыльными ногами. Любой хороший хозяин позаботился бы о том, чтобы помыть гостям ноги. Но это должен был делать раб, раб-язычник – низший класс, какой только можно себе представить.

Но Христос? Разве не Он показал Свое могущество над бесами, болезнями и смертью? Толпы людей устремлялись послушать Его учение. Одно Его слово – и бурные воды успокаивались, парализованные ходили, слепые видели, мертвые оживали. Он въезжал в Иерусалим, и люди кричали перед Ним: *«Осанна Сыну Давида! Благословен Тот, Кто приходит во имя Господа! Осанна в вышине небес!»* (Мф. 21:9; Ин. 12:13).

«Господи, и Ты собираешься вымыть мне ноги?» Вопрос Петра раскрывает основное непонимание, которое есть у всех нас в отношении Христа и Его церкви. Мы верим, быть в славе

и быть слугой одновременно невозможно, царствование и рабство исключают друг друга. Мы рассуждаем так: чем больше человек является слугой, тем менее славным он будет, чем больше служения, тем меньше царствования! Мы не понимаем странной славы Иисуса. Это смиренная слава и славное смирение. Мы не понимаем евангельского изречения: *«Ведь и Сын Человеческий пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы служить другим и отдать Свою жизнь как выкуп за многих»* (Мк. 10:45).

Подобно золотой нити, этот удивительный парадокс проходит через Новый Завет, и особенно через 13 главу Евангелие от Иоанна: в ней Христа называют Господом, Учителем или Сыном Человеческим не менее 11 раз. Титул Господа – это сила, выражение всемогущества, Учителем называли того, кого высоко ценят в обществе, звание Сына Человеческого – это признак уважения из Ветхого Завета, указывающий на Иисуса как Мессию и Его вечное владычество, Его царствование над всеми народами. Но каким мы находим этого Господа, этого Учителя и Сына Человеческого в горнице с учениками? Как коленопреклоненную фигуру слуги с маленьким тазиком воды и полотенцем в руке! Царь в фартуке!

Епископу по имени Мартинус однажды ночью приснился сон. Ему явилась сверкающая фигура, такая великолепная, что даже во сне он едва осмеливался взглянуть на нее.

– *Я Христос, – сказала фигура, – Я пришел, чтобы вознаградить тебя за твою преданность.*

– *Но где же отметины на Твоих руках и ногах? – спросил Мартинус.*

– *У Меня нет отметин, – ответила фигура, – у Меня есть только слава.*

– *Оставь меня, сатана, – ответил Мартинус, – Христос, Которому я служу, Распятый.*

И сатана – потому что это был он – оставил его.

Мир предлагает нам много христов. Без ран, без отметин, неповрежденных. Они не могут спасти нас. Только один Господь может – Распятый. Есть только один **Господь – Тот, Который является слугой, слуга, который и есть Господин.** Только Он может освободить нас, чтобы мы по-настоящему служили нашим ближним. Потому что церковь – это мы с вами: люди, чьи ноги были омыты, чтобы мы также могли омыть ноги другим. В этом заключается основной образ церкви и основное испытание для церкви: *«Поэтому если Я, ваш Господь и Учитель, омыл вам ноги, то вы тоже должны мыть ноги друг другу. Я показал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам»* (Ин. 13:14, 15).

Вопрос, не в том, насколько впечатляющая наша организация или насколько функциональны наши структуры, или насколько точно сформулированы наши исповедания веры, или насколько ортодоксальны наши теологические теории. Жизненно важный вопрос заключается в следующем: *Можем ли мы преклонить колени? Перед Богом? И перед нашими ближними? А также перед теми, у кого грязные ноги?..*

Я верю, что испытанием для церкви в нашем обществе в ближайшие годы будет вопрос, сможем ли мы служить нашим ближним, буквально следуя за Христом, нашим Господом, как исполнители, служители – мойщики ног, или мы просто слушатели Слова или болтуны!

Присмотритесь внимательно. Кто-то сейчас стоит на коленях у ваших ног. На голове у Него корона, а в руках – маленький тазик.

О, если бы, по крайней мере, мы просто отошли от Него в мокрых носках...

Задания:

1. Оцените эту проповедь, используя Гейдельбергский метод (см. страницу 156).

2. Томас Лонг считал, что проповедник является членом общины, отделенным для встречи с Писанием, чтобы искать, изучать и внимательно слушать от ее имени. Следовательно, текст не принадлежит проповеднику. Он принадлежит общине и должен передаваться от одного человека к другому для проверки и выслушивания со всех сторон, пока все не согласятся, сказав: «Мы услышали голос Бога». Почему голос общины важен при подготовке проповеди?

3. Какие факторы вы бы приняли во внимание для слушания голоса общины?

4. Чтобы услышать голос вашей общины, используйте так называемый вопросник «круглого стола». Это можно сделать в домашних группах, группах по изучению Библии или дискуссионных группах после воскресной проповеди.

5. Как бы вы творчески справились с напряжением между текстом и контекстом? Какие препятствия возникают во время слушания и как бы вы их преодолели? Как может нам помочь понимание различия между коммуникацией, ориентированной на получателя и ориентированной на отправителя?

6. Обсудите четыре возможные цели любой коммуникации.

7. Проанализируйте примеры проповедей, которые не соответствуют критериям, обсуждаемым в этой главе относительно слушания общины (вне-контекстная проповедь). Определите теологические возражения, выдвинутые против этих проповедей, и предложите возможные решения.

ГЛАВА 5

ЖИВОЙ ГОЛОС ЕВАНГЕЛИЯ: КОГДА ГОВОРIT ПРОПОВЕДНИК

1. Секрет проповеди: Божье слово человеческими устами

Мартин Лютер сказал: *«Евангелие должно передаваться не письменно, а провозглашаться.... Церковь – это не дом для пишущей ручки, а дом для уст»*. Этим заявлением Лютер подчеркнул тот факт, что проповедь имеет особую устную непосредственность и срочность; что это событие от личности (Личности!) к личности в определенное время и в определенном месте (ср. Мейзер 1969:19,30).

Представьте себе следующее: после недельной кропотливой работы с текстом проповедник готов проповедовать, но забывает прямо перед началом богослужения. Он мог бы распространить письменную проповедь, чтобы каждый член собрания мог прочитать ее в тишине, или заместитель мог бы действовать от имени проповедника. В конце концов, такое имитированное выступление, хотя и без голоса самого автора, не является чем-то необычным на некоторых политических или других встречах. Такая практика может быть приемлемой в тех случаях, но не в богослужении. Отсутствие голоса автора, то есть личности проповедника, наносит вред сути проповеди как личному, а значит, *человеческому выражению и артикуляции Голоса Божьего*.

Естественно, проповедник мог бы послать запись своего голоса или видеозапись, или, предпочтительно, мог бы общаться с прихожанами по телефону или спутниковому телевидению. COVID-19 заставил нас искать разные способы общения. Зум и многие другие способы были средствами массовой информации, только с помощью которых мы могли делиться посланием Евангелия. Многие проповедники говорили, как это было невероятно напряженно, и многие чувствовали, что в процессе этого была потеряна связь с собранием. Все это были чрезвычайные меры. Не хватало того, что составляет суть проповеди, а именно личного и динамичного визуального контакта, живого общения, когда проповедник и прихожане встречаются в определенное время и в определенном месте в присутствии Бога на богослужении.

Действительно: *Евангелие должно провозглашаться в проповеди человеческими устами.*

2. Малое «я» на службе у великого «Я»

Голос проповедника – это важный голос, слышимый с кафедры, и под этим я подразумеваю не только его физический голос, а скорее всю его человечность, скорее *присутствие проповедника как личности.*

Сам проповедник является важной частью общения. В условиях большой группы знание самого оратора и его репутация могут быть полезными. Большинство слушателей тратят много времени на то, чтобы решить, что они думают о выступающем! Если уже есть личные знания оратора за пределами проповеднической обстановки, то доверие к нему уже установлено. Очень трудно изменить это доверие (или его отсутствие) с помощью плохой или хорошей коммуникации. Но личная открытость и очевидное знание сердец людей могут вызвать доверие даже у незнакомой аудитории.

Эту эмпирическую реальность проповедника никогда нельзя игнорировать: те, кто занимает кафедру, – это люди из плоти

и крови, у которых есть уникальное прошлое, уникальная история и которые переживают свою собственную борьбу с пониманием и знанием Бога. На самом деле, если вы попытаетесь быть кем-то другим за кафедрой, кроме себя, это превратит вашу проповедь в нечто иное, чем то, что вы задумали.

На кафедре, в первую очередь, не гиганты риторики, или смиренные посланники, или увлекательные рассказчики, а люди, такие, какие они есть на самом деле – *корам део*, перед Богом. Возможно, за кафедрой слишком много клонов, а не оригинальных творений. Возможно, существует слишком много принятых манер выступления, которые сами по себе не могут превратить человека в проповедника. Приношу извинения всем проповедникам: *каждая птица должна петь свою врожденную песню*. Если вы захотите петь каким-либо другим способом, вы будете фальшивы – более чем в одном значении этого слова.

В этом всегда есть своего рода напряжение: в проповеди проповедник никогда не находится на переднем крае, никогда не может быть главным действующим лицом в драме проповеднического события, а скорее является тем, кто вместе с прихожанами слушает то, что говорит Бог. *«Как слушатель среди слушателей»* (название книги Дингеманна (Dingemann) 1991).

Тем не менее, именно вы стоите перед собранием, с вашим знанием собрания, вашими теологическими прозрениями, вашей собственной личностью, ограничениями и потенциалом, а не просто магнитофоном, который позволяет вашему механическому голосу достигать ушей собрания. Человечность проповедника буквально воплощает истину: *«Подлинные проповедники – это те, кто воплощает Евангелие, которое они провозглашают в своей манере проповеди»* (Уорд (Ward) 1992:129). Можно также вспомнить известное заявление Филиппа Брукса (1964:5): *«Проповедь – это передача божественной истины через человеческую личность»*.

Это напряжение можно описать и по-другому: проповедника характеризуют как смирение, так и авторитет. Для проповедников,

с одной стороны, велико искушение переоценить свою роль в проповедническом мероприятии и стать чем-то вроде проповеднических эксгибиционистов. Все, кто проповедовал, знают искушение быть популярным. Лютер также боролся с этим и пришел к выводу:

Если вы думаете, что вы образованы и что достигли высшего, и вы гордитесь своими маленькими книгами, учениями и писаниями, как будто вы все выполнили чудесно и проповедовали чудесно, и если вы чрезвычайно довольны тем, что люди хвалят вас в присутствии других, или, если вас не хвалят, вы чувствуете разочарование и готовы отказаться от надежды – если это ваш образ мыслей, мой друг, просто хватайте себя за уши, и если вам удастся ухватиться за них их, это будут длинные, грубые ослиные уши. Или, потрудитесь еще немного и украсьте себя золотыми колокольчиками, чтобы люди могли слышать вас, куда бы вы ни пошли, с восхищением указывать на вас пальцами, крича: «Пожалуйста, посмотрите – вот этот замечательный человек, который может писать такие прекрасные книги и произносить такие важные проповеди!» Тогда вы упустите благословения Господа. Потому что Бог гордым противостоит, но дает свою благодать смиренным (ср. Мейзер 1983:65).

Проповедь имеет дело, в частности, с великим «Я»... и малым «я». Каждая проповедь зависит от великого «Я» Бога, потому что его «Я Тот, Кто Я Есть» (Исх 3:14), ведет к тому, что «Я есть хлеб жизни» (Ин 6:35); «Я есть свет миру» (Ин 8:12); «Я есть добрый Пастырь» (Ин 10:14); «Я есть истинная виноградная лоза» (Ин 15:1) и так далее. Все зависит от того, чтобы это «Я» Бога неоднократно формулировалось и становилось видимым в каждой проповеди. Каждая проповедь становится частью истории и будущего великого «Я» – иначе это не проповедь. Маленькое «я» проповедника находится на службе у великого «Я». Маленькое «я» на кафедре, я сам, – это своего рода проповедь, послание, осознаю я это или нет.

Однако реальность такова, что маленькое «я» часто не сотрудничает с великим «Я», а является конкурентом; маленькое «я» отбрасывает длинную тень на великое «Я» и затемняет Его в проповеди. Часто маленькое «я», сознательно или бессознательно, заявляет о своих отношениях с великим «Я» уже в первом предложении проповеди. Часто богословие или его отсутствие также сосредоточено уже в первом предложении проповеди. Часто колокол Евангелия уже прозвенел там или умолк, и проповедник становится воплощением Евангелия или закона, который оказывает нравоучительное влияние на слушателей. Вместо того, чтобы маленькое «я» становилось меньше, а великое «Я» – больше, происходит обратное (ср. Ин. 3:30; также Борен 1988:98-107).

Как и все верующие, проповедники нуждаются в ежедневном, непрерывном *обращении* – также от собственного тщеславия. Они должны знать: мой «успех» не обязательно эквивалентен Евангелию. На самом деле велика опасность того, что проповедники в результате своей позиции, богословских знаний или успеха в служении могут удовлетвориться замещением истинного *обращения*, что они настолько «привыкнут» к божественным вещам, что начнут ассоциировать себя с ними. Вы можете начать рационализировать (свой) грех вместо того, чтобы достичь хорошего самопознания. Вы можете неправильно понять тонкий баланс между само-отречением и само-утверждением и тогда ваше проповедование может стать недостойным (ср. 1 Кор. 9:27).

Напротив, быть проповедником – значит быть зрелым *смирненным*, то есть становиться *теологически зрелым*. Это становление зрелым, как и обращение, является непрерывным процессом, укреплением богословской силы рассудительности и, следовательно, мудрости. Поэтому проповедники могут никогда не «завершить» свою теологическую подготовку. Это, скорее, образ жизни, ежедневный рост мудрости.

Один из самых важных вопросов, который, на самом деле, можно было бы задать пастору: мудры ли вы? И, в связи с этим: Вы действительно *теолог*? Если проповедники говорят – как они часто делают – «Я на самом деле не теолог», то они, вероятно, не понимают, что означает слово «теолог», и для проповеди, вероятно, было бы лучше, если бы они никогда не поднимались на кафедру. Мудрость и теология не имеют ничего общего с гордостью или «успехом» в обычном значении этого слова, но со зрелостью и, следовательно, со смирением.

Однако смирение не означает недооценки вашей роли в проповедовании. *Когда Дух действует, Он не пренебрегает нами, но включает нас в себя.* Он действует теонимическим взаимным образом, сохраняет инициативу, но неоднократно принимает нас на служение провозглашению Евангелия. То, что для нас невозможно, Он делает возможным; то, что, по нашему мнению, невозможно сделать, Он изменяет, чтобы быть осуществимым (Борен 1971: 76-77).

Таким образом, наш человеческий вклад в проповедование приобретает особую ценность, особый авторитет. Наша концепция авторитета, вероятно, была искажена ее карикатурами. Авторитет проповедника не заключается в автократии, особенно в духовной или клерикальной автократии, или в бюрократии.

Наш авторитет – в сокрушении, наша сила – в бессилии. Основопологающим для всех наших попыток быть посредниками между текстом и контекстом является *герменевтика креста*. Те, кто не понимает этой герменевтики, те, кто не знает, что вы сильны, когда вы слабы (2 Кор. 12:10), еще не понимают сердцебиения проповеди.

В конце концов, наш авторитет и наша власть заключается в том, что мы не можем, но поскольку Бог действует в нас, мы можем. Это содержится в послании, которое мы провозглашаем: распятие и воскресение Иисуса Христа (ср. заявления Павла в 1 Кор. 1:18-2:16). Но, чудесным образом: именно мы провозглашаем его! Поистине, нельзя не исповедовать эту

диалектику: это Евангелие Христа, которое провозглашается до краев земли через Его Дух, но также и мы открываем наши уста, чтобы проповедовать о нем (ср. Деян. 1:8)!

Августин говорил о сокрушенности нашей человеческой жизни и трудностях проповедования: *«И я... кто взял на себя смелость говорить с вами, помните, кто я и что я взял на себя. Потому что я взял это на себя, чтобы провозглашать Божественные вещи – и я человек; духовные вещи – и я плотский; вечные вещи – и я смертный... По мере своей я получаю то, что передаю вам. Когда дверь открыта, я пасусь вместе с вами; когда закрыта, я стучусь вместе с вами».*

Об этом же говорит и известный богослов **Генри Нувен** (Henry Nouwen). Он говорит, что у посланников Бога часто бывают собственные раны. Поскольку наша работа состоит в том, чтобы открывать сокровища свободы другим, пастор часто прикрывает свои раны. Он призван быть **раненым целителем**, заботиться о своих собственных ранах, но в то же время быть готовым помазать раны других (см. его книгу «Раненый целитель»). Он пишет:

«Никто не избежит ранения. Мы все – раненые люди, будь то физически, эмоционально, умственно или духовно. Главный вопрос не в том, «Как мы можем скрыть наши раны?», чтобы нам не нужно было смущаться, а в том, «Как мы можем поставить наши раны на службу другим?» Когда наши раны перестают быть источником стыда и становятся источником исцеления, мы становимся ранеными целителями».

В своей книге «Жизнь возлюбленного» он использует то, что происходит в причастии (*благовословение, преломление и отдача хлеба другим*), в качестве метафоры, чтобы объяснить, что **мы должны принять даже свою преломленность, потому что она послужит миру**. Как только мы поймем это, мы будем меньше заняты собой и станем лучшими инструментами Божьей благодати.

Вы стоите за кафедрой – со своими дарами, своим призванием, своим уникальным изложением Евангелия – и за это вам не нужно извиняться. Невольно вспоминается эпическая история Барта Нела, который после чрезвычайно печальной истории, в которой он потерял практически все, что любил, в конце концов, как своего рода кульминация восклицает: «С тех пор я был Бартом Нел, и я все еще он» (Ван Мелле (Van Melle) 1968:180). Действительно, это своего рода освобождение – быть самим собой, особенно за кафедрой. Проповедникам необходимо постоянно и заново открывать эту свободу – ради провозглашения Евангелия.

3. Целостность отношений проповедника

Проповедь никогда не является безучастной передачей знаний, но словом, которое происходит **от общения с Богом, от вашей встречи с Богом в тексте** (Иванд (Iwand) 1964:19). Вы ни коем образом не должны прятаться от прихожан, ни за своей правильной экзегезой, ни за своими быстрыми решениями, ни за своей потрясающей глубиной.

Ваша роль и ваша маска никоим образом не могут встать между вами и собранием, или между вами и текстом и Богом текста. *Вы ни в коем случае не можете жить просто в соответствии с ожиданиями, образом, который сложился о вас у других, и соответственно маскироваться.* Правда имеет привычку в конце концов раскрываться, несмотря на все маскировки.

Факт таков: когда возникает несоответствие между вашей личной и публичной персоной, тогда есть «надпись на стене» для вашего проповедования. В проповедь вовлечено ваше собственное сердце; на карту поставлена ваша собственная жизнь.

Проповедники должны чувствовать себя как дома в здании своей собственной проповеди. Если вы просто арендатор, это очень скоро станет очевидным (Тилике (Thielicke) 1965:14). Нет, мы никогда не сможем быть арендаторами проповеднического дома, а скорее обитателями шатров, подобно Христу, который воздвиг свой шатер среди нас (Ин. 1:15)!

Проповедь – это не просто нечто усвоенное, что вы можете передать другим, но то, что *вы сами* хотите сказать, потому что не можете не свидетельствовать об этом, как подчеркивается в названии другой известной гомилетической книги: «Свидетельство проповеди» (Лонг 1989). Мы призваны быть верными свидетелями, людьми, которые сами являются примером того, к кому (первым) обратился, кого тронул, ранил, сложил, утешил текст, да, Бог текста.

Мы путешественники по пустыне, которые находят убежище в шатре текста, да, Христа и, проповедуя, манят других присоединиться к ним в освежающей тени.

Если вы не знаете комнат и проходов, углов и поворотов дома текста, или клапанов и колышков шатра! – если вы еще не прошли через него или вокруг него и не ознакомились с ним, вы не можете приглашать других и ожидать, что они поверят вам на слово. Если вы, например, не боретесь с Богом в глубине Псалма 129, вы не должны поспешно подниматься на кафедру с проповедью о нем; если вы не испытали волну хвалы во всех фибрах своего существа, тогда вы должны остерегаться произносить Псалом 149 на своих (проповедующих) устах.

Можно передать вышесказанное немного по-другому: **все проповедники находятся в определенных отношениях**, которые имеют решающее значение для них как проповедников, а именно, *в отношениях с Богом (включая осознание того, что они призваны), отношениях с самими собой (включая такие элементы, как их характер, психический склад, душевное здоровье и т.д.), а также отношениях с другими людьми, особенно теми, кому они хотят проповедовать*. Те, у кого нет целостности в этих отношениях, действительно могут говорить, как ангелы, но вряд ли смогут проникнуть в сердца людей. Например, если вы не любите людей, то вы не имеете права им проповедовать (ср. Джабуш (Jabusch) 1981:51-63).

Часто в этой связи приходится слышать о духовности проповедника. Это, действительно, имеет большое значение для

проповеди. Хотя я бы не решился сказать, что все в проповеди зависит от этого или что моя личность или духовность как проповедника имеют решающее значение, однако мы не должны недооценивать их влияние. *Под «духовностью» я понимаю всю жизнь служителя, со всеми его отношениями, с точки зрения его призвания ходить с Богом в Духе (Гал. 5:16, 25).*

Вопрос о духовности проповедника – я предпочитаю выражение: **жизнь перед Богом** – имеет не только богословское значение, но и имеет отношение к коммуникативно-научным соображениям. *Вы не можете прикасаться к человеку, если сами не являетесь человеческим; вы не можете говорить о Боге со страстью и честностью, если у вас нет страсти и честности.*

Уникальный голос проповедника привносит человечность во весь процесс подготовки проповеди, открывает возможности для общения и идентификации. Или, выражаясь теологически: человечность проповедника дает руки и ноги харизме, которую Дух Христа изливает в жизнь проповедника.

Проповедники – это не просто стерильные, бескровные «каналы», по которым Евангелие приходит к нам: Евангелие приходит к нам человеческими устами и человеческими словами – иначе оно не достигло бы человеческих ушей и человеческих сердец. Томас Троегер (Thomas Troeger 1999: 85-95) говорит о «ландшафтах сердца», которые необходимо расширять в проповеди, то есть об уникальных (психологических, социологических, экономических и т.д.) толковательных рамках, в которых мы все живем.

Проповедовать – значит находить точки соприкосновения с конкретными историями, символами, ценностями и ритуалами, которые придают смысл жизни людей, пересекать эти ландшафты сердца и представлять Евангелие там творческим способом. Это вряд ли было бы возможно, говорит Троегер, если бы вы сами не исследовали свое собственное сердце.

4. Без молитвы вы не можете проповедовать

Если вы хотите поговорить о жизни проповедника *перед Богом* (его духовности), то вы можете следовать различными путями. Я имею в виду только одно измерение, которое, на мой взгляд, является основополагающим: молитву. Жаль, что молитва так часто рассматривается как нечто отличное от теологии. В самом деле, для многих миры теологии и молитвы в основном, по крайней мере на практике, являются двумя совершенно разными мирами. На мой взгляд, это роковое разделение. Мы должны скорее сказать: теология прежде всего – это молитва, а молитва прежде – это теология (ср. Сильерс 1994:15). Точно так же проповедь прежде всего – это молитва; их нельзя отделить друг от друга никоим образом.

Примечательно, как мало гомилетических книг берут молитву в качестве основной отправной точки. Но возможно ли это? В конце концов, духовность – это то, что возникает из вашего личного, непрерывного общения с Богом, из вашего собственного существования в молитве. Молитва маркирует вашу духовность, что опять же влияет на вашу проповедь. Молитва модулирует ваш проповеднический голос.

Проповеди не могут быть составлены без молитвы. Бетель Мюллер (1992:111) с горечью пишет об этом:

«Проповедь – это борьба, в которой проповедник чувствует себя маленьким и бедным – таким маленьким и бедным, как ни в какой другой борьбе. Эта борьба приносит моменты, когда он убегает от стола к скамье для коленопреклонения, чтобы продолжить работу надМ проповедью – и молиться и умолять, чтобы Господь помог и дальше вел его к пониманию своего Слова.

Во время молитвы его слишком поспешные и недоброжелательные мысли отпадают; в молитве он освобождается от своей «красивой» фразеологии; в молитве проповедь достигает глубины, потому что там Бог шепчет ему

на ухо Свои мысли. Тогда живое провозглашение Слова рождается в молитве и слышится с кафедры».

В молитве среди прочего на первый план выходит личность проповедника. Здесь задействованы все человеческие переживания, которые все еще требуют разъяснения: сопротивление, которое вы испытываете при чтении библейского текста, препятствия между вами и прихожанами, ваши философские вопросы и ваши радости. В молитве вопросы нашего человеческого существования поднимаются к Богу в надежде получить свет, чтобы поделиться им с прихожанами.

В некотором смысле мы могли бы сказать, что молитва – это секрет проповеди. Однако этот комментарий может быть неправильно понят. Вы могли бы тогда сказать: если я только буду молиться, тогда все будет хорошо в проповеди. Молитву можно превратить в оправдание экзегетической лени или проповеднической неряшливости. Может сложиться неверное впечатление, что моралистическое соблюдение «тихого времени» – вместо внутреннего расположения к молитве – дает надежную гарантию успешной проповеди. Вы могли бы попробовать включить молитву в качестве техники «сделай сам», чтобы подготовить или оживить проповедь. Но это не молитва. Молитва остается даром Божиим, который Он неоднократно должен давать нам, изливать в нас через Свой Дух, чтобы мы могли снова молиться устами Христа (Кальвин; ср. также Барт 1969:16-21).

Быть христианином и молиться – это синонимы (Лютер). Быть проповедником и молиться – это тоже синонимы. В Деяниях 6:4 апостолы объявляют, что посвящают себя молитве и служению Слова. Джон Пайпер, пожалуй, один из самых страстных проповедников сегодня, предполагает, что существует связь между нашей личной молитвенной жизнью и тем, как мы учим Слово Божьему других. В проповеди, посвященной Деяниям 6:4, он говорит: *«В молитве слугитель встречается с Богом и имеет реальные живые отношения со Всемогущим, чтобы его проповедь и учение имели аромат Бога. Служение Слова*

должно быть служением серьезным и интенсивным, и где это можно найти, если не на наших личных встречах с Богом, где вы учитесь узнавать, настоящие ли вы или просто играете в игры?»

Молитва остается фундаментальной формой, глубинной структурой всей проповеди (Борен 1971:104-105). Августин приводит хорошо известную максиму (выражение), которую проповедники могли бы вывесить на своих кафедрах и столах в качестве девиза на всю жизнь: *«сначала молись, потом говори»*. В этой связи он также говорит следующее:

Когда настанет момент говорить, пусть он (проповедник), прежде чем говорить, поднимет свою иссохшую душу к Богу, чтобы он мог поделиться тем, что сам выпил, мог излить то, что сам впитал.... И кто может делать это правильно, как не Том, в чьих руках мы и наши проповеди? (ср. Ван Оорт (Van Oort) 1989:18; также 1991:26).

Для Августина проповедование остается даром Духа, добрым словом, хорошей проповедью (*sermo bonus*), которую Сам Дух должен вложить в уста проповедника – в частности, также как ответ на молитву, нет, как изложение молитвы. Проповеди не только нуждаются в молитве, но в определенном смысле они и есть молитва. Проповеди – *это когда мы ищем, чтобы найти; стучим, чтобы нам открыл Бог – Бог, дающий хлеб, а не камень* (ср. Мф. 7:7-11).

Короче говоря: те, кто не может молиться, не могут проповедовать.

В библиотеке Теологической семинарии Кэндлера (Университет Эмори, Атланта) есть интересный предмет мебели. Металлическая табличка объясняет его секрет: «Молитвенный стол или кафедра, изготовленная для Джона Уэсли около 1740 года, использовалась им в проповеди шахтерам Уэльса». Там есть место, где Уэсли мог стоять и проповедовать, но также и подставка, где он мог преклонить колени в молитве. Наши кафедры должны выглядеть именно так. Наши кафедры

также должны быть молитвенными стульями (ср. Багг (Bugg) 1992:16).

5. Добродетельное существование проповедника

В каком-то смысле **важнее то, кто мы есть, чем то, что мы говорим**. Философская идиома гласит: *agere sequitur esse* – действия человека вытекают из его существа; то, что вы делаете (и говорите), вытекает из того, кто вы есть. Аристотель уже верил, что этос (нрав, характер, внутренняя культура) оратора важнее простого овладения риторическими приемами. Интересно, что Павел, когда пишет Тимофею, чтобы напомнить ему о его проповеднической задаче, предваряет это ссылкой на его добродетельное существование: *«да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен проповедуй слово ...»* (2 Тим. 3:17-4:1-2). Добродетель, достоинство, искренность, можно сказать образуют ложе, в котором для проповеди рождается способность к истинному общению. Если вы не можете заниматься мелкими повседневными делами с достоинством, вы не должны думать, что сможете достойно справляться с великими делами Царства. Если вы не можете показывать малые жесты честности задолго до того, как исполнять все свои проповеднические жесты с кафедры, лучше не проповедовать вообще. Стэнли Хауэрвас (1985:188) пишет:

«В конце концов, мы узнаем историю, не просто слушая ее. Важные и значимые истории нужно исполнять. Нужно научиться жестам, которые помогают так расположить наши тела и наши души, чтобы мы могли правильно слышать, а затем и пересказывать историю ... Мы узнаем историю, изучая такие простые жесты, как преклонение колен».

Действительно: *lex orandi, lex credendi, lex vivendi, lex praedicandi* (как вы молитесь, так вы веруете, так вы живете, так вы проповедуете).

Лютер однажды отметил, что для того, чтобы священник был приемлемым, он должен соответствовать следующим требованиям: иметь образование, хороший голос, хорошую работу, приятную внешность (особенно с точки зрения девушек и женщин), и всегда должен говорить людям то, что они хотят услышать. Лютер, конечно, знал, что это был не настоящий ответ. Он также сказал, что есть и другие требования к хорошему пастору: он должен хорошо объяснять Слово, иметь хороший голос, ясный ум, хорошую память (хотя в другом месте он говорит, что вы теряете большую часть умственных способностей в 42 года), обладать силой воли, знать, когда остановиться, быть трудолюбивым, ... и иметь кожу слона! И опять Лютер сказал, что это не окончательный ответ.

Как вы становитесь хорошим служителем? Во-первых, *благодатью Святого Духа*, во-вторых, *искушением*, в-третьих, *опытом*... И наконец, *благодаря прилежному изучению Библии*.

Сначала мы должны быть сделаны проповедниками, прежде чем сможем даже подумать о том, чтобы пытаться «делать» проповеди. Лютер с волнением писал об этом. По его словам, есть три вещи, которые «делают» проповедника, три основных элемента в образовательном процессе проповедника, а именно ***молитва, медитация и испытания (oratio, meditatio, tentatio)***. К сожалению, здесь нет возможности подробно обсудить каждый из них. Действительно, вокруг этого можно было бы создать целую проповедь! Тем не менее только одна цитата, касающаяся каждого из них, вполне может стимулировать ваш аппетит.

Молитва: «По этой причине вы должны потерять надежду на свою собственную мудрость и разум, потому что с ними вы ничего не достигнете.... Преклоните колени в своей внутренней комнате и попросите Бога с истинным смирением и серьезностью дать вам настоящую мудрость ... Я считаю, что моя молитва больше, чем сам дьявол. Если бы это было не так, с Лютером давно все было бы по-другому. Однако люди не хотят понимать и признавать великие деяния или чудеса, которые Бог

совершает ради моей работы. Если бы я пренебрег молитвой хотя бы один день, то потерял бы большую часть огня веры».

Медитация: «Во-вторых, вы должны медитировать не только в своем сердце, но и внешне, на устное слово и выраженные слова, которые написаны в Книге. Их вы всегда должны обдумывать, пересматривать и перечитывать снова и снова с преданным вниманием и созерцанием, чтобы понять, что Дух хочет сказать. И позаботьтесь о том, чтобы вам это не надоело, чтобы вы не подумали, что прочитали достаточно, если прочитали, услышали и повторили один или два раза и кажется полностью поняли это. Ни один великий богослов не вырастет таким образом, потому что те, кто не упорствует в медитации над Словом, подобны наполовину созревшему плоду, падающему на землю.

Испытания: Это истинный критерий, тест, который учит вас не только знать и понимать, но и испытывать, насколько истинно, подлинно, сладко, чудесно, мощно и утешительно Слово Божье, что это Мудрость превыше всех мудростей.... *Потому что, как только Слово Божье начнет приносить плоды через вас, тогда сатана будет нападать вас. Но все это для того чтобы вы могли стать истинным проповедником и научиться через скорби искать и любить Слово Божье. Потому что я сам – если мне будет позволено высказать свое скромное мнение – должен очень благодарить папство за то, что они так изводили меня и заставляли так напрягаться, так мучили меня дьявольским насилием, что я стал достаточно хорошим теологом, чего в противном случае не случилось бы (Мейзер 1983:75).*

Библия предупреждает нас об опасностях, присущих деятельности учителя. Обучение других – это духовный дар, а служение Слову – великая привилегия. Но это занятие полно опасностей. Если вы учите и наставляете других, вы не можете сказать, что не знаете того, чему учите. Иисус суров к фарисеям, потому что они проповедуют, но не практикуют то, о чем говорят (Матф. 23:1-3). У Иакова (3:1) есть удивительный совет:

«Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению».

Джон Стотт сказал: *«Нет ничего более отвратительного, чем лицемерие, и нет ничего более привлекательного, чем искренность».*

Господь Иисус приберег Свои самые язвительные обличения для тех, кого Он определил как лицемеров. Молодежь ненавидит все, что является фальшивым или неискренним. И особенно, когда речь идет о тех, кто учит или делится Словом Божиим, они имеют право ожидать последовательности и честности.

Учителя Библии – это не преподаватели, которые читают лекции на какую-либо тему безучастно, как если бы они не были вовлечены в это с точки зрения их собственных убеждений или опыта. Мы лично привержены нашему посланию, и из всех людей мы должны быть особенно искренними.

Лицемерие вызывает большое оскорбление. Многие люди были отчуждены от Христа неискренним поведением тех, кто утверждает, что следует за Ним. Павел не хотел быть камнем преткновения для веры других людей. *«Мы не ставим ни на чьем пути камня преткновения, чтобы наше служение не было дискредитировано. Скорее, как слуги Божьи, мы всячески блюдем себя».* Затем он продолжает перечислять все, что он перенес, и как он это перенес. Не было никакого разногласия между его сообщением и его поведением.

Сперджен говорит, что люди не больше примут наше послание, если наша жизнь противоречит ему, чем они приняли бы лекарство от простуды, рекомендованное продавцом, кашляющим и чихающим между каждым предложением. Он добавил: *«Если бы меня спросили – что в христианском служителе является самым важным качеством для достижения успеха в приобретении душ для Христа? Я должен был бы ответить: «искренность».*

Это было очевидно в жизни Павла. Ему нечего было скрывать. Решительно отказавшись от тайных и постыдных путей,

его политика состояла в том, чтобы ясно излагать истину и таким образом вверять себя совести каждого человека в глазах Бога (II Кор. 4:2). Хитрость и обман были ему отвратительны. Он осуществлял свое служение открыто и мог обращаться как к Богу, так и к людям как к своим свидетелям. Его личная убежденность, последовательное поведение и неприятие всякого лицемерия обеспечили прочную основу для его служения. В его жизни не было ничего, что мешало бы его слушателям верить или что они могли бы использовать в качестве оправдания для неверия. Они поверили ему, потому что он был искренен. То, что он говорил, и то, кем он был составляли единое целое. Искренность помогает нашему свидетельству другим.

В тех, кто искренен, есть что-то привлекательное и притягательное. Дэвид Хьюм был философом 18 века, который отверг историческое христианство. Однажды друг встретил его, спешащего по лондонской улице, и спросил, куда он направляется. Хьюм сказал, что собирается послушать проповедь Джорджа Уайтфилда. «Но – удивленно спросил его друг, – ты же не веришь в то, что проповедует Уайтфилд, не так ли?» «Нет, я не верю», – ответил Хьюм, – «но он верит».

Все это подразумевает, что проповедование – это не хобби и не просто церковная деятельность, которую вы можете просто выполнять «профессионально». Это образ жизни, школа обучения. Оно проходит через вашу плоть и кровь. Вы не просто проповедуете. Вы либо проповедник, либо нет.

Проповедь – это скрытый восторг: за ней кроется ощущение того, что ты захвачен Богом. Можно ли сказать это лучше, чем Мискотт (1971:257, 259, перевод с проповеди 1 Кор. 14:15, 20)?

«Проповедь – это скрытый восторг, застывшее восхищение, но если бы за этим не стояло что-то из жизни проповедующего человека или истории собрания, если бы не было доказательств, что вы захвачены этим, то это не то, что намеревался Дух».

Действительно, если вы не испытаете ощущения, что Евангелие вас захватило, вознесло, то вы никогда не достигнете

зрелости проповедника. Но можно было бы спросить: как это происходит? Как возможно это восхищение и зрелость? Ответ следует.

6. Это Дух вместе с нами...

Несколько лет назад в мужской резиденции Дагбрик в Стелленбошском университете жил замечательный слепой студент Андре Стейн. Однажды вечером во всем городке Стелленбош произошел сбой в подаче электроэнергии. Это была особенно темная ночь, без малейшего проблеска лунного света. Внутренний дворик Дагбрика был погружен в кромешную тьму; никто не мог разглядеть руки перед глазами.

Несколько студентов возвращались с какого-то мероприятия и одновременно прибыли к главному входу в Дагбрик. Перед ними был темный внутренний дворик. Одному из них, старшему студенту, Питу Форстеру, тогда пришла в голову блестящая идея попросить Андре отвести его в свою комнату. В конце концов, Андре знал внутренний дворик как свои пять пальцев и знал, сколько шагов нужно пройти, прежде чем повернуть налево или направо, сколько там ступенек, где есть места, где можно легко споткнуться.

В тот вечер разыгралась необычайная сцена. Андре, слепой студент, который мог «видеть» в темноте, привел своего друга, зрячего, который был «слеп» в темноте, к месту назначения – разумеется, безопасно.

Проповедники должны быть такими людьми – людьми, которые могут видеть дальше и глубже в темноте – также в нынешних бесчисленных «сбоях питания» – и должны быть в состоянии помочь другим «видеть», чтобы они тоже могли достичь своей цели. Для этого нам нужны просветленные духовные очи, которые может дать нам только Дух (Еф. 1:18).

Теперь возникает вопрос: как «работают» эти отношения между Духом и проповедником? Каковы его характеристики и последствия? Можно ли их «гарантировать»?

Особенно в своей так называемой «первой фазе» занятия теологией Карл Барт (1924:103) ответил бы решительным «нет»! к последнему вопросу. Для него самый важный вопрос, который можно было бы задать в проповеди, – это не столько «Как подготовить проповедь», а скорее: Как можно (осмелиться) проповедовать? По этой причине мы должны сосредоточиться, в первую очередь, не на методологии, а на чуде проповеди и молитве к Духу: *veni, creator spiritus* (*приди, Дух-Творец*)... (КД IV/3:579 и далее).

Единственной «системой», которую принял бы Барт (1924:13), было бесконечное качественное различие между Богом и людьми (со ссылкой на Кьеркегора) со всеми его негативными и позитивными последствиями. Бог говорит прямо сверху, и никакой метод не может опосредовать это говорение. Только когда посредством действия Духа Слово поражает человека, как молния поражает дерево, человек может воздать должное Богу. Все остальное исходит от людей и напрасно....

Создается впечатление, что Барт рассматривает работу Духа и работу проповедника как два основных антиполюса или, по крайней мере, как два полюса, которые лишь изредка невольно сближаются. Дух приходит и уходит, когда Ему заблагорассудится, говорит, где и когда пожелает (ср. критические комментарии Борена, 1963:111 и далее).

Напротив, Рудольф Борен (1971:77) спрашивает Барта: почему не может быть никакой методологии, когда Бог говорит, а Дух действует? Борен не хочет рассматривать работу Духа и методологию человека как антиполюсы, а только как различные аспекты взаимоотношений между Богом и людьми. В этой связи ученый (1974:74 и далее) решительно склоняется к концепции, которую впервые ввел Арнольд ван Рулер, а именно: **теономической взаимности**. С помощью этой концепции оба хотят выразить, с одной стороны, тот факт, что отношения между Богом и людьми – это отношения, которые возникли и поддерживаются на основе Божьей инициативы (теономии),

и, с другой стороны, что человеческое действие является реальным компонентом этих отношений, следовательно, имеющим особую ценность. Поэтому, говоря о проповеди, Борен может таким образом подчеркнуть важность методологии, поскольку ***Дух и методология не должны быть в противоречии.*** Однако, через всю эту взаимность, вся честь отдается Богу, Его действие делает все возможным – Бог создал нас такими, какие мы есть сейчас: во Христе Иисусе Он создал нас, чтобы посвятить нашу жизнь добрым делам, для которых Он предназначил нас (Еф. 2:10).

Эта теонимическая взаимность не должна пониматься как своего рода отождествление Бога и людей, где в конечном итоге нельзя различить, кто что делает, или как теория, в которой люди дополняют Божью работу, т.е. приводят ее к исполнению, но как способ, которым выражается библейский взгляд на Божью благодать и человеческую благодарность.

Это означает, что *Бог иницирует и поддерживает отношения между Собой и людьми, но также и то, что это подлинны отношения, в которых человеческая доля является незаменимым элементом.* Эти отношения возникают не произвольно, а благодаря длительной работе пребывающего в нас Духа. Поэтому это остается чудом, которое все еще может быть выражено в молитве, но «человеческое и выполнимое» также приобретает особую ценность (Борен 1971:78).

Хотя мы никогда не сможем постичь или контролировать Духа, Он все же пришел, чтобы остаться! И, подчеркивает Борен, *Он остается с нами, чтобы мы могли начать творчески «сотрудничать», в том числе в процессе подготовки проповеди.*

С одной стороны, Дух дает нам свободу для методологии, создает пространство для всего, что полезно для использования: науки, искусства, техники, поэзии и т. д. – серия замечательных «вспомогательных средств» для провозглашения. Особенно после Пятидесятницы проповедь приобрела

многоголосый, многоцветный характер в соответствии с действиями Духа не только в творении, истории и культуре, но особенно в церкви. Дух сотрудничает с нами настолько, что его работа больше не ограничивается «мгновениями молнии», а скорее принимает характер длительного пребывания (Сильерс 1994:251-255).

С другой стороны, *эта свобода подразумевает творческий подход к методологии*. Можно пробовать все. Проповедь – это игровой акт, в котором проповедники могут использовать слова, различные возможности, углы зрения, в котором они должны быть восприимчивы к вдохновению и метафорам, чтобы как можно лучше сказать: «Царство Небесное подобно...!»

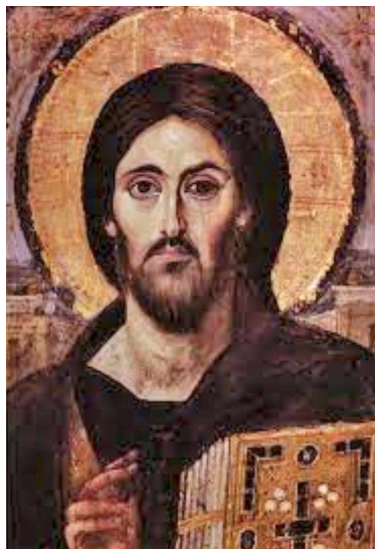
7. Дух делает нас творческими... но как?

Дух делает нас творческими и в этом процессе включает то, что действительно человеческое и выполнимое. Теперь возникает вопрос: что такое творчество? Как это «работает»?

7.1 Взгляд с высоты птичьего полета на историю творчества

Ричард Керни (Richard Kearny) описывает историческое развитие творчества с помощью классического трехчастного деления истории на эпохи **премодернизма, модернизма и постмодернизма** и представляет ряд типичных произведений искусства, художественно-исторических примеров, характерных для этих эпох и поразительно отражающих основные отправные точки каждой. Произведения искусства – это, так сказать, эстетическое проникновение в миры воображения этих периодов. Чтобы ограничить эту тему, я сосредоточусь только на характерных изображениях человеческого лица – в надежде, что мы также узнаем что-то от «лица» соответствующих периодов.

Первая картина представляет фазу премодернизма и называется «**Христос Вседержитель**». Сразу бросается в глаза, что художник ее **не подписал** – характерно для многих икон

«Христос Вседержитель» (11 век н.э.)

этого времени. Это уже указывает на то, что речь не идет (может и не идти) об индивидуальном творчестве или оригинальности – самое большое, произведение искусства можно отнести к одной из великих византийских школ или, в целом, к иконографии Средневековья. Акцент делается не на процессе искусства, а на истине, которую оно должно опосредовать. Его основное послание: эта работа носит сакраментальный характер, **она указывает на более великую Реальность**, а именно на Сына

Божьего, и, что наиболее глубоко, на Самого Бога. Таким образом, речь идет скорее **о Тайне, стоящей за изображением, чем о самом изображении.**

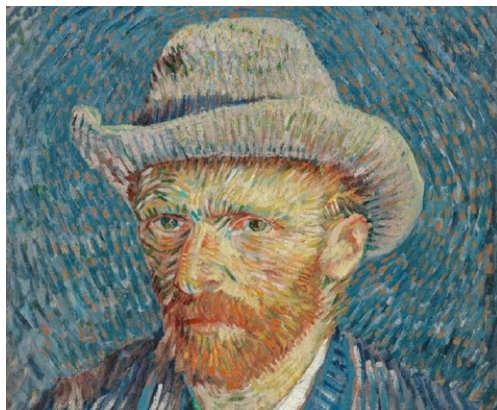
Поэтому понятно, что существовали такие строгие правила и формулы, в соответствии с которыми художники того времени должны были работать, стандартные процедуры нанесения краски и строго предписанная и ограниченная палитра – чтобы **исключить всякое участие художника как художника в посредничестве Самого Творца.**

Невыразительные глаза икон замечательны: они приглашают зрителя заглянуть в них и увидеть проблески вечности в их спокойных озерах. Глаза функционируют как порталы в сверхчувственную трансцендентность Бога, а не для того, чтобы зритель видел только выражения лица и ощущения человека. Иконы обладают своего рода **теоцентрическим** качеством, вызывающим у зрителя желание поклоняться Богу посредством изображения (Керни 1988:9). Таким образом, в этих образах игра воображения с самого начала затруднена и стереотипна; **церковь**

институционально препятствует любой выразительности, реализму или правдивости жизни.

Автопортреты, типичные для эпохи модернизма, совершенно другие. Хорошим примером является Винсент ван Гог, у которого акцент делается на **образе как средстве человеческого самовыражения.**

Здесь теоцентризм сменяется антропоцентризмом, эстетической субъективностью. Основной гуманистический эффект уже очевиден – в отличие от искусства премодернизма – в ори-

Винсент Ван Гог. «Автопортрет» (ок. 1888 г.)

гинальности цвета и сильной манере письма. Здесь человек занят творчеством, который не стесняется выразить свое существование на холсте – даже если это просто его болезненное существование.

Таинственная молитва превратилась в экзистенциальный крик.

Спокойные, бездонные глаза Христа с иконы превратились в глаза, полные боли и тревоги, даже безумия. Здесь больше нет попытки воспроизвести вечную реальность, но произвести (ускользающую) реальность – вплоть до безумия.

Под страданиями Ван Гога скрывается вера в то, что человек может ухватиться за истину, или, что предпочтительнее, что сам человек может изобразить эту истину. От этого смещения акцентов, которое уже имело место в итальянском Ренессансе, не требуется большого воображения (!), чтобы прийти к гуманистическому позитивизму полнокровного модернизма. *За этим позитивизмом стоит вера в то, что люди*

способны на неизмеримо многое, что мы, например, можем позволить истине, стоящей за/под/во всех других истинах, выкристаллизироваться с помощью науки и рационального мышления.

Пабло Пикассо. «Плачущие женщины» (1937)

Например, мужской шовинист был бы обеспокоен таким образом женщины, поскольку автономия и объективность его стереотипного восприятия женщин были бы затронуты в самой его основе. Потому что, кто эта женщина на самом деле? Мать? Мадонна? Шлюха? Или, с другой стороны, (индоктринированная и стереотипная) женщина может спросить: но разве у меня тогда больше одного лица? Есть ли другие возможности моего существования? Измерения, которые я еще не открыла в себе?

Нерепрезентативная, многоперспективная картина Пикассо заставляет нас заново рассмотреть **пропасть, существующую между тем, что мы наблюдаем, и тем, что является реальностью**, и о возможностях того, кем мы могли бы стать.

Образы лица **Пабло Пикассо** говорят на другом, **постмодернистском** языке. В серии под названием «Плачущие женщины Пикассо», в которой, в частности, очевиден его кубистический подход, представлен не единый рациональный, а различные фрагментированные и субъективные взгляды на женщин. Таким образом, Пикассо заставляет нас заново **задуматься о пределах наших знаний**.

Картины, подобные этой, демифологизируют представление о том, что наши предвзятые концепции обязательно являются «объективными дубликатами» того, что реально. Они разрушают до основания формирование стереотипных представлений.

Эстетическим результатом этого процесса **деконструкции** является одновременно возвышенная неопределенность и удовольствие. Неопределенность возникает из-за *осознания того, что мы не можем знать объективно наверняка*. Но есть еще и удовольствие от освобождения из безжизненной и скучной концептуальной тюрьмы. Ощутить свежесть и новизну – в этом и заключается радость открытий. Здесь человек вырывается из коллективного, прозаического, и идет на риск. Здесь среднее остается позади, и вы всплываете в неизвестные воды. Здесь человек играет с восприятиями, а не ловит их и помещает в клетку или под блок. Здесь человек танцует вокруг истины, а не хватается за нее стальной хваткой и формирует ее в соответствии со своим желанием (для подробного обсуждения творчества Пикассо см. Линн (Linn) 1996:97 и далее).

Однако постмодернистское искусство может также принять **другие, более циничные обличья**, как это изображено в работах Энди Уорхола. Типичный пример - его сериография о Мэрилин Монро. Здесь мы видим, как теоцентрическая парадигма иконографии и антропоцентрическая парадигма автопортрета освобождают место для **эксцентричной парадигмы пародии**.

Энди Уорхол. «Сериография Мэрилин Монро» (1987)

Все типичные черты постмодернизма очевидны в этом произведении искусства: оно эклектично и не претендует

на оригинальность или на изображение «объективной реальности». На самом деле, эта форма постмодернистского искусства не создает оригиналов, она просто воспроизводит то, что уже существует или существовало. Она полностью **скептически относится к любой форме искусства, которая намеревается претендовать на (изображение) истины и пародирует ее.** Самый глубокий стимул этой формы постмодернистского искусства состоит в том, чтобы **очернить притворство модернизма**, проткнуть насквозь и разоблачить как ложь утверждения контролирующего автора, порядок повествования и метафизическую глубину. Она отвергает магический статус гуманистического воображения и провозглашает «конец искусства».

Искусство становится антиискусством; оно больше не рассматривается как прыжок в будущее, а просто повторение данных из прошлого, таких как скучный повторный просмотр старого фильма, до бесконечности. Да, это искусство звучит похоронным звоном для творчества, воображения и «изначальной правды». Пародируя, постмодернисты танцуют на могиле современного идеализма. Возможно, вы могли бы назвать этот танец «игрой», но это танец, который издевается, игра, которая ломает – до самого дна.

По словам этих пародирующих могильных танцоров, все, что остается, – это *изобразить современный потребительский менталитет и коммерциализацию духа* или, предпочтительно, воспроизвести его технологически. Это больше не отдельные люди, которые что-то иницируют; а глобализованная система, которая только воспроизводит. *Это мир, полный банок из-под кока-колы и голливудских Мэрилин Монро, мир без глубины и оригинальности; мир, в котором произошла полная инверсия фактов и вымысла.* (Как гордая мать сказала своей подруге, которая восхищалась ее играющим ребенком: «Это ничто, подожди, пока не увидишь его фотографию!») На самом деле,

это мир, в котором произошло полное ниспровержение фактов и вымысла: вы больше не знаете, что есть что.

Типичное постмодернистское искусство такого рода получает удовольствие от своей собственной поверхностности, своего собственного псевдостатуса и своей собственной репрезентативной искусственности. Оно *противоречит таким понятиям, как «глубина», «истина», «объективность» и «нормативность»*. В этом ирония нашего времени: в то время как мы окружены образами (кино, телевидение, компьютеры), человеческое воображение (основанное на образах) находится под угрозой в своей самой глубокой сердцевине (ср. Керни 1988:1-3).

В то время как **премодернистская** парадигма была **миметической** по своей природе (искусство, которое, подобно зеркалу, отражает Божественный образ), а **модернистская** парадигма, в свою очередь, была **производящей** по своей природе (художник, сам по себе, подобен лампе, которая производит / создает свет), **постмодернистская** парадигма полностью **пародийна** по своей природе (она также отражает, но не как зеркало, а скорее как зеркало в зеркале, лабиринт бесконечных репродукций прозаических, коммерциализированных поверхностей).

На **премодернистском** этапе художники рассматривались как имитаторы творения или дубликаторы «оригинального» творческого процесса Создателя. В **модернистский** период Возрождения, романтический и экзистенциалистский гуманизм заменяет теоцентрическую парадигму художника на антропоцентрическую парадигму оригинального человеческого творца.

Постмодернизм переворачивает все это: оригинальный человек-творец теперь становится эклектиком, тем, кто играет с фрагментами смысла, которые он не создавал. Художник становится «игроком», блуждающим в анонимном взаимодействии образов, которые он может пародировать, имитировать или воспроизводить.

7.2 Чему мы можем научиться из этой истории?

Теперь возникает вопрос: чему мы должны научиться у **постмодернизма** – эпохи, в которую мы сейчас живем? В конце концов, мы не можем и не должны возвращаться к *премодернизму*. Хотя цель последнего убедить нас в существовании объективной Реальности (и, следовательно, в проповеди, *указывающей на Бога с кафедры!*), он также соблазняет нас как бы притупить оригинальность проповедника как художника, подавить всю гомилетическую поэзию (и, следовательно, *уничтожить человека на кафедре!*).

Мы не можем остановиться на модернизме – он снова выводит человека на сцену, но слишком амбициозно, слишком бесконтрольно, слишком доминирующе. *Акцент на человеке как на суверенном, автономном источнике всякого смысла причинил достаточно вреда!*

А постмодернизм? Он освобождает нас на некоторое время, но – здесь я говорю из эстетических соображений – также бросает нас в новое рабство.

Он освобождает нас на некоторое время: нам нужны плачущие женщины Пикассо, поскольку это напоминает нам о пределах нашего притворного, тоталитарного понимания истины, это помогает нам преодолеть модернистский террор 20-го века (Линн (Linn) 1996:100). Нам нужен этот вид искусства (читай: проповедь), потому что, помимо «прекрасного» репрезентативного искусства, которое укрепляет нас в нашей иллюзии, что все под контролем и что наш концептуальный порядок полностью сохранен, возвышенное, нерепрезентативное искусство Пикассо напоминает нам о наслаждении игрой с тем, что мы не можем понять, радость общения с Неизвестным, Совершенно Другим. Это напоминает нам о нашем детстве, о нескрываемой радости творческой игры без цензуры!

Однако **постмодернизм также бросает нас в новое рабство.** Даже детская игра и неразбавленная фантазия развиваются только в определенных пределах. Как уже указывалось, некоторые

формы постмодернизма, действительно, приводят к вырождению и окончательной смерти творчества.

С Пикассо человек все еще находит радость в творческом процессе, на самом деле весь процесс направлен на это – на радость открытия. Если вы дотянетесь до самого дна, вы почувствуете бурление альтернатив. С Уорхолом радость ушла через черный ход. На дне вы не найдете ничего или, самое большее, конопатый юмор и горький цинизм. Хотя критика модернизма оправдана и жизненно важна, альтернатива, которую предлагает эта специфическая форма постмодернизма, слишком ужасна, чтобы ее рассматривать.

Поэтому мы должны различать определенные формы постмодернизма. На мой взгляд, тип, который представляет Пикассо, действительно освобождает нас для игры в проповедь (ср. еще раз 2.6). Это учит нас относиться к себе менее серьезно, а также открывать и развивать в игровой форме то богатство, которое есть – то, что мы получили.

8. В чем заключается суть творчества?

Итак: как мы должны определить творчество? В чем его суть? Действительно, существует множество философских, образовательных, неврологических и других определений этого понятия. В широком смысле можно сказать, что это процесс, посредством которого происходят инновационные комбинации или ассоциации существующих элементов с практическим применением: *«Быть творческим состоит в создании новых комбинаций ассоциативных элементов, которые полезны»* (по словам невролога Мартиндейла (Martindale)).

Возможно, можно было бы сказать: чем более необычны или удивительны комбинации и чем шире их практическое применение, тем более творческим является процесс, который их вызвал. Я предпочитаю относительно простое определение известного педагога Де Боно:

«Творчество – это выход за рамки устоявшихся шаблонов, чтобы взглянуть на вещи по-другому». На самом деле все зависит от способа наблюдения, восприятия. То, как человек наблюдает, определяет, как он создает – или не создает (ср. еще раз 3.7).

Далее мы могли бы сказать: воображение (творчество) – это то, что случается с вами, – нет никакого рецепта, который гарантировал бы это, – хотя это также то, чему вы должны и можете научиться.

8.1 Творчество – это то, что «случается» с вами

Что касается этого «случающегося с вами»: это неврологический факт, что сфокусированное внимание часто является самым большим камнем преткновения на пути к поиску решения, что оно, так сказать, заставляет синапсы мозга закрываться, как шлюзы. Что необходимо, так это **«расфокусированное внимание»** (Мартиндейл), расслабление и отдых после трудной борьбы с проблемой – расслабление и отдых, которые часто приводят к *искре озарения* для поиска ответа.

Это может поразить вас в самое необычное время и в самых необычных местах, например, в душе, во время пробежки или работы в саду и так далее. Иногда первые несколько секунд после пробуждения утром являются самыми творческими за весь день! Что случилось? У вашего мозга было время переварить полученные данные и создать новые связи и ассоциации. На самом деле, некоторые из величайших изобретений всех времен пришли к изобретателям таким образом: под яблоней, в ванне, полной воды, лежа, растянувшись на колышущемся кукурузном поле....

Если и есть один способ не быть творческим, то это слишком усердно стараться быть творческим!

Хорошая новость для проповедников заключается в следующем: чтобы проповедовать, вы должны не только усердно работать над текстом, но и уметь **мягко расслабляться вокруг**

текста! Но также: чтобы **проповедовать, вам нужно время**, вы не можете – с точки зрения неврологии и методологии – начинать готовить свою проповедь в субботу днем. Никогда не бывает слишком рано для начала подготовки проповеди и никогда не бывает слишком долго для ее подготовки. В понедельник днем может быть уже слишком поздно, а в субботу вечером может быть слишком рано останавливаться....

8.2 Творчество – это также то, чему вы должны «научиться»

Ранее мы видели, что для проповедников крайне важно смотреть на все вокруг по-другому, как хорошие художники наблюдать глубже и в мельчайших деталях, в конечном счете, видеть невидимого Бога. Мы также рассмотрели очки, а именно Священное Писание, через которые мы должны смотреть, если хотим увидеть этого невидимого Бога. В начале этой главы мы напомним друг другу, что наши глаза должны быть открыты, прежде чем мы сможем смотреть сквозь очки, чтобы увидеть невидимого Бога, и что Дух, и только Дух может открыть нам глаза таким образом.

В основе всех этих трех «провидческих процессов» лежит новое творчество, творчество, которое мы получили в дар от Бога, но над которым мы, люди, также должны работать со всем, что есть в нашем распоряжении. Есть творческие люди, или, скорее, люди, которые по своей природе более креативны, чем другие. Это бонус, который, тем не менее, должен быть освящен Духом. Однако есть и хорошая новость: даже люди, которые (считают себя) «нетворческими», могут обрести творчество, которое также должно быть освящено Духом.

Творчество «случается», но также «изучается». И то, и другое – дары Духа!

Цель следующих комментариев – которые являются лишь одним примером из психологии творчества – состоит в том, чтобы помочь в этом «обучении» творчеству в провидческих

процессах подготовки проповедей. В любом случае, он формулирует проверенные неврологические истины классическим способом, истины, которые влияют на нас независимо от того, осознаем мы их или нет.

8.2.1 Четыре этапа творческого процесса

Проповедовать – значит творить, значит быть творческим. Чтобы быть в состоянии делать это, требуется нечто большее, чем просто знание необходимых экзегетических методов и понимание потребностей общины. Основываясь на древнем тексте Библии, проповедник должен сказать что-то новое, что-то захватывающее, возможно, что-то тревожащее, таким образом, чтобы прихожане услышали это как подходящее и уместное слово для них и для их времени.

Для этого проповедникам нужна креативность, и они должны создавать «продукт», сопоставимый с любым научным или художественным дизайном или творением. Как уже говорилось ранее, общие «правила», а точнее, **психология творчества**, применимы и к проповеднику как творческой личности.

В связи с этим Манфред Джосуттис (Manfred Josuttis) соглашается с **классическим неврологическим различием четырех фаз творческого процесса** (см. Мартиндейл (Martindale) 1981:103; также Эрика Ландау (Erika Landau) 1969:66), которое можно довольно легко применить к процессу создания проповедей, а именно: закладка основания (подготовка), развитие (инкубация), прояснение (просветление) и формирование (проверка).

Первый этап процесса создания проповеди: Подготовка

На этом этапе подготовки проповеди человек собирает как можно больше информации и как можно шире, почти как губка, впитывает все. Текст Библии, на котором будет основана проповедь, должен быть определен как можно скорее, а также все материалы, которые могли бы способствовать

пониманию и актуализации этого текста. Необходимо учитывать все соображения, касающиеся собрания, то есть факторы, которые для них могут быть либо актуальными, либо мешающими.

Здесь проповедникам нужна своего рода чувствительность в своих наблюдениях (ср. 3.6) и наивность при интерпретации этих наблюдений, то есть *открытость для импульсов, без слишком сильной цензуры, категоризации или стереотипизации*. Здесь они должны признать, что кажущиеся незначительные заявления в тексте или события в собрании, возможно, могут сыграть решающую роль в окончательной структуре проповеди.

Они не только должны спросить: что меня поражает в этом тексте? но также: что меня не поражает?, и: почему нет?

Необходимо сопротивляться стремлению сходу решать, что важно, а что нет. Стереотипов, которые хотят преждевременно охватить весь объем текста и заявлений и вопросов прихожан, следует намеренно избегать, а скорее отмечать необыяснимое, экстраординарное или невероятное. Таким образом, создается более широкая база, на которой и из которой может развиваться реальный творческий процесс. Если кто-то хочет слишком быстро пройти подготовительный этап, это неизбежно приведет к ограничению творчества. Тем, кто уже в понедельник желает написать свои проповеди, возможно, придется переписать их в субботу!

Второй этап процесса создания проповеди: Развитие (инкубация)

Переход между фазой подготовки и фазой развития (как и другими фазами) не обязательно следует хронологически. Различие между этими двумя, возможно, заключается в том факте, что **развитие (инкубация) в основном происходит в подсознании** (где происходит семь восьмых функций нашего мозга) или во время практики **«расфокусированного внимания»**.

Стремясь к решению, проповедники хранят и переваривают в своем подсознании информацию, собранную на этапе подготовки. Даже если проповедники совершенно не осознают этого, они заняты проповедью – будь то во время визитов на дом, заседания церковного совета или на поле для гольфа.

Одним из важнейших элементов процесса подготовки проповеди является сон, для которого некоторые служители, естественно, не нуждаются в дополнительном поощрении! Возлюбленному своему Господь посылает сон (Пс. 126:2)!

Рудольф Борен сказал: *«возьмите текст с собой в ночь, доверьтесь тексту, он идет своим чередом вместе с нами; доверьтесь также Духу – в конце концов, Он также Господь нашего подсознания....»*

Внимание: человек может растянуть не только подготовительную фазу слишком надолго и стать слишком перегруженным и напряженным, чтобы быть творческим, но и слишком растянуть инкубационную фазу и стать слишком разгруженным и расслабленным. Те, кто все время хочет спать, не произнесут, не мудрствуя лукаво, блестящую проповедь в воскресенье.

Психологи, занимающиеся творчеством, отмечают, что эта фаза, во время которой собранные идеи и разнообразные возможности мелькают в подсознании, **может быть очень тревожным и разочаровывающим временем для человека.** Часто это сопровождается чувством неполноценности и заметно более высоким уровнем раздражения. Вы постоянно обдумываете возможность использования другого текста для своей проповеди. Или возьмете сборник проповедей, из которого можно извлечь готовую проповедь. Или думаете о том, чтобы найти кого-нибудь другого для проповеди или попросить врача диагностировать болезнь. Вы даже отчаиваетесь в своем призвании и рассматриваете другую профессию. Не теряйте надежды: **мы создаем что-то новое не из вакуума, а из хаоса** (М. Шелли (M. Shelley)). И человек должен содержать хаос, чтобы иметь возможность родить танцующую звезду (Ницше)! Любая

хорошая проповедь, вероятно, — это проповедь, над которой сначала было отчаяние!

Затем приходит время идти и играть. Это означает не гольф или что-то подобное, хотя, как видно выше, он также имеет определенную проповедническую ценность! Здесь я скорее думаю о творческой игре снаружи, но особенно *внутри сообщества верующих, игре, в которой многие возможности, заключенные в тексте, разделяются, ставятся под сомнение и рассматриваются в свете различных точек зрения и опыта.*

В первую очередь, речь идет не о достижении определенного «понимания» текста, а скорее об удовольствии от текста, радости от его созерцания (Пс. 1:2); да, речь идет об удовольствии и радости в Самом Боге. В конце концов, это игра (см. 2.6), в которой человек имеет дело с текстом почти наивно, и он скорее отмечает первые впечатления или реакции, которые текст вызывает у вас и других, чем разгадывает его когнитивно и в мельчайших деталях.

Здесь речь идет скорее о **коллективном опыте текста**, чем об индивидуальном разъяснении текста. На практике это означает, что проповедники могут совершать свои обходы в собраниях, и в ходе дискуссий члены церкви могут выкладывать на стол свои собственные сомнения и вопросы, а также идеи и восклицательные знаки в надежде, что об этом может состояться беседа за столом в Божьей семье, чтобы обогатить и сделать период развития проповеди более терпимым. На самом деле, *совместная с общиной творческая игра с текстом имеет важное значение на всех этапах* (см. модели для групповых обсуждений проповедей в 5.4).

Третий этап процесса создания проповеди: Прояснение (просветление)

Эта фаза часто начинается с ага!-опыта, искры, молнии, в которой вы видите все четко, как никогда раньше, «когда план собирается вместе». В основном это происходит спонтанно,

когда собранный материал, который шевелился в вашем сознании на этапе развития, внезапно начинает приобретать определенные контуры, становится «упорядоченным» и начинает «вставать на свои места».

Вспомним наше первоначальное определение креативности: когда два расходящихся элемента связываются инновационным, ассоциативным способом для выполнения определенной новой функции. В проповеди существует творческий момент, в котором происходит или, предпочтительно, *обнаруживается инновационная связь между миром текста и миром собрания, в результате чего в собрании начинается новая реакция или послушание.*

Внезапно проповеднику становится ясен угол падения текста по отношению к прихожанам или наоборот, и он видит как будто в первый раз. Тогда наши глаза открываются на реальность невидимого Бога в свете реальности собрания (Евр. 11:27; также 3.6). Поэтому эту фазу прояснения также можно назвать фазой **видения**, в которой **наши духовные глаза настолько просветлены** (Еф. 1:18), чтобы **видеть мир и собрание в этом мире через очки конкретного текста** (ср. главу 4). Внезапно рождается видение, и очки становятся незамутненными по отношению к Богу и к миру...

Теперь вопрос «Как Бог текста действует в мире собрания?» отвечен по-новому. На этапе *прояснения* осознается актуальность текста, будь то в связи с миром или в противоречии с ним. Это может быть в форме вопроса текста миру или наоборот, но, в любом случае, это будет представлять собой кристаллизацию, искру понимания того, как по-новому стимулировать диалог между текстом и реальностью. **Здесь творчество «случается»** (6.8.1).

Как уже говорилось ранее, эта новая связь или мост может заключать в себе сходство или аналогию между миром текста и миром собрания, хотя с этим нужно обращаться с большой осторожностью. В проповедях часто бывает так, что человек

так отчаянно ищет сходства, что экстраординарность, трудно-разрешимость текста ограничивается.

Индикативные заявления превращаются в параноидальные призывы; тексты, предназначенные для народа Божьего, индивидуализируются; эсхатологические измерения национализируются; короче говоря, отрицается многообещающая структура текста. Диалог или взаимодействие между текстом и реальностью неправильно понимается как компромисс. Ничто так не ограничивает творчество, как компромиссы.

Поэтому *творческая проповедь должна скорее искать контраст между текстом и реальностью, конфликт интересов, для того, чтобы изменить реальность, повернуть ее в сторону Божьего мира, который провозглашается в библейском тексте.*

Четвертый этап процесса создания проповеди: Формирование (проверка)

Следующий этап, этап *формирования*, проверяет и структурирует найденное *прояснение* до тех пор, пока оно не станет целесообразным для проповедника и прихожан.

В определенном смысле это самый сложный из всех этапов, потому что теперь субъективное понимание должно быть выражено в объективных, символических формах (например, в языке), а *прояснение* должно быть передано функциональным способом. Теперь нужно найти слова, которые, подобно ледорубам, смогут разбить замерзшие озера в сердцах слушателей (Кафка (Kafka)). Теперь **то, что вы «видели», должно быть преобразовано в «словесные картинки», чтобы слушатель тоже мог «увидеть» это.**

В то время как *фаза* *прояснения* направлена на поиск моста между текстом и миром, *фаза формирования* должна привести к тому, что этот мост будет построен таким образом, чтобы движение между текстом и миром стало возможным.

Как это должно быть сделано? Проповедники боролись с этим вопросом на протяжении многих лет. Классическая модель состояла в том, чтобы иметь (разумно стереотипные)

«рамки», в которых может быть сформировано экзегетическое «послание» – метод, который часто упускает из виду динамику текста и, действительно, застывает в нем. В конце концов, не все тексты содержат три или шесть пунктов; не все тексты содержат предвзятую «теологию» проповедника.

В своей интересной книге «Как человек без власти» («As one without authority») Фред Крэддок (Fred Craddock) намеренно хотел вырваться из этого схематизма. Он призывает к «индуктивному» процессу, что означает, чтобы *проповедник смог свое пережитое открытие с текстом переложить в проповедь таким образом, чтобы прихожане **задерживали дыхание, следили за захватывающими поворотами текста*** и восклицали: ах! Проповедь должна держать прихожан на краешках стульев в ожидании: что мы услышим дальше? Она должна содержать элементы неожиданности, которые не разглашаются преждевременно или не фиксируются в ожидании в схеме.

Это не означает, что проповедники должны «структурировать» или «нагнетать» благоговейный трепет искусственным образом во время проповеди и богослужения, но что **благоговение**, которое они испытывали, особенно на этапе прояснения, должно быть перенесено на их проповеди и богослужения и должно сохраняться там и даже усиливаться! Проповедь – это не просто описание благоговения, но выражение его и страсть к нему (Кьеркегор), которые постоянно ощущаются в стиле проповедника. *Внутренняя структура проповеди – какую бы форму она ни принимала – остается структурой молитвы (Борен).*

Книга Юджина Лоури (Eugene Lowry) «Гомилетический сюжет» («Homiletical plot») следует другим путем. Он сильно подчеркивает парадоксальность библейского послания. Проповедь должна **намеренно нарушать равновесие слушателей**, заставлять их напрягаться или, по крайней мере, побуждать их задавать вопросы, которые в противном случае они бы не задавали. И Крэддок, и Лоури хотят вернуть творчество и вдохновение в формирование проповеди, сознательно

хотят отойти от статичной схемы и позволить акценту упасть на открытие свежести и непохожести Евангелия.

Нечто подобное очевидно в книге Дэвида Баттрика (David Buttrick) «Гомилетика». Он использует аналогию с фото-камерой и хочет продемонстрировать, что человеческий интеллект и наблюдательность работают таким же образом: *если вы можете «увидеть» что-то, это окажет на вас гораздо большее влияние, чем просто стерильная информация*. Поэтому проповедь должна **представлять прихожанам одну картину или фотографию за другой**, чтобы они в конце концов могли сказать: «Я видел полную картину». Один четкий кадр или «идея» следует за другим – точь-в-точь как в хорошем фильме, и таким образом приглашает зрителя в удивительный мир.

В процессе строительства моста между текстом и миром, к счастью, не только проповедник планирует и строит, но, как видно из главы 5, община действительно играет важную роль. По крайней мере, **во время динамичного события произнесения проповеди** и богослужения должно быть место для того, чтобы проповедь служителя также формировалась, росла и развивалась неожиданным образом, также и отличным от того, что точно планировал проповедник. Наши лучшие проповеди «случаются» не только в кабинете, но особенно и на кафедре!

В заключение я действительно должен еще раз подчеркнуть, что творческая связь проповедника с текстом не обязательно гарантирует творческую проповедь. Проповедь – это творческое событие, в котором Святой Дух играет решающую роль (ср. 6.6). Работа Духа окружает текст, собрание, служителя и все творческие процессы, которые могут сыграть определенную роль – в противном случае наше творчество вырождается в простой инструмент церковных манипуляций.

Дух окружает все наши усилия! Таким образом: если вы хотите творчески проповедовать, то вы не можете не призывать постоянно:

VENI, CREATOR SPIRITUS! ПРИДИ, ДУХ-ТВОРЕЦ!

9. Проповедь как воображение

В первой главе этой книги мы отмечали, что в нашем обществе начинает все больше и больше укореняться **культура образов**. Естественно, эти события не оставили проповедника равнодушным. В гомилетике (искусстве проповеди) обнаруживается все больший и больший переход от риторического совершенства к творческому подходу (воображению), в котором *акцент делается на важности образа* и способности творчески подходить к Писанию (Уоллес (Wallace) 1995:8). Риторика, как классический способ убеждения кого-то сейчас, например, вторична по отношению к поэзии как искусству *создавать* или *формировать* с помощью слов.

Этот акцент на образах и воображении сопутствует появлению так называемой **нарративной** (повествовательной) проповеди, которая, в частности, заключается в том, чтобы восстановить природу самого Писания как великой истории *о встрече Бога с людьми* и которая также желает относиться к людям, как к адресатам, чрезвычайно серьезно. Поток книг и статей о проповедовании выразил этот новый интерес: Уоллес 1995, Троегер 1990, 1982 и 1987, Брюггеманн 1995, Уилсон (Wilson) 1988 и Ригерт 1990, и это лишь некоторые из них, чтобы возбудить ваш аппетит.

Акцент на образах в проповеди не должен восприниматься как новый, простой рецепт. Поэтому то, что я хочу сказать в этой связи, является, самое большее, *точкой зрения*, в определенном смысле *экспериментом*, который не может существовать сам по себе, но всегда должен практиковаться в сочетании с другими способами проповеди. Руководящие принципы, которые я представляю, служат всего лишь предложениями, требующими критической и творческой оценки.

Для ясности я различаю по крайней мере **четыре уровня, на которых может функционировать термин «образ»:**

- **Невербальные представления** о том, что находится в человеческом мозге. Сюда можно было бы включить (ночные и дневные!) сны. В связи с этим некоторые психологи ссылаются на архетипические структуры сновидений, так сказать, первичное запечатление, в котором сконцентрировано человеческое существование. Они посвящены рождению, жизни, сексуальности, тревоге, стыду, смерти и так далее (архетипический психолог Джеймс Хиллман (James Hillman 1979) называет это «языком души»).

- **Образы, которые вербализуются в языке.** Среди них целый спектр грамматических возможностей, таких как аллегории (символические представления абстрактного понятия); сравнения (фигуры речи, в которых сравниваются две вещи, обычно с использованием слова «как»); притчи (символические истории из повседневной жизни, особенно для изложения религиозной истины, например, когда Иисус говорит: Царство Божье подобно...); метафоры (образные выражения, основанные на сравнениях) и т. д.

- **Визуальные образы** – такие, как те, которые распространены в нашем обществе (телевидение, компьютеры, фильмы и т.д.) и которые направлены на то, чтобы вызвать определенную реакцию у людей.

- **Образы, заключенные в текстах,** в частности, в библейских текстах. Моя отправная точка заключается в том, что в библейских текстах содержатся определенные базовые образы, без которых мы, люди, не можем жить, образы самих себя, Бога, нашего мира; образы, которые, естественно, также должны быть выражены лингвистически в форме метафор, притч и т. д.

Шарниры общества вращаются вокруг образов. На мой взгляд, и в проповеди мы не можем пренебрегать этим. Однако **развитие проповеди, как образного процесса,** должно происходить сбалансированным образом и действительно учитывать следующее:

9.1 Мозг и образы: нейро-когнитивная интеграция

В «мышлении образами» нет ничего нового – это неврологический факт. Однако мы должны позаботиться о том, чтобы не думать односторонне об этой функции мозга. Неврологи выделяют не менее восьми нейрокогнитивных систем, которые должны взаимодействовать, чтобы мозг функционировал оптимально.

Различие между так называемыми «левополушарными» и «правополушарными» людьми является упрощенным и даже искусственным. Максимум, что мы можем сказать, это то, что правое полушарие мозга (т.е. образ и воображение) лучше работает при поддержке других нейрокогнитивных систем, и что, *вероятно, это та область, которая должна лучше применяться в процессе коммуникации (в нашем случае проповеди)*. **Правое полушарие** функционирует невербально, визуально-пространственно, музыкально, лингвистически-прозаически, холистически или целостно. Придача **визуальной формы** содержимому сообщения может способствовать когнитивной обработке в целом. Или, другими словами: вербально-последовательная система мозга, или **левое** полушарие, может быть лучше интегрирована благодаря визуальной поддержке в **правом** полушарии, таким образом способствуя общей функции мозга.

Например, **слова, которые изображают образы, воспринимаются гораздо лучше, чем слова, которые просто связывают (абстрактные) понятия логико-аналитическим способом**. Существует огромная разница между заявлением: «помогайте другу таким образом, чтобы не подвергать его опасности», и образной речью, или метафорой: «Не смахивайте муху с носа друга кувалдой». Одно вы слышите, но другое вы «видите»!

Многие проповеди читаются так, что вы, действительно, ничего не видите – ни Бога, ни себя, ни своих братьев-людей. Никакие окна на образы Священных Писаний или из них не открываются. Внутрь не допускается ни малейшего проблеска

света. Даже намек на то, чтобы возбудить ваше любопытство и заставить вас захотеть подойти ближе, заглянуть глубже, как в проповеди на **Псалом 61:2** (**«Только в Боге успокаивается душа моя»**). Один параграф из этой проповеди звучит так:

Желание покоя – это реальная человеческая потребность. Если этого не происходит, это влияет на нашу самую глубокую суть. Не имея покоя мы погружаемся в экзистенциальный кризис. На самом деле, можно было бы описать всю историю человечества как попытку перейти от беспокойства к покою. Покой – это состояние спокойствия, непрерывного счастья, удовлетворения. Покой – это быть расслабленным, несмотря на обстоятельства. Покой – это другое слово для веры, а вера не знает напряжения и неопределенности. Быть в покое – значит верить, что Бог правит.

За исключением жестокого – и теологически ложного – описания веры как чего-то, что «не знает напряжения или неопределенности», проповедник говорит в общих чертах, то есть без экзистенциальной (его собственное слово!) «точки соприкосновения». Слушатель должен находиться где-то между смутной «реальной человеческой потребностью», «экзистенциальным кризисом», «всей историей человечества», «состоянием спокойствия» и «верой». Слушатель тонет во множестве слов-без-понимания. Разговоры о покое в такой манере утомляют вас или, по крайней мере, ввергают вас в чувство вины с вопросом: почему же я тогда так (нечеловечески) беспокоен? Секрет «быть в покое» нигде не объясняется в проповеди. Однако абзац из другой проповеди указывает на другой стиль:

Кто из нас не нуждается в покое? Кто из нас не жаждет хоть на минуту расслабиться, отдышаться, сбросить обувь и прийти в себя в нашем беспокойном обществе? Тишина - о, я бы отдал все царство только за немного тишины!

Что ж, теперь мы хорошо знаем, что есть тишина и тишина. Возможно, во время прошлого отпуска вы сидели у моря на закате и видели, как солнце в последний раз подмигнуло вам перед сном под водой, и в вас воцарился божественный покой. Или, возможно, вы уже испытали неопишемую тишину, когда в последний раз проходили по дому, в котором прожили 10 или 20 лет, и грузовик уже уехал вместе с вашей мебелью, а пустые комнаты шепчут вам в ответ общую сумму того, что вы пережили здесь, и вы понимаете: есть время приходить и есть время уходить.... Или странная тишина, которую иногда испытываешь на кладбище, когда воркование голубей еще больше углубляет тишину, и ты знаешь: наши годы пролетают, как сон... и мы улетаем (Пс. 89:9, 10).

Шансы на то, что проповедь номер два затронет все чувства или, по крайней мере, некоторые из них (с точки зрения неврологии: будет стимулировать как можно больше нейрокогнитивных центров) и, таким образом, будет способствовать пониманию, безусловно, значительно больше, чем в случае проповеди номер один.

9.2 Библия как Книга образов

Однако есть и другая, более фундаментальная причина, по которой мы должны и можем проповедовать творчески. Сама Библия существует не просто в виде цепочки слов, подобной нитке жемчуга. Она скорее повествует о причастности Бога к людям, о его великих деяниях в истории (Деян. 2:11), деяниях, которые фигурируют лингвистически (см. также главу 4). Библия – наш древний источник образов, к которому мы должны неоднократно возвращаться, если хотим оставаться богословами и проповедниками с богатым воображением. В своей классической работе о воображении Гарретт Грин (Garrett Green 1989:106) пишет следующее о важности Священных Писаний:

«Бог запечатлел Свой образ, воплощенный в Иисусе Христе, на первоначальных свидетелях, которые, в свою

очередь, выразили этот образ в определенных текстах; эти писания, которые мы поэтому называем священными, еще раз запечатлели свою форму на нас, современных слушателей, изменяя нас по образу Божьему.... Откровение – это акт воображения; Священное Писание – это работа воображения; а теология – это интерпретация воображения.

В библейских текстах действительно есть множество образов или метафор, говорящих о Боге, образов, в которых люди глубоко нуждаются в своей жизни. На мой взгляд, задача проповеди состоит, в частности, в том, чтобы **восстановить эти жизненно важные и изменяющие жизнь образы и перевести или, скорее, изобразить их как образы для людей нашего времени.** Наша задача состоит в том, чтобы познакомить людей с реальными метафорами, образами, которые имеют значение. Провести их с гидом на экскурсию, основанную на тексте, по художественной галерее Жизни!

Библия – это не просто Книга, которая провозглашает исторические факты как чисто факты; а скорее, как образы и представления об этих фактах, воплощенные в слове и образе. Эти образы необходимо постоянно посещать, обновлять, иначе они останутся зафиксированными в Писании. Как проповедникам наша задача – используя воображение, ассоциироваться с образами Священного Писания, повторять снова и снова, как Сам Иисус: Царство Божье *подобно...*!

За этим *подобно* стоит реальность, которая всегда превосходит любой образ или метафору. Хотя Библия действительно представляет нам первое и первичное представление о Божьих деяниях спасения, и поэтому мы должны возвращаться туда неоднократно, это не значит, что мы должны окаменеть в ее образах. Образы обладают прогрессивной силой; они требуют творческого и, следовательно, современного воображения. Однако образы могут стать спящими или размытыми. Тогда они теряют свою силу выражения, свое богатство творческой

работы. Если образы необходимо сначала объяснить, это обычно является признаком того, что они больше не функционируют как образы (см. Ригерт (Riepert) 1990: 73-74). На самом деле, образы, которые становятся негибкими, рискуют превратиться в ложные пророчества. Образы могут стать идолами. Можно быть осужденными по второй заповеди: *«Не делай себе кумира и никакого изображения...»* (Исх. 20:4).

Это превращает образную проповедь, использующую воображение, в такое рискованное дело! Неврологическая интеграция может помочь, но она никогда не сможет заменить работу Духа. Дух делает нас чувствительными ко времени, в котором мы живем, к стоящим за ним культовым образам, которые часто хотят держать нас в железной хватке, и Он неоднократно учит нас, как переосмыслить библейские образы в этих современных культовых образах и против них.

Поэтому Дух снова и снова возвращает нас к Писанию, где мы можем следовать его «первой» образной герменевтике. Чтобы представить себя современно, нас нужно заново ввести в образный мир текста, иначе мы представляем себе неправильные вещи. На мой взгляд, это остается основной отправной точкой: **Библия содержит образы, которые обладают внутренней силой переносить нас в будущее – так, чтобы мы могли творчески провозглашать древнюю-древнюю весть, Евангелие, в каждое новое время.** Уоллес (1995:10) прекрасно пишет:

«Такие образы, как сад, новые небо и земля, пир, хлеб и вино, масло, излитое на голову, слезы, омывающие ноги, огонь с небес, новорожденный младенец и распятая фигура, – это лишь некоторые из тех, которые продолжают пульсировать сверхъестественной силой. Задача проповедника состоит в том, чтобы восстановить и обновить их для нынешнего поколения и тех, кто придет, чтобы они не потерялись в бессмысленной дымке современных образов, заменивших их с помощью современных

технологий. Образы будут по-прежнему падать и сеяться в поле человеческого сознания; вопрос в том, какие из них пустят корни и расцветут».

Библия содержит много таких базовых фундаментальных образов, образов, с которыми человек может жить и умереть, в которых мы можем заново увидеть свое собственное лицо, но особенно лицо Бога. Вспоминается Лютер, который неоднократно говорил об одном из этих первичных образов веры: «Хочу я того или нет, всегда, когда я слышу имя Христос, я вижу в своем сердце образ человека на кресте» (ср. Милк (Milk) s.a.:62, перевод). Неудивительно, что он мог так образно проповедовать о Христе!

Лютер также сказал, что *церковь – это дом уст* («Mundhaus», ср. 6.1). Однако было бы неправильно толковать это его заявление односторонне, как будто церковное понимание Библии и проповеди должно быть понято только устно, а затем и когнитивно. Слово, о котором свидетельствует Писание, в конце концов, состоит не только из слов и определенно не только из понятий. Наш взгляд на это Слово, вероятно, имеет сильные следы греко-эллинистических влияний с предпочтением риторической логики. Мы легко становимся виноватыми в том, что рассматриваем проблемы и вещи абстрактно, вместо того чтобы позволять нашему воображению играть с текстом.

Еврейское значение слова *dabàr* («слово») приближает нас к истине: Слово одновременно является и делом, всегда *Словом-событием*. Слово – это не то, что нужно просто проанализировать и понять лингвистически, но мир, в который нас приглашают, *Слово-мир*, в котором мы преображаемся.

Слово в самом деле стало человеком (Ин. 1:14) и, как таковое, является как вербальным, так и невербальным. Было бы неправильно рассматривать вербальный элемент просто как нечто нефизическое, а невербальный – как нечто физическое (Луккен (Lukken) 1990:21). Нет, *Слово* также является физическим, а следовательно, визуальным и «изображаемым». Таким образом,

если вы хотите проповедовать об этом *Слове*, то вы не можете сделать это, просто соединяя слова. *Слово* – как записанное в Священном Писании – призывает к целостному вербальному и невербальному изображению и, действительно, неоднократно желает стать человеком среди нас.

Символизм иногда различает связь между презентативной и дискурсивной символикой. Конденсация значения символа, одновременное и тотальное наблюдение характерны для **презентативного** символизма. Один образ – будь то визуальное изображение или метафора, то есть изображение в словах – может в мгновение ока вызвать целую серию воспоминаний или эмоций. Например, если вы обнаружите фотографию важного события или давнего периода в вашей жизни, то вы «увидите» вещи, которые не обязательно могут быть выражены в логической последовательности слов. Возможно, вся ваша жизнь сжата и представлена на этой фотографии. Она может затронуть все ваши чувства: аромат на материнской кухне с плитой AGA, текстура отцовской шапки, воспоминание о звуке шагов вашего брата в длинном коридоре родительского дома.

Напротив, **дискурсивный** символизм использует особенно язык, чтобы позволить единицам значения логически *следовать друг за другом*. Я придерживаюсь мнения, что обе эти формы символизма, или воображения, важны для коммуникации в проповеди, что одно должно быть встроено в другое. Нахождение этого баланса зависит от нашего желания ответственно проповедовать современным людям, на которых со всех сторон обрушиваются образы. Возможно, здесь мы снова должны уподобиться детям: их первые восприятия, следовательно, образы, формируют основу, на которой развиваются их вербальные способности. Или, говоря по-другому: они не могут думать о голосе матери отдельно от ее лица. Можем ли мы думать о Божьем голосе (Слове) отдельно от Его лица?

Слово стало плотью, и Писание свидетельствует об этом. Библия содержит повествование о воплощении Слова, о Его

последующих образах. Поэтому Библия богата образами, говорит на «очень образном языке» (Уоллес, 1995:9). Слова в Библии рисуют картины; они говорят на языке картинок. Мы должны уважать эту Книгу, которая является уставом, то есть изначальным источником Имени Бога (Борен, 1971: 109): в ней заключены образы, которые были сохранены для нас на протяжении веков и которые ждут, чтобы быть развитыми и высвобожденными заново творческим способом. Ангелы скрыты в словах Писания, ангелы, которые, среди прочего, также могут получить крылья, чтобы снова летать в проповеди. Увы, многие проповеди мешают этим ангелам; они преждевременно обрезают крылья воображения.

Возможно, мы находим работу над текстом слишком трудной. Возможно, мы находим текст слишком трудным. Возможно, мы не готовы продолжать бить по камню текста нашими маленькими молоточками и зубилами, как Микеланджело, потому что не верим, как он, что можем высвободить ангела из камня....

Если вы ожидаете ангелов в словах Писания, то вы обращаетесь к тексту с ожиданием. Как Книга образов, Библия требует особого подхода, стиля чтения, толкования и, в конечном счете, проповеди. Проповедь – это приключение в двояком смысле: *поиск доминирующего образа в конкретном тексте и его творческий перевод, да, для того, чтобы соотнести его с людьми нашего времени.*

Уоллес (1995:18) пишет:

«Образная проповедь требует особого подхода к нашей задаче. Вместо того чтобы искать главную идею, ключевую мысль, мы ищем доминирующий образ в истории, букву, пророческое слово, тот образ, который будет контролировать все, что мы говорим, который будет служить мысли, чувствам и мотивации. Проповедь с воображением также призывает нас обратить внимание на образы, которые нам дает жизнь и традиция веры,

которой мы служим; но самое важное, чтобы мы сначала внимательно посмотрели и прислушались к тем, которые содержатся в первоисточниках для проповеди, библейских текстах».

Поэтому мы подходим к Писанию, сосредоточив внимание на основных образах, я бы сказал, **образах Евангелия**, чтобы связать их с образами нашего общества, мира, в котором мы живем. В этом и заключается творческое напряжение проповеди, содержащееся в вопросе: что произойдет, если этот библейский образ, эта доминирующая «картинка» текста – будь то персонаж, момент в истории или ключевая метафора – столкнется с тем или иным аспектом нашей жизни? Что произойдет, если библейские образы жизни как контра-образы вступят в конфликт с потоком идолов, которые хотят наполнить нашу жизнь? Каким образом мы позволяем формировать нашу реальность?

Обобщим высказанное: **проповедники являются посредниками между метафорами Священного Писания и метафорами наших повседневных реалий**, ищущими точки соприкосновения, для усиления хороших метафор жизни, но также чувствительными к тому факту, что метафора Евангелия не может уступать менее добродетельным и даже злым метафорам, которые нас окружают. Проповедники – это люди, которые должны проникнуть в миры текста и жизни, чтобы по-настоящему увидеть и понять доминирующие образы в обоих. Какая потрясающая мысль: *проповедники перемещаются взад и вперед по мосту между текстом и жизнью как посредники и хранители образов и метафор – также евангельских!*

9.3 Работа образов...

Есть что-то таинственное в работе образов, что-то, что действительно не может быть или должно быть описано. На мой взгляд, для нашей темы действительно важно следующее:

Взаимосвязь между образом и силой выражения

Образы служат словам, или скажем по-другому: они выводят на первый план измерения слов, которые в противном случае остались бы незамеченными. В некотором смысле образы задерживают (быстрый, часто бездумный) поток слов, чтобы обогатить их. Образы помогают нам перейти от «тонких» к «толстым» описаниям реальности в наших коммуникативных процессах (Брюггеманн, 1997:73 и далее). Одни только слова могут быть очень скудными и клиническими. Напротив, образы меняют нашу (модернистскую) тенденцию внедрять цифровую коммуникацию в аналоговую, открывают окна в реальность, чего не могли сделать одни слова.

Интересным примером является использование образов такими поэтами, как, например, Шейла Кассонс (Sheila Cussons). Как мы видим, она постоянно играет с образами и словами. Иногда она буквально сначала рисует на холсте образ, который у нее в голове, прежде чем превратить его в слова стихотворения. Иногда эти два процесса происходят одновременно, и искусство живописи и поэзии объединяются в одну творческую фазу. В другое время только после того, как она написала стихотворение, она делает картину или ее изображение. Когда ее друзья иногда звонят ей, чтобы спросить, что она делает, она отвечает: «Я думаю». Она по опыту знает, что для творчества нужно время, что ангелу может потребоваться много времени, чтобы пройти через вашу голову, как говорится в названии ее сборника стихов ('n Engel deur my kop: 1997).

Образы по-новому представляют реальность

Это происходит следующим образом: во-первых, есть момент *ориентации* (уверенности), в котором вы узнаете некоторые знакомые вещи в образе: образ обращается к чему-то из вашей реальности. Затем следует фаза *дезориентации* (растерянности) (не обязательно последовательно; в основном одновременно), когда образ ставит под сомнение вашу реальность

и, в некотором смысле, переворачивает ее. Библейские образы в основном работают таким образом: знакомая метафора внезапно становится сложной, подрывно воздействует на статус-кво. Маленький кусочек дрожжей становится образом неотвратимого царства (Мф. 13:33)! Библейские образы действительно часто являются *контра*-образами, образами, которые вызывают у нас «шок воображения», которые представляют нам «противоположное», непохожее «подобное» царства (Ригерт (Riebert) 1990:72-74; также Брюггеманн 1993:15).

После дезориентации следует фаза переориентации, в которой образ открывает перед нами перспективы новых возможностей и миров и, действительно, функционирует как силы, создающие мир. Библейские образы подобны пальцам, которые указывают в направлении Божьей альтернативы и манят ближе...

Образы это всего лишь фрагменты

Они изображают лишь часть целого – в данном случае царства. *Библейские тексты – это маленькие кусочки пазла великого образа.* Они предлагают фрагменты, на самом деле динамичные, пульсирующие фрагменты, но только фрагменты общей картины. Они, в лучшем случае, являются изображением древнего образа или, предпочтительно: окончательного образа. *Образы – это наша лучшая попытка изобразить невидимое.* Однако они остаются предварительными: *сейчас мы видим лишь слабое отражение, как в зеркале; потом мы увидим лицом к лицу* (1 Кор. 13:12).

9.4 Проповедь как новое воображение реальности: несколько рекомендаций

Далее следуют несколько кратких рекомендаций по разработке и внедрению образов в проповеди:

- **Усердно работайте над текстом;** продолжайте долбить и долбить его. Чтобы найти доминирующий образ в тексте, действительно, требуется постоянная встреча с ним, тщательная

(историческая, экзегетическая и герменевтическая) приверженность ему, но не просто для того, чтобы извлечь из него когнитивную информацию или факты или смутную «тему»; скорее, чтобы испытать его «настроение и движение» (ср. Баттрик (Buttrick) 1987:294 и далее). В определенном смысле, нужно выбрать правильный вид музыки, чтобы отразить настроение текста! Разве тем, кто хочет проповедовать о Псалме 149, не придется дышать «атмосферой» хора «Аллилуйя» Генделя? Или те, кто пытается читать Псалом 87, не должны ли они сначала плакать с Генделем, «Он был презираем» о Страдающем Слуге (Ис. 53)?

- **Не пытайтесь объяснить образ!** Это типично для модернизма – хотеть проникнуть во все до мозга костей, хотеть обсудить все тайны и, таким образом, фактически заговорить их до смерти. Не превращайте образ в концепцию. Не пытайтесь разгадать его работу когнитивно, суммируя его, а затем даже «применяя» его. Позвольте образу следовать своему собственному направлению и таким образом расширьте его «силу выражения». В конце концов, тексты направлены не на простую передачу информации, а на исполнение: у них есть намерение, цель, а именно преобразить людей. *Позвольте образу передать свое сообщение самостоятельно.* Помните: образ не только несет сообщение, в определенном смысле он и есть сообщение. «Средство (передачи) – это уже сообщение» (Маршалл Маклюэн). В целом, это важное правило в мире науки о коммуникации, но не в меньшей степени в проповеди.

- **Рассматривайте образ с разных точек зрения;** поворачивайте его во все стороны, как бриллиант, чтобы лучше оценить его многочисленные грани. После этого станьте одним из персонажей повествования, чтобы неоднократно смотреть под другим углом. Однако это не означает, что мы должны усложнять образ: он все равно должен оставаться простым и иметь ограниченный код, который могут разблокировать как взрослые, так и дети (ср. Луккен (Lukken) 1990:33). В этом, вероятно,

и заключается сила образа: он может обратиться как к высокоинтеллектуальному человеку, так и к ребенку так, как не могут сделать только слова. *Он может сказать вещи, которые слышном глубоко и прекрасны для слов.*

• **Сформируйте образ в определенной форме.** На мой взгляд, здесь кроется одна из самых сложных задач для проповеди: *изобразить первичный образ Писания в форме, которую современные люди поняли бы лучше всего, – не теряя при этом сути этого первичного образа.* Здесь мы должны быть осторожны, чтобы не пластифицировать библейские образы и не повредить библейское искусство проповедническим и литургическим китчем (от немецкого kitsch – «безвкусица», термин в искусстве, используемый для обозначения ориентированных на широкого покупателя низкокачественных предметов массовой культуры – прим. перевод.) (ср. Вепенер и Мюллер (Wepener & Müller) 2001:480-493). Граница между искусством и китчем, между эстетикой и коммерциализацией, действительно, размыта. Здесь речь идет о способности, даре, способности «представлять» целостно и переосмысливать. Здесь миры драмы и искусства, а также литературы могли бы нам очень помочь. Первичные образы Священного Писания могут быть представлены более чем одним способом, во всем спектре невербального, возможно, в молчании, и, естественно, также в словах – в надежде, что люди будут затронуты во всех своих чувствах. Поэтому важно рассматривать первичный библейский образ не как статичную картину, как натюрморт (статичная сухая композиция!), А скорее как сцену в (спасительной) драме, в которой проповедник и слушатели вовлечены, чтобы стать частью Великой Истории, но так же как сцену с атмосферой (настроением), которая должна войти в меня.

9.5. Использование историй в проповеди

Спасение осуществилось в истории человечества, поэтому оно также может быть представлено в проповеди историй.

Однако люди часто по-разному воспринимают понятие «*нарративная проповедь*» (основанная на историях).

- **В первом варианте** это использование историй в проповедях часто **для эффекта или просто ради «хорошей истории»**. Тогда она становится самоцелью, а библейский текст понимается просто как вспомогательное средство, как своего рода экзегетическое подтверждение ее ценности и правдивости. Истории обладают способностью увлекать за собой, особенно те, которые передают негативные чувства, и в конечном счете могут полностью доминировать над проповедью и библейским текстом.

- **Во втором варианте** это **современный пересказ библейских историй** таким образом, чтобы можно было проследить общий ход истории, несмотря на разницу в исторических данных. Таким образом, вы можете четко распознать библейскую историю в современном расширении. Например, Филип Янси, американский теолог-журналист, в книге «Что такого удивительного в благодати?» рассказывает **некоторые притчи Иисуса в очень современной манере**, основываясь на реальных, текущих событиях, например таких:

Помолвленная пара отправилась в эксклюзивный отель «Hyatt» в Бостоне, чтобы договориться о свадебном банкете. Оба обладали дорогим вкусом и выбирали только лучшее: самое превосходное меню, самое внушительное столовое серебро, самые красивые цветочные композиции. Счет был выставлен на 13 000 долларов. Они заплатили половину в качестве задатка и ушли заказывать приглашения на свадьбу.

В тот день, когда приглашения должны были быть отправлены по почте, жених передумал и захотел отменить свадьбу. Его рассерженная и убитая горем невеста отправилась в отель «Hyatt», чтобы отменить прием. К своему ужасу, она услышала, что будет возвращена лишь небольшая сумма депозита. Теперь у нее

было два варианта: либо потерять деньги, либо продолжить приготовления.

Тогда невесте пришла в голову безрассудная идея провести прием не как свадебный банкет, а просто как великолепный праздник. Почему ей пришла в голову эта мысль? Возможно, потому, что когда-то девушка жила в приюте для бездомных. Позже она встала на ноги, нашла работу и со временем скопила значительную сумму денег. Поэтому она решила разослать официальные приглашения всем бездомным в бостонских приютах на незабываемый вечер.

Итак, одним теплым летним вечером в июне 1990 года в эксклюзивном отеле «Hyatt» состоялся прием, которого персонал никогда не видывал. Гости приезжали отовсюду: потрепанные старики на костылях или с ходунками, люди, чьи вещи могли поместиться в тележку супермаркета, нищие, привыкшие спать под картоном, наркоманы, тяжелая жизнь которых явно отражалась на их лицах. Они сидели за столами с накрахмаленными белыми скатертями и полированным столовым серебром, их обслуживали официанты в парадных костюмах, их угощали обедом из пяти блюд, приготовленным одними из лучших шеф-поваров мира. В течение вечера они пили шампанское, ели свадебный торт и наслаждались успокаивающей музыкой симфонического оркестра. Вопиющий контраст между гостями, недостойными такого случая, с одной стороны, и роскошным празднеством, с другой, как никогда раньше..!

За исключением ... в Евангелии.

Обратите внимание: Хозяин банкета ходит между столами. Его улыбка говорит сама за себя (перефразировано).

Разве в этом не слышится поразительным образом благая весть Евангелия?

• **В третьем варианте** – это рассказ современной истории, которая не следует за ходом какого-нибудь библейского сюжета, но тем не менее **выражает и иллюстрирует теологическую суть конкретного текста или общего библейского послания.** Если вы достаточно чувствительны к этому, вы можете найти подобные примеры практически повсюду. Произведения Достоевского полны таких драгоценностей, как и Виктора Гюго.

Роман «Отверженные» описывает трогательную историю француза Жана Вальжана, который получил 19-летний тюремный срок за то, что украл кусок хлеба. За это время он постепенно превратился в закоренелого преступника. В кулачных боях он был непобедим. Никто не мог сломить его волю. В конце концов его освободили, но, поскольку в те дни преступники должны были носить специальные удостоверения личности, ни один трактирщик не осмелился предоставить этому опасному человеку комнату. Он бродил по улицам города в течение четырех дней, пытаясь найти укрытие от непогоды, пока сострадательный епископ не сжался над ним.

В ту ночь Жан Вальжан тихо лежал в своей постели, ожидая, пока епископ и его сестра уснут. Он встал, нашел на кухне драгоценное семейное столовое серебро и убежал.

На следующее утро трое полицейских постучали в парадную дверь епископа. Позади них стоял Вальжан в наручниках. Они поймали его с поличным, когда он убегал с украденным. Полицейские хотели, чтобы это было подтверждено, прежде чем заковать его в цепи на всю оставшуюся жизнь. Реакция епископа выбила почву у всех из-под ног, особенно у Жана Вальжана.

«Итак, вот ты где», – сказал священник, глядя ему в глаза. – «Я так рад тебя видеть. Неужели ты забыл, что я также подарил тебе канделябры? Они тоже серебряные, как и все остальные, и, вероятно, стоят 200 франков. Ты забыл взять их с собой?»

Изумленный преступник уставился на говорящего, и на его лице появилось выражение, которое невозможно описать.

«Этот человек не вор», – заключил епископ. – «Столовое серебро было моим подарком ему».

Когда полиция ушла, священник отдал канделябры своему гостю, который теперь стоял перед ним безмолвный и дрожащий. «Не забывай, никогда не забывай, что ты обещал мне, что потратишь деньги, вырученные за столовое серебро, чтобы сделать из себя честного человека», – сказал епископ.

Разве это не классическая история незаслуженной благодати, благотворительной милости? Самый страшный преступник оправдан, более того, он получает богатство, не заслужив его ни в малейшей степени. На самом деле, все произошло вопреки тому, чего он заслуживает, еще до того, как у него появились какие-то следы раскаяния.

Эту же историю незаслуженной благодати можно найти и в Евангелии, только еще более удивительную, потому что здесь речь идет о гораздо большей вине и гораздо большем искуплении. Например, это описано в стихах, называемых «Евангелием в двух словах»: «Когда мы ещё были беспомощными, Христос в определенное время умер за нечестивых. Но Бог проявил Свою любовь к нам в том, что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками» (Рим. 5:6, 8).

• **В четвертом варианте** – это особая точка зрения, при которой **проповедь, в какой бы ни было форме, не может пересказывать ничего, кроме главного нарратива об Иисусе**. Этот нарратив остается нормой, по которой следует оценивать все повествовательные элементы в проповеди. Однако здесь речь идет не только об историях в общем смысле этого слова. Главное повествование об Иисусе также может быть пересказано в «догматических» или «обучающих» проповедях – при условии, что они подкреплены нарративом (историей) о спасительных событиях во Христе: о Его воплощении, страданиях, воскресении и триумфе. Например, в проповедях

Лютера практически все протекающие нарративные потоки приводят к его страсти провозглашать ничего, кроме Христа.

Какой бы вариант вы ни выбрали, истории не могут быть рассказаны с намерением просто создать эффект или оживить сообщение. Евангельское повествование об Иисусе не направлено на *законническое нормирование* или этическую *индоктринацию*, но является одушевлением в том смысле, что, исходя из главного норматива о Нем, оно хочет пригласить слушателя и познакомить его с жизнью, которая есть во Христе.

Пересказывать Евангелие – значит освобождать людей от их злых, тяжелых историй и сопровождать их в благую историю Евангелия.

Здесь проповедник должен научиться искусству творческого использования *спасительных образов* и *историй* в проповеди; образов и историй, которые чтят теологическую суть библейского текста и развивают его в современном ключе.

10. Примеры проповедей, содержащих неудачное (моралистическое) функционирование проповедников

Редко так осознаешь тот факт, что ты всего лишь крошечный человек, возникший из праха, чем когда ты стоишь за кафедрой (Кальвин). И все же тех, кто осмеливается на это, не зря называют служителями Божественного Слова. Они получили конкретное назначение и конкретные полномочия, которые никоим образом не могут быть основаны на каком-то потенциале, рожденном из праха. Такие служители недостойны служить Христу.

Назначение и полномочия всех проповедников Слова заключаются в провозглашении Евангелия. *Они призваны не просто давать информацию, а скорее провозглашать спасение.* Те, кто проповедует, по крайней мере в реформатском понимании Слова, *не требуют от людей оправдания, но даруют им благодать Божью.* В законнических проповедях именно этого и не происходит. Хотя это происходит во множестве нюансов,

последовательность в точности наоборот: *благодать обусловлена потенциалом и действиями религиозного человека (homo religiosus)* и, в действительности, исключается. Тогда возникают вопросы: какую роль играют проповедники в этом процессе? Какую позицию они занимают? Какие типичные характеристики можно вывести из анализа нравоучительных проповедей?

10.1 Смещение авторитета

Первое, что бросается в глаза, – это тонкий **сдвиг основы авторитета от текста и Бога к личности проповедника**. Проповедник начинает делать то, что могут делать только Слово и Бог, начинает знать то, что может знать только Бог.

В качестве особенно вопиющего примера этого мы слышим такие предложения, как следующее: *«Сегодня я призываю вас позволить Святому Духу изменить ваше мышление»*. Кто здесь иницирует спасение? Святой Дух? Проповедник? Слушатель? Кто здесь тот агент, который должен осуществить все, о чем говорится в проповеди?

Следующее также является важной иллюстрацией: *«Сегодня Господь хочет, чтобы вы смотрели на жизнь определенным образом»*. Это часто можно встретить в законнических проповедях: проповедники, которые точно знают не только то, что хотят делать слушатели, но особенно то, чего хочет и, действительно, делает Господь: *«Поэтому Господь также говорит вам сегодня утром... Именно Бог в этот момент сверхъестественным образом заставляет вас осознать Его причастность к вам.... Когда вы слушаете меня, вы осознаете тот факт, что Бог говорит с вами. Это потому, что теперь Он работает над вами через своего Святого Духа»*.

В заключительной молитве богослужения проповедник выражает свою абсолютную уверенность в мыслях людей и делах Бога таким образом:

Но, пока я служил Словом, были люди, которые жаждали того, о чем я говорил. Благодарю Тебя, Господь,

что через Святого Духа Ты уже привел к переменам, что люди уже обновили свои мысли. И большое Тебе спасибо, что Ты теперь изменил их отношение сверхъестественным образом и что они понимают, что Бог сделал их новыми.... Благодарю Тебя, Господь, что Ты также послужил тем, кто сегодня утром находится в кризисе. Спасибо Тебе за то, что Ты помог тем, кто нуждается в этом сегодня утром, хотя их обстоятельства все еще те же, их отношение к ним изменилось, потому что Ты обновил их мысли.

Можно, конечно, согласиться с тем, что все это то, что проповедник хотел бы видеть происходящим, настолько сильно, что он даже использует для этого своего рода пророческое совершенное время. Однако остается вопросом, так ли это на самом деле, произошло ли так, как это выразил проповедник?

Аналогичную тенденцию можно услышать **в другой проповеди**: *«Мы находимся в конце недели евангелизационной работы, где мы затронули так много сердец, так много людей, дали им соприкоснуться с новой жизнью, которую мы находим в Иисусе Христе, через музыку, пение и радиопередачу».*

Откуда проповедник все это знает? Есть ли у него прозрения, которых нет у других обычных верующих? Придает ли он таким образом (сверхъестественную) легитимность своему служению?

То, что Господь желает, говорит и делает, часто представляется идентичным тому, чего хочет, говорит и делает проповедник: *«...через Слово Господь говорит вам сегодня утром.... Сегодня утром я говорю вам... вот почему вы должны сейчас выслушать меня».* «Я говорил вам, что хочет Бог...» и так далее. На самом деле проповедник вкладывает свою проповедь в уста Бога.

Чему мы должны приписать этот авторитарный стиль, который иногда граничит с манией величия? Это может быть логическим следствием того факта, что законнические проповеди

отошли от авторитета текста. Поэтому необходимо искать заменители, и наиболее очевидными являются: сами проповедники! Они должны взять верх там, где текст и Сам Бог больше не действуют. Поэтому проповедники представляют себя как людей, которые не могут быть слабыми, которые сами выполнили все требования библейского текста, которые предстают перед собранием как абсолютный пример того, кто мог бы выполнить то, с чем обращается проповедь к собранию. Это достижение проповедников должно затем мотивировать слушателей стремиться к невозможному, прилагать усилия, чтобы достичь аналогичного уровня. Иногда примеры добродетельных верующих представляются собранию с точно такой же целью, а именно, чтобы люди могли быть или стать такими, какими были или являются эти добродетельные люди. Нет ничего более невыносимого, чем требование, исходящее от добродетельного примера! (Марк Твен).

Таким образом, во многих проповедях **предполагаемым источником авторитета является сам проповедник**. Достаточно закончить последним предложением: *«Дьявол, безусловно, приходил на каждое служение, которое я когда-либо вел. Звук идет не так, люди падают, они чихают, кашляют и делают всевозможные вещи, потому что дьявол беспокоит людей»*. Откуда проповедник знает, что дьявол посещает каждую его проповедь? Разве это не способ создать у слушателей впечатление авторитета, с которым он (всегда) говорит? Человек, который может даже справиться с дьяволом, безусловно, должен обладать властью, не так ли?

10.2 Герменевтика «я»

Огромное количество «я», которыми изобилует так много проповедей, имеет большое значение. Иногда проповедь существует буквально только как диалог между «я» проповедника и паствой, но никогда не становится диалогом между Богом и его паствой. В конце концов, многое можно увидеть из того,

как проповедники используют слова «мы», «я», «вы», «они» и т. д., и особенно из связей, которые они предполагают или устанавливают между этими понятиями. Не будет преувеличением сказать, что **проповедник часто в своей личности со своими прозрениями, опытом, верой и т. д. становится точкой откровения проповеди**, что все линии провозглашения соединяются и раскрываются в герменевтике «я».

Хорошим (плохим!) примером этого является проповедь, в которой второй абзац вводится так: *«Если бы я спросил сегодня вечером: «Что является выдающейся характеристикой исполненного Духом дитя Божьего?» Тогда я верю, что мы услышали бы много ответов»*.

За этим следует длинный список ответов, которые проповедник дает от имени собрания, но которые в конечном итоге также отменяются или, по крайней мере, релятивизируются: *«Я думаю, что эти ответы, возможно, позволят нам в определенном смысле увидеть истину Но, знаете ли вы, Иисус Христос дает нам самый ясный и правильный ответ...»*

Проповедник – это тот, кто задает вопросы и даже дает ответы на них собранию, даже объявляет их неправильными и даже выдвигает на первый план правильное решение – поскольку собрание не понимает как он ответов Христа. «Я» проповедника создает и завершает «герменевтический круг». Это очевидно на протяжении всей остальной части проповеди, где мы слышим до тошноты: «И я хочу...»; «Я хочу сказать вам...»; «Я говорю вам, что вы живете в отвратительном грехе...Я прав, потому что Слово Господне говорит нам исполняться Святым Духом..., «Я знаю, что в вашей жизни должна произойти полная трансформация» и так далее. Этот проповедник знает все, хочет всего, говорит все и делает все необходимое, чтобы его проповедь «работала». На самом деле или, по крайней мере, грамматически выражаясь, в герменевтике «я» не осталось места для дела благодати, и Евангелие выведено из строя. Его заменяет «я» проповедника.

10.3 Проповедник становится одиноким

Но, несмотря на видимость авторитета, которое человек изображает, никто не может продолжать жить с такой невыносимой ответственностью. В конечном счете она наносит ответный удар тем, кто живет в этом заблуждении, мстит за ужасное бремя постоянной необходимости все знать, всегда быть сильным. Это может привести к пессимизму и сдаче, к проповеднической усталости и эмоциональному выгоранию, что характерно для многих проповедников. Доминирующим эффектом этого ложного авторитета, как ни странно, является одиночество. По роду своей профессии проповедники иногда бывают одинокими людьми. Смысл церковного дискурса, в частности, заключается именно в этом: прорваться сквозь тишину собрания, но также и сквозь одиночество проповедника, сняв с плеч священника огромное бремя всегда провозглашать всю правду с абсолютной уверенностью и распространять ее между членами собрания в качестве собеседников. Напротив, законничество охотится на индивидуализм. Это оставляет собрание как отдельных людей наедине с библейским текстом, который они должны сделать истинным для себя. Однако самым одиноким из всех является изолированный индивид, проповедник. **Он должен появиться за кафедрой как тот, кто уже выполнил повеления текста, уже выполнил в своей собственной личности то, что требуется от собрания. Но ... кто способен на это?**

10.4 Сокрушенный авторитет...

Уже указывалось, что авторитет проповедника полностью зависит от авторитета Священного Писания. Это подразумевает не просто повторение буквы Священного Писания, но авторитет, который полностью зависит от того, будет ли Бог говорить через библейский текст и проповедь. Авторитет проповедников заключается в том, что у них нет авторитета. **Власть**

проповедников – это бессильная власть; их авторитет – это сокрушенный авторитет. Что-то из этого обычно просачивается в структуру проповеди и влияет на то, как язык применяется в процессе провозглашения.

Бетель Мюллер (1973:135) пишет трогательно:

Проповедь хочет служить встрече между живым Богом и его живым собранием посредством провозглашения живого Слова. Человек не может вызвать или создать эту встречу ни с помощью методологии, ни с помощью ораторских способностей. Она остается плодом работы Святого Духа. Но человек может и должен служить этой встрече в проповеди. Он должен сделать это путем тщательной экзегезы, борьбы за правильное толкование, ревностного поиска перспектив откровения и неустанного стремления интерпретировать... но особенно также идти и стоять в центре встречи. Только те, кто действительно слушал Слово, были тронуты, ранены им... и только те, кто ранен текстом, способны проповедовать. Поэтому структура проповеди остается сокрушенной структурой, перечеркнутой структурой.... Таким образом, Писание охраняет текст, а также структуру и язык проповеди: это может быть только запинаящийся язык и сокрушенная структура того, кто был захвачен текстом... потому что сам он был захвачен Иисусом Христом.

Когда Павлу пришлось объяснять азбуку своего авторитета как апостола, основной принцип своего служения, в нескольких предложениях, фактически в одном слове, он делает это в небольшом слове **крест** (1 Кор. 2:2). В посланиях Павла этот термин указывает на все земное служение Иисуса, всю его жизнь, полную страданий: от его воплощения в Вифлееме до его распятия на Голгофе. В этом он излагает основную модель действий и стиля церкви, а следовательно, и проповеди, а именно **авторитет креста**. Сокрушенный стиль предполагает, что проповедник был зачеркнут текстом, да, коснулся креста в тексте.

В этом заключается наш авторитет. Но что за странный авторитет! Потому что крест, для некоторых, является образом бессилия, даже поражения. Но то, что для мира является бессмыслицей Божьей, является большей мудростью, чем человеческая мудрость, и то, что для мира является слабостью Бога, является большей силой, чем человеческая сила (1 Кор. 1:25).

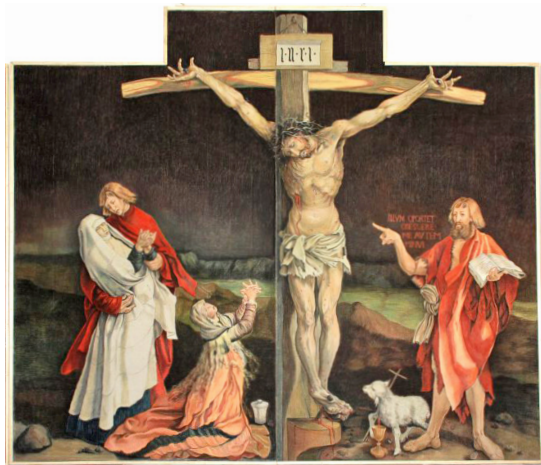
Ерунда. Полная и абсолютная глупость. Это и есть проповедь.

Но когда проповедник получает благодать, чтобы иметь возможность проповедовать собранию по тексту, чтобы присутствие Христа стало видимым, тогда применяются другие описания:

Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше (Еф. 3:20).

Мудрость, абсолютная и совершенная мудрость! Это и есть проповедь.

ПРИМЕР ПРОПОВЕДИ: «Вот Агнец Божий...!» (Ин. 1:19-34)

Известный художник Маттиас Грюневальд однажды нарисовал трогательную картину распятия на алтаре больницы аббатства в Изенхайме. В этой картине руки играют важную роль. Например, есть протянутые, молящиеся руки Марии Магдалины, а также руки Марии, матери Иисуса. Есть руки Евангелиста Иоанна, держащие Марию, и, конечно же, есть гротескные, искривленные руки Распятого, прибитые гвоздями к деревянному кресту. Руки Иоанна Крестителя также бросаются в глаза. Одной рукой он сжимает книгу, вероятно, библейский пергамент, а другой указывает на распятого. Его указательный палец заметно велик, на самом деле больше, чем в жизни. Приходит чувство, что все его тело находится за этим пальцем или, скорее, внутри него. В этом пальце заключена его сущность, его характер, да, вся его личность как Крестителя: указать на Агнца Божьего как на Того, Кто берет на себя грехи мира

Идентичность. Как много эта концепция обсуждается в наше время, а также в церкви! Кто или что такое церковь и какую роль она должна, например, играть в нашей стране? В чем наше призвание и в чем заключаются наши высшие приоритеты? Какова роль прихожан и общин, церковных советов и служителей?

Конечно, мы не первые, кто задает эти вопросы. Дитрих Боннхейфер, например, спрашивает из своей тюремной камеры: *действительно ли я такой, как обо мне говорят другие люди? Или я просто то, что я знаю о себе? Конечно, он пошел дальше, спросив: являюсь ли я, в конечном счете, тем, что Бог знает и говорит обо мне? Да, кто я такой перед Богом?*

В этой связи наш текст предлагает важный ответ; на самом деле он рисует картину перед нашими глазами. Иоанн Креститель проповедует в Израиле, провозглашая, что грозный Божий суд приблизился и что топор уже рубит корни дерева. Он идет со своей веяльной лопатой в руках, чтобы обмолотить все зерно. Он соберет пшеницу в свой амбар, но плевелы сожжет в неугасимом огне (Мф. 3:1-12). Как посредник, фигура-мост, Иоанн Креститель стоит там, одной ногой все еще в мире Ветхого Завета, но другой уже в Новом.

Он настолько знаменит, что Синедрион в Иерусалиме посылает официальную делегацию, чтобы выяснить его личность. Они кружат вокруг него, бомбардируют его одним вопросом за другим:

«Кто ты?»

«Я не Христос»

«Ты Илия?» (некоторые верили, что Илия воскреснет, чтобы стать предтечей Мессии).

«Нет, это не так».

«Значит, ты и есть Пророк?» (Мы не знаем, о каком мессинском предтече идет речь.)

«Нет!»

Иоанн Креститель делает три шага назад, выставляя на свет Христа. Особенно примечателен его первый ответ. На самом деле он вообще не отвечает на заданный ему вопрос. Они спросили его: «Кто ты?» Он отвечает отрицательно: «Я не Христос». Этот ответ имеет огромное значение для церкви. Мы часто переступаем свои границы; мы тщеславны и горды. Мы часто действуем так, как будто суд Христа – это наш суд, как будто мы, церковь, контролируем Царство Христа, как будто

мы являемся главным действующим лицом в драме Божьего плана спасения. Мы часто переигрываем: мы можем думать, что указываем на Христа, когда на самом деле только осуждающе машем пальцем в направлении мира.

Лютер настолько глубоко осознал эту человеческую тенденцию, что начал свою проповедь на эти стихи именно таким образом:

Каждый из нас по своей природе хочет быть Христом. Эта ересь так глубоко укоренилась в нас, что ни одно человеческое сердце не может освободиться от нее, потому что вся наша природа наполнена и отравлена этим желанием... Человеческая природа возражает против того, чтобы быть полностью нагой и зависеть только от Христа, чтобы строить только на основании Христа без наших собственных дел или мудрости ...Это высшее искусство, чтобы человек не предавал Христа, а исповедовал Его, потому что эта природная чума настолько присуща нам, что каждый хочет быть Христом. Да, мы все страдаем от того, что хотим быть Христом, то есть Тем, кто может помочь и изменить меня... По этой причине было написано Евангелие: все, кто хочет быть истинными христианами, должны научиться этому искусству как можно лучше - не быть самим Христом.

«Я не Христос», – заявляет Иоанн Креститель и таким образом определяет свою идентичность. Возможно, я мог бы перефразировать его ответ следующим образом:

Я не Тот, по кому ты так тоскуешь. Я не Спаситель; у меня нет ни слов вечной жизни, ни ответов на вопросы твоей жизни. Я не являюсь решением твоих проблем, не предлагаю смысла жизни, не чиню то, что сломано. Я не могу освободить тебя от твоего греха, не могу взять твою вину на себя и не могу объявить тебя оправданным. Если ты обращаешься ко мне за этим, ты ошибся адресом. Адрес там – вот Агнец Божий, который берет на себя грехи мира!

В словах Иоанна тройное отрицание, тройное «нет»! Тем не менее, это также больше, чем просто тройное подчеркивание скромности Крестителя, больше, чем простое отрицание того, кем он не является. Это скорее обозначение, указание на Того, Кто есть. Но если вы сейчас последуете в том направлении, в котором указывает палец Крестителя, у вас может перехватить дыхание. Потому что, что ты видишь? Человек из Назарета, Иисус, Тот, Кто, с исторической точки зрения, родился из чрева Марии. Он называется: Агнец Божий. Это название резюмирует всю тайну Евангелия. Иисус Христос, Агнец, открывает нам полное содержание Царства. Он Сам есть Царство Божие, источник и гарантия, начало и конец этого Царства. И вот Он стоит перед нами! Тот, кто приходит, чтобы раскрыть и осуществить суд Божий, кто стоит с топором в руке, готовый поразить корни дерева, и кто держит в руках лопату для веяния, чтобы обмолотить все зерно ... это Агнец! Тот, в чьих руках топор и лопата, – это Тот, чьи руки висят скрюченными, пригвожденными к кресту!

В этом, в Нем, заключена надежда для нашего мира: Тот, кто открывает наши грехи, – это и Тот, Кто забирает их; Тот, кто судит, – это и Тот, кто принимает этот суд на Себя. Да, в этом Агнце заключена надежда для всех людей на этой земле, для людей нашего континента, нашей страны, наших городов и поселков, для каждого из нас.

В этом также заключается *идентичность церкви*: указывать на Него, провозглашать и прославлять Его, и только Его. Вот что и кто мы есть: полные надежды, палец, указывающий вперед... по направлению к Нему. Мы – Божьи создания, да, новые творения, которые свидетельствуют о благодати Божьей, о Христе. Все линии ведут к Нему, и все лучи света исходят от Него. Он является содержанием бытия церкви, нашей проповеди и богословия. На самом деле, Павел утверждает, что в этом суть его служения: ибо мы проповедуем не самих себя; мы проповедуем Иисуса Христа как Господа, а себя как слуг ради

Иисуса (2 Кор. 4:5). Вспоминаются первые слова Сперджена с кафедры «Столичной скинии» в Лондоне, где он служил в течение многих лет:

Я бы предложил, чтобы предметом служения в этом доме, пока будет стоять эта кафедра и пока этот дом будут посещать поклоняющиеся, была личность Иисуса Христа. Я никогда не стыжусь признавать себя кальвинистом; я без колебаний беру имя баптиста; но если меня спрашивают, каково мое вероучение, я отвечаю: «Это Иисус Христос»... Наследие, к которому я бы привязал и связал себя навсегда, да поможет мне Бог, – это Иисус Христос, который сила и суть Евангелия, который Сам по Себе является всей теологией, воплощением каждой драгоценной истины.

Или вспомните исповедание Мартина Лютера, которое он часто повторял: *проповедовать не что иное, только Иисуса Христа...*

В этом и заключается тайна идентичности церкви. Мы не должны, не можем быть ничем иным, кроме того, что мы есть. ***Рука, указующий перст, свидетель...***

Независимо от того, находимся ли мы на встрече или на богослужении; пьем ли мы чашку чая или посещаем молитвенное собрание, это должно быть услышано: *вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира.*

Когда мы обращаемся к миру и закатываем рукава, чтобы решить окружающие нас проблемы, бедность, нужду и страдания, протягивание наших рук в помощи должно также быть указующим перстом и восклицанием: *вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира!* Только по отношению к этому мы должны мерить все наши суждения и предубеждения, наше планирование и структурирование, наше рвение к обновлению и нашу верность традициям: *вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира.*

Рука, указующий перст, уста..., выражающие живой голос Евангелия.

Задания:

1. Оцените эту проповедь, используя Гейдельбергский метод (см. страницу 156).

2. Филипс Брукс сказал, что проповедь – это передача божественной истины через человеческую личность. Почему голос проповедника так важен?

3. Говорят, что каждая птица должна петь свою песню. Почему проповедникам следует помнить эту важную истину?

4. Какие аспекты голоса проповедника не подлежат обсуждению, когда мы готовим и читаем проповедь во славу Божью?

5. Обсудите связь между молитвой, честностью и проповедью.

6. Говорят, что у человека либо есть творческие способности, либо нет. Так ли это? Назовите основные аспекты креативности.

7. Какие шаги предлагаются для творческой подготовки проповеди?

8. Какие рекомендации даются для проповедования с воображением?

9. Проанализируйте примеры проповедей, которые не соответствуют критериям относительно голоса проповедника, обсуждаемым в этой главе. Определите теологические возражения, выдвинутые против этих проповедей, и предложите возможные решения.

Библиография

- Aalders, W. 1976. Herman Friedrich Kohlbrügge. Zijn leven, zijn prediking, zijn geschriften. Den Haag: JN Voorhoeve.
- Adam, A. K. M. 1995. What is postmodern Biblical criticism? Minneapolis: Fortress Press.
- Anderson, W. T. (Ed) 1995. The truth about truth. De-confusing and re-constructing the postmodern world. New York: Tarcher/ Putnam Books.
- Arens, H.; Dannowski, H. H. 1979. Predigten, die handeln helfen. Modelle für appellatives Reden. Gütersloher Verlagshaus Gerd Mohn.
- Austin, J. L. 1972. Zur Theorie der Sprechakte. Stuttgart: Reclam.
- Babin, P. 1991. The new era in religious communication. Minneapolis: Fortress Press.
- Bailey, R. 1991. Paul the preacher. Nashville: Broadman Press.
- Barié, H. 1977. Praktische Erfahrungen mit Rudolf Böhrens Predigtlehre. Ev. Th. 37 Jahrgang.
- Barth, K. 1924. Der Römerbrief 4 Aufl. München: Kaiser.
- Barth, K. 1924. Not und Verheissung der Christlichen Verkündigung (Das Wort Gottes und die Theologie. Gesammelte Vorträge). München: Kaiser.
- Barth, K. 1924. Das Wort Gottes und die Theologie. Gesammelte Vorträge. München: Kaiser.
- Barth, K. 1935. Evangelium und Gesetz. Th. Ex. h. 32.
- Barth, K. 1947. Kirchliche Dogmatik 1/1. Zürich: Evangelischer Verlag Zollikon.
- Barth, K. 1957. Church dogmatics 2/2. Edinburgh: T & T Clark.
- Barth, K. 1958. Church Dogmatics 4/2. Edinburgh: T & T Clark.

- Barth, K. 1964. Prayer and preaching. London: SCM Press Ltd.
- Barth, K. 1969. Kirchliche Dogmatik IV/3. Zürich: Evangelischer Verlag Zollikon.
- Barthes, R. 1974. Die Lust am Text. Frankfurt: Suhrkamp Verlag.
- Bastian, H. D. 1968. Vom Wort zu den Wörtern. Karl Barth und die Aufgaben der Praktischen Theologie. Ev. Th. 28 Jahrgang.
- Bauman, Z. 1993. Postmodern ethics. Cambridge, Mass.: Blackwell.
- Bauman, Z. 1995. Life in fragments. Oxford: Blackwell.
- Bavinck, J. H. 1957. Exegese en Preek. Geref. T. T. Jaargang 57.
- Bellah, R. N. e.a. 1991. The good society. New York: Vintage Books.
- Bennet, W. J. 1993. The book of virtues. New York: Simon & Schuster.
- Berkhof, H. 1975. Der Vorschuss des Geistes. Aktuelle Tendenzen in der Pneumatologie. Ev. Kom. 8 Jahrgang.
- Berkouwer, G. C. 1949. Geloof en heiliging. Kampen: J. H. Kok.
- Berkouwer, G. C. 1957. De mens het beeld Gods. Kampen: J. H. Kok.
- Berkouwer, G. C. 1975. Studies in Dogmatics. Holy Scripture. Grand Rapids, Michigan: Eerdmans.
- Bluck, J. 1989. Christian Communication Reconsidered. Geneva: WCC Publications.
- Bohren, R. 1963. Predigt und Gemeinde. Beiträge zur Praktischen Theologie. Stuttgart: Zwingli.
- Bohren, R. 1966. Die Gesetzlichkeit in der Predigt. (In Laienfrage und Predigt) Bern, 33-51.
- Bohren, R. 1973. Fasten und Feiern. Meditationen über Kunst und Askese. Neukirchener Verlag.
- Bohren, R. 1974. Predigtlehre. München: Kaiser.
- Bohren, R. 1975. Dass Gott schön werde. Praktische Theologie als theologische Ästhetik. München: Kaiser.
- Bohren, R. 1981. Vom Heiligen Geist. 5 Betrachtungen. München: Kaiser.
- Bohren, R. 1988. Das Ich in der Predigt. Konsequenzen für den Lektorendienst. In Das missionarische Wort 3/88, 98-107.

- Bohren, R. 1991. Predigen zum Weitersagen. Predigerausbildung in Kirche und Universität. Referat am 8.2.1991 bei der Generalversammlung des Ökumenischen Vereins zur Förderung der Predigt e.V. Nr. 9/10.
- Bohren, R. 1993. Einheit und Zerissenheit der Kirche – Macht und Ohnmacht ihrer Predigt. Ev. Th. 53.
- Bohren, R. 1996. Praktische Theologie als Wissenschaftskritik. Anmerkungen zu Günter Grass: “Über das Sekundäre aus primärer Sicht”. (in Predigen aus Leidenschaft). Karlsruhe: Verlag Evangelischer Presseverband für Baden e. V.
- Bohren, R. / Jorns, K. P. 1989. Die Predigtanalyse als Weg zur Predigt. Tübingen: Francke Verlag.
- Bonhoeffer, D. 1955. Ethics. London: SCM Press.
- Bos, R. 1992. Identificatie-mogelijkheden in preken uit het Oude Testament. Kampen: J. H. Kok.
- Bos, R. 1999. Literatuur bij de preekvoorbereiding (uit: Postille 1999-2000) Zoetermeer: Uitgeverij Boekencentrum.
- Brecht, M. 1986. Martin Luther. Ordnung und Abgrenzung der Reformation 1521-1532: Stuttgart.
- Brillenburger-Wurth, G. 1934. De Christelijke vrijheid. Kampen: J. H. Kok.
- Brooks, P. 1964. On Preaching. New York: Seabury.
- Brown, R. M. 1984. Unexpected News. Reading the Bible with Third World eyes. Philadelphia: Westminster Press.
- Brueggemann, W. 1978. Prophetic imagination. Philadelphia: Fortress Press.
- Brueggemann, W. 1988. The social nature of a Biblical text for preaching. (In: Preaching as a social act. Theology and practice. Van Seters Ed) Nashville: Parthenon Press.
- Brueggemann, W. 1989. Finally comes the poet. Daring speech for proclamation. Minneapolis: Fortress Press.
- Brueggemann, W. 1993. Texts under negotiation. The Bible and postmodern imagination. Minneapolis: Fortress Press.

- Brueggemann, W. 1993. *The Bible and Postmodern Imagination – texts under negotiation*. London: SCM Press.
- Brueggemann, W. 1995. Preaching as re-imagination. *Theology Today* 52, 313-329.
- Brueggemann, W. 1997. *Cadences of Home. Preaching among Exiles*. Louisville: John Knox Press.
- Buechner, F. 1977. *Telling the Truth. The Gospel as Tragedy, Comedy and Fairy Tale*. San Francisco: Harper and Row.
- Bugg, C. B. 1992. *Preaching from the inside out*. Nashville, Tennessee: Broadman.
- Burger, C. W. 1983. Die verhouding wet-evangelie as hermeneuties-homiletiese prinsipe by Hans-Joachim Iwand. Ongepubliseerde D. Th.-proefskrif: Universiteit van Stellenbosch.
- Burger, C. W. 1996 e.a. *Riglyne vir prediking oor die Christelike deugde*. Woord teen die lig 3/4 Kaapstad: Lux-Verbi.
- Buttrick, D. 1987. *Homiletic: Moves and structures*. Philadelphia: Fortress.
- Campbell, C 1997. *Preaching Jesus. New Directions for Homiletics in Hans Frei's Postliberal Theology*. Grand Rapids: Eerdmans.
- Capps, D. 1987. *Deadly sins and saving virtues*. Philadelphia: Fortress.
- Cilliers, J. 1992. Prediking as ekklesiale diskoers: 'n ontwerp. *NGTT* 33/3. 383-390.
- Cilliers, J. 1994. God vir ons. 'n Analise en beoordeling van Nederduitse Gereformeerde volksprediking (1960-1980). Kaapstad: Lux Verbi.
- Cilliers, J. 1994. Pneumatologie en metodologie: 'n homiletiese perspektief. *NGTT* 35/2. 251-255.
- Cilliers, J. 1994. Prediking as resepsie-estetika: 'n verkenning. *NGTT* 35/4. 583-588.
- Cilliers, J. 1995. *Om God te sien... selfs in die kleinste besonderheid van jou lewe*. Vereeniging: Christelike Uitgewersmaatskappy.
- Cilliers, J. 1996. *Die uitwissing van God op die kansel. Onstellende bevindinge oor Suid-Afrikaanse prediking*. Kaapstad: Lux Verbi.

- Cilliers, J. 1997. Sal die regte Jesus opstaan, asseblief? 52 Bybelse getuienisse oor die uniekheid van Christus. Vereeniging: Christelike Uitgewersmaatskappy.
- Cilliers, J. 1998. Die uitwysing van God op die kansel. Inspirerende perspektiewe op die prediking – om God te sien en ander te laat sien. Kaapstad: Lux Verbi.
- Cilliers, J. 1998. Korrels van die Koninkryk. Grepe uit die gelykenisse van Jesus. Pretoria: JL van Schaik.
- Cilliers, J. 1998. Veilig onder God se vlerk. Woorde van verwondering en vertroosting uit die Psalms. Vereeniging: Christelike Uitgewersmaatskappy.
- Cilliers, J. 2000. Die genade van gehoorsaamheid. Hoe evangelies is die etiese preke wat ons in Suid-Afrika hoor? Kaapstad: Lux Verbi BM.
- Cilliers, J. H. 1979. Veni Creator Spiritus. 'n Homileties-sistematiese besinning oor die belang van die Reformatore, Karl Barth, Rudolf Bultmann en Rudolf Bohren vir die pneumatologies-begronde preekleer. Ongepubliseerde M-Skripsie: Universiteit van Stellenbosch.
- Cilliers, J. H. 1982. Soos woorde van God. Ontwerp van 'n preekanalitiese model. Ongepubliseerde D. Th.-proefskrif: Universiteit van Stellenbosch.
- Cilliers, J. H. 1990. Meer as mossies. Oordenkings en Bybelstudie oor die Onse Vadergebed (Matt. 6:9-13). Kaapstad: Lux Verbi.
- Cilliers, J. H. 1991. Voorskrif vir vryheid. Oordenkings en Bybelstudie oor die tien gebooie. Kaapstad: Lux Verbi.
- Cilliers, J. H. 1996. Daar is 'n God vir gebrokenes. Vereeniging: CUM.
- Cilliers, J. H. 1999. In die greep van God. Sewe ankers van sekerheid vir die derde millennium. Vereeniging: CUM.
- Cox, H. 1969. The feast of fools. A theological essay on festivity and fantasy. London: Harper and Row.
- Craddock, F. B. 1971. As One without Authority. Abingdon Press: Nashville.

- Craddock, F. B. 1978. Overhearing the gospel. Nashville: Abingdon Press.
- Craddock, F. B. 1985. Preaching. Nashville: Abingdon.
- Cranfield, C. E. B. 1974. The freedom of the Christian according to Romans 8:2. New Testament Christianity for Africa and the world (Essays for H Sawyer). SPCK, 91-98.
- Croatto, J. S. 1987. Biblical Hermeneutics: Toward a theory of reading as the production of meaning. Maryknoll, New York: Orbis Books.
- Crossin, J. W. 1985. What are they saying about virtue? New York: Paulist Press.
- Cussons, S. 1997. 'n Engel deur my kop. 'n Keuse uit haar religieuse gedigte deur die digter en Amanda Botha. Kaapstad: Tafelberg.
- Daiber, K. F. e.a. 1983. Predigen und Hören. Ergebnisse einer Gottesdienstbefragung 2. Kommunikation zwischen Predigern und Hörern. Sozialwissenschaftliche Untersuchungen. München: Kaiser.
- De Bono, E. 1990. Lateral Thinking. Penguin.
- De Graaf, J. 1971. De Ethiek van het Immoralisme. Nijkerk.
- De Jong, O. J. 1972. Nederlandse Kerkgeschiedenis. Nijkerk: Callenbach.
- De Quervain, A. 1930. Gesetz und Freiheit. Stuttgart.
- De Ru, G. 1967. Over vrijheid. Wageningen: H Veenman en Zonen.
- Deist, F. 1988. 'Gekontroleerde' eksegeese en/of 'kreatiewe' uitleg. HTS 44/1, 39-54.
- Den Boer, C. 1974. Functie van de Wet in de Prediking. Th. Ref., 251-261.
- Den Dulk, M. 1999. Leren preken met Augustinus. (uit: Postille 1999-2000) Zoetermeer: Uitgeverij Boekencentrum.
- Dijk, K. 1952. Het Gericht Gods in de Prediking des Woords. Van Keulen: Delft.
- Dingemans, G. D. J. 1991. Als hoorder onder de hoorders... Een hermeneutische homiletiek. Kampen: J. H. Kok.
- Dingemans, G. D. J. 1996. Preken in een postmoderne konteks. In: Prediking. Kommunikasie in konteks. Voortrekkerhoogte: Makro Boeke.
- Dostojewski, F. 1959. Die Brüder Karamasoff. München: Piper.

- Douma, J. 1973. Voorbeeld of gebod? Amsterdam.
- Du Preez, J. J. 1991. Neurokognitiewe integrasie in die leerproses. *Per Linguam* 7/1, 25-37.
- Dulles, A. 1988. Models of the church. A critical assessment of the church in all its aspects. Dublin: Gill and Macmillan.
- Eagleton, T. 1996. The illusions of postmodernism. Oxford: Blackwell Publishers Ltd.
- Enquist, R. J. 1980. The living God: A study in the contemporary discussion on law and gospel in Lutheranism. Michigan.
- Everett, W. 1988. God's federal republic. New York: Paulist Press.
- Farris, S. 1998. Preaching that Matters. The Bible and Our lives. Louisville: Westminster/John Knox.
- Ford, D. S. 1990. Sins of omission. Minneapolis, Minn.: Fortress.
- Forde, G. O. 1969. The Law-Gospel Debate. Minneapolis.
- Fowl, SE/Jones, LY 1991. Reading in communion. Scripture and Ethics in Christian life. London: SPCK.
- Fuller, D. P. 1980. Gospel and Law: Contrast or Continuum. Grand Rapids.
- Gadamer, H. G. 1960. Wahrheit und Methode. Tübingen.
- Geyer, H. G 1978. Wahre Kirche? Betrachtungen über die Möglichkeit der Wahrheit einer christlichen Kirche. *Ev. Th.* 38 Jahrgang.
- Gollwitzer, H. 1956. Zur Einheit von Gesetz und Evangelium. (In Antwort. Festschrift für Karl Barth.) Zollikon-Zürich, 287-309.
- Graves, M 1997. The Sermon as Symphony. Preaching the literary forms of the New Testament. Pasadena: Judson.
- Green, G. 1989. Imagining God. Theology and the Religious Imagination. New York: Harper and Row.
- Greidanus, S. 1970. Sola Scriptura. Problems and principles in preaching historical texts. Toronto: Wedge Publishing Foundation.
- Halver, O. 1970. Hoppereiter mit dem lieben Gott. Stuttgart: Radius.
- Harbsmeier, G. 1972. Pneumatische Homiletik. Zur Predigtlehre von Rudolf Bohren. *Ev. Th.* 32 Jahrgang.
- Hasselmann, N. 1977. Predigthilfen und Predigtvorbereitung. Gütersloher Gerd Mohn.

- Hauerwas, S. 1981. A community of character. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Hauerwas, S. 1983. The peaceable kingdom. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Hauerwas, S. 1985. The gesture of a truthful story. Th. Today 42/1985: 181-189.
- Hesse, H. K. 1935. Herman Friedrich Kohlbrügge. Wuppertal-Barmen: Emil Müllers Verlag.
- Hilkert, M. C. 1998. Naming Grace. Preaching and the sacramental Imagination. New York: Continuum.
- Hillman, J. 1979. Insearch. Irving, Texas: Spring.
- Hoffmann, M. 1995. Ethik predigen: Probleme, Modelle, Beispiele. Waltrop: Spinner.
- Holmgren, F. C. 1997. The Old Testament and the Significance of Jesus. Maintaining Christian Identity. Grand Rapids/Michigan: Eerdmans.
- Iser, W. 1976. Der Akt des Lesens. Theorie ästhetischer Wirkung. München: UTB.
- Iwand, H J 1964. Gesetz und Evangelium. Nachgelassene Werke 4. München: Kaiser.
- Jabusch, W. F. 1981. The person in the pulpit. Preaching as caring. Nashville: Abingdon Press.
- Janse van Rensburg, J 1991. 'n Kritiese ontleding van moralisme in die prediking. Ongepubliseerde D. Th. Proefskrif: Universiteit van die Oranje-Vrystaat.
- Janse van Rensburg, J. 2000. The paradigm shift. An introduction to postmodern thought and its implications for theology. Pretoria: Van Schaik.
- Jonker, E. 1998. Van verstaan naar vertolken. Een praktisch-theologische analyse van de voorbereiding van een preek of catechese over de Openbaring van Johannes. Groningen: Self uitgegee.
- Jonker, W. D. 1976. Die Woord as opdrag. Pretoria: NG Kerk-Boekhandel.
- Josuttis, M. 1966. Gesetzlichkeit in der Predigt der Gegenwart. München: Gütersloh.

- Josuttis, M. 1970. Über den Predigteinfall. Ev. Th. 30, 627-640.
- Josuttis, M. 1973. Das Wort und die Wörter: zur Kritik am Predigtverständnis Karl Barths (in Freispruch und Freiheit: theologische Aufsätze für Walter Kreck.) München: Kaiser.
- Josuttis, M. 1980. Praxis des Evangeliums zwischen Politik und Religion. München: Kaiser.
- Josuttis, M. 1995. Gesetz und Evangelium in der Predigtarbeit. Homiletische Studien 2. Chr. Kaiser Gütersloher Verlagshaus.
- Kamphaus, F., Zeffass, R. 1977. Ethische Predigt und Alltagsverhalten. Kaiser-Grünewald.
- Kearny, R. 1988. The wake of imagination. Ideas of creativity in Western Culture. London: Hutchinson.
- Kerlen, W. 1976. Gespräch über die Predigt. Die Einrichtung der Predigtkritik in der Gemeinde. Das Miss. Wort.
- Klijn, A. F. G. 1974. Gebod en zedelijk handelen volgens het Nieuwe Testament. Rondom het Woord 16, 109-120.
- Konrad, J.. 1973. Sozialethische Themen auf der Kanzel: grundlegende Erwägungen, kommentierte Modelle, eigene Entwürfe. Hamburg: Agentur des Rauhen Hauses.
- Kreck, W 1975. Grundfragen christlicher Ethik. München: Kaiser.
- Kress, G. R., Hodge, R. 1979. Language as Ideology. London: Routledge and Kegan Paul.
- Labuschagne, C. G. 1974. Gebod en zedelijk handelen. Rondom het Woord 16, 95-108.
- Landau, E. 1969. Psychologie der Kreativität. München: Basel.
- Landau, R. 1981. "Komm, Heiliger Geist, du Tröster wert ..." Gestaltungen des Heiligen Geistes. Ev. Th. 41 Jahrgang.
- Lange, E. 1976. Predigen als Beruf. Stuttgart: Kreuz Verlag.
- Langer, S. K. 1980. Philosophy in a new key. A study in the symbolism of reason, rite and art. Cambridge: Harvard University Press.
- Lewis, C. S. 1955. Mere Christianity. Glasgow: Collins.
- Linn, R. 1996. A teacher's introduction to postmodernism. Illinois: National Council of Teachers of English.

- Lloyd-Jones, D. M. 1976. *Preaching and preachers*. London: Hodder and Stoughton.
- Long, E. L. 1982. *A survey of recent Christian ethics*. New York: OUP.
- Long, T. G. 1990. The use of Scripture in Contemporary Preaching. In *Interpretation* 44, 341-352.
- Long, T. G. 1989. *The witness of preaching*. Louisville, Kentucky: Westminster/John Knox.
- Long, T. G. 1996. *Preaching and the literary forms of the Bible*. Philadelphia: Fortress.
- Louw, D. 2001. Creative hope and imagination in a Practical Theology of aesthetic (artistic) reason. 4th International Academy of Practical Theology. Quebec International Conference, Canada, 14-20 May 1999. In: Paul Ballard & Pam Couture (eds.), *Creativity, imagination and criticism: the expressive dimension in Practical Theology*. Cardiff: Cardiff Academic Press, 91-104.
- Lowry, E. L. 1980. *The homiletical plot: The sermon as narrative art form*. Atlanta: John Knox.
- Lowry, E. L. 1985. *Doing time in the pulpit. The relationship between narrative and preaching*. Nashville: Abingdon Press.
- Lowry, E. L. 1995. Narrative preaching. In Willimon, W. and Lischer, L. (eds) *Concise encyclopedia of preaching*: 341-344. Louisville: John Knox Press.
- Lukken, G. 1990. *Liturgie en Zintuiglijkheid. Over de betekenis van lichamelijkheid in de liturgie*. Hilversum: Gooi en Sticht.
- Lüthi, W. 1950. *Die Zehn Gebote Gottes*. Basel: Friedrich Reinhardt Verlag.
- MacIntyre, A. 1984. *After virtue*. Notre Dame: University of Notre Dame Press (second edition).
- Martin, G. M. 1977. *Theologische Ästhetik und Praktische Theologie*. Ev. Th. 37 Jahrgang.
- Martindale, C. 1981. *Cognition and Consciousness*. Dorsey Press. Homewood-Illinois.
- McClure, J. 1991. Narrative and Preaching: Sorting it all out. *Journal for Preachers* 15:24-29.

- McClure, J. 1995. The roundtable pulpit. Where leadership and preaching meet. Nashville: Abingdon.
- McAfee Brown, R. 1984. Unexpected News. Reading the Bible with Third World Eyes. Philadelphia: Westminster.
- McClendon, J. W. 1986. Systematic theology: ethics. Nashville: Abingdon Press.
- McLaughlin, R. W. 1979. The ethics of persuasive preaching. Grand Rapids, Michigan: Baker Book House.
- Meeks, W. 1983. The first urban Christians. New Haven: Yale University Press.
- Meeks, W. 1993. The origins of Christian morality. New Haven: Yale University Press.
- Meilaender, G. C. 1984. The theory and practice of virtue. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Merton, T. 1977. Raids on the unspeakable. London: Burns and Oates.
- Meuser F. W. (Ed) 1969. Interpreting Luther's Legacy. Minneapolis: Augsburg.
- Meuser F. W. 1983. Luther the preacher. Minneapolis: Augsburg.
- Mieth, D. 1984. Die neue Tugenden: Ein ethischer Entwurf. Düsseldorf: Patmos-Verlag.
- Milk, O. s.j. Martin Luther. Sy lewe en werk. Genadendal: Genadendalse drukkerij.
- Miskotte, K. H. 1941. Het Waagstuk der Prediking. Den Haag: DA Daamen's.
- Miskotte, K. H. 1971. Om de waarheid te zeggen. Kampen: J. H. Kok.
- Miskotte, K. H. 1976. ... als een die dient. Volledige uitgave van het 'Gemeenteblaadje Cortgene'. Baarn: Ten Have.
- Möller, C. 1996. Der Hörer als zweiter Prediger. Zur Bedeutung der Rezeptionsästhetik für die Homiletik (in Predigen aus Leidenschaft). Karlsruhe: Verlag Evangelischer Presseverband für Baden e. V.
- Moltmann, J. 1971. Theology and joy. London: SCM Press Ltd.
- Moltmann, J. 1974. Freedom in the light of hope. J Th SA 6.
- Moltmann, J. 1975. Kirche in der Kraft des Geistes. Ein Beitrag zur Messianischen Ekklesiologie. München: Chr. Kaiser Verlag.

- Moullé, C. F. D. 1981. The Christian understanding of law and grace. *Christian-Jewish Relations* 14, 52-61.
- Mouw, R. J. 1992. *Uncommon decency: Christian civility in an Uncivil World*. Downers Grove, Illinois: Intervarsity Press.
- Moyaert, P. (Ed) 1981. Jacques Lacan: Begeerte – taal – subjectiviteit. In *Denken in Parijs*. Alphen aan den Rijn: Samson Uitgeverij.
- Müller, B. A. 1961. Die lewende Woord aan die mens van die hede. 'n Bespreking van die vroeë rondom die aktuele Woordverkondiging. Zaandijk: J Heijnis Tsz.
- Müller, B. A. 1973. Die eksegetiese onderbou van die struktuur van die prediking, in PA Verhoef (red.). *Sol Iustitiae*. Kaapstad: NG Kerk-Uitgewers, 121-138.
- Müller, B. A. 1987. *Tendense in Afrikaanse Godsdiens Programme*. Stellenbosch: RGN Navorsingsprojek.
- Müller, B. A. 2002. Liturgical and homiletical revisioning to generate hope for a just society. In *Divine Justice – Human Justice*. Ed. Dreyer, J. S.; Van der Ven, J. A. Pretoria: Unisa Press.
- Müller-Schwefe, H. R. 1973. *Die Praxis der Verkündigung. Möglichkeiten geistlicher Rede in unserer Zeit*. Hamburg: Im Furche-Verlag.
- Naumann, M. 1975. *Gesellschaft Literatur Lesen. Literaturrezeption in theoretischer Sicht*. Berlin: Aufbau Verlag.
- Nel, M. 2001. *Ek is die verskil. Die invloed van persoonlikheid in die prediking*. Bloemfontein: CLF – Uitgewers.
- Nembach, U. 1972. *Predigt des Evangeliums*. Neukirchen-Vluyn.
- Neuhaus, R. J. (ed) 1986. *Virtue – public and private (Encounter Series)* Grand Rapids: Eerdmans.
- Niebergall, A. 1971. *Aufgabe der Predigt* (ed. Gert Hummel), 295-320.
- Niebuhr, H. R. 1941. *The meaning of revelation*. Collier Books: New York.
- Noordmans, O. 1937. *Zoeklichten*. Zeist.
- Nürnberg, K. 1981. The Law-Gospel debate as a possible basis for a theological ethic. *Th. Ev.* 14, 25-47.

- Odendaal, D. H. 1978. Prediking van die Wetsgedeeltes in die Ou Testament. NGTT 19, 163-183.
- Osborne, G. R. 1999. Christianity challenges postmodernism. In: The relationship between epistemology, hermeneutics, Biblical theology and contextualization. Understanding truth. (Ed. Kennard, DW). Lewiston: The Edwin Mellen Press.
- Paivio, A., Foth, D. 1971. Imaginal and verbal mediation and noun concreteness in paired-associate learning: The illusive interaction. Journal of verbal learning and verbal behavior, 9, 384-390.
- Patte, D. 1984. Preaching Paul. Philadelphia: Fortress Press.
- Percy, W. 1979. The Message in a Bottle. New York.
- Peters, A. 1981. Gesetz und Evangelium. Gütersloh.
- Peterson, E. H. 1992. Under the Unpredictable Plant. An Exploration in Vocational Holiness. Grand Rapids, Michigan: Eerdmans.
- Peterson, E. H. 1995. Working the angles. The shape of pastoral integrity. Michigan: Eerdmans.
- Picht, G. 1980. Hier und Jetzt. Philosophieren nach Auschwitz und Hiroshima. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Pieper, J. 1966. The four cardinal virtues. Notre Dame: University of Notre Dame Press.
- Pieterse, H. J. C. 1991. Gemeente en Prediking. NGKB.
- Pilch, J. J., Malina B. J. 1993. Biblical social values and their meaning: a handbook. Peabody, Mass.: Hendrickson.
- Porter, J. 1990. The recovery of virtue: The relevance of Aquinas for Christian Ethics. Louisville, Kentucky: Westminster/John Knox Press.
- Raible, W. 1989. Christliches Ethos und gottesdienstliche Verkündigung: Überlegungen zum Selbstverständnis ethischer Predigt. Frankfurt am Main: Lang.
- Rasmussen, L. 1993. Moral fragments and moral community. Minneapolis: Fortress Press.
- Ridderbos, H. N. Vrijheid en wet in Galate. Arcana Revelata.
- Ridderbos, J. 1922. Het Oude Testament in onze prediking. Kampen: J. H. Kok.

- Riegert, E. R. 1990. *Imaginative Shock. Preaching and Metaphor*. Burlington: Trinity Press.
- Rose, L. 1997. *Sharing the Word: Preaching in the roundtable church*. Louisville, KY: Westminster/John Knox.
- Ross-Bryant, L. 1981. *Imagination and the life of the Spirit: an introduction to the study of religion and literature*. Chico: Scholars Press.
- Runia, K. 1981. *Heeft preken nog zin?* Kampen: J. H. Kok.
- Saliers, D. 1994. *Worship as Theology. Foretaste of glory divine*. Nashville: Abingdon.
- Schrage, W. 1988. *The ethics of the New Testament*. Philadelphia: Fortress.
- Schreiter, R. J. 1986. *Constructing local theologies*. New York: Orbis.
- Seitz, C. R. 1998. *Word without End. The Old Testament as Abiding Theological Witness*. Grand Rapids/Michigan: Eerdmans.
- Sider, R., Brubaker, D. J. (Eds) 1982. *Preaching on peace*. Philadelphia: Fortress Press.
- Sillevis-Smit, J. H. s.j. *Onse Vader wat in die hemele is*. Johannesburg: Boekhandel De Jong (Edms.) Bpk.
- Smedes, L. B. 1983. *Mere morality*. Grand Rapids, Mich.: Eerdmans.
- Smedes, L. B. 1990. *A pretty good person*. San Francisco: Harper & Row.
- Smelik, E. L. 1967. *De Ethiek in de verkondiging*. Nijkerk: Callenbach.
- Smit, D. J. 1987. *Hoe verstaan ons wat ons lees? 'n Dink – en werkboek oor die hermeneutiek vir predikers en studente*. Kaapstad: NG Kerk-Uitgewers.
- Soskice, J. M. 1985. *Metaphor and religious language*. Oxford: Clarendon Press.
- Stock, A. 1974. *Umgang mit theologischen Texten. Methoden Analysen Vorschläge*. Köln: Benziger Verlag.
- Stott, J. R. W. 1982. *I believe in Preaching*, Hodder and Stoughton: London.
- Stout, J. 1988. *Ethics after Babel*. Boston: Beacon Press.
- Strauss, D. F. M. 1972. *Wet en Evangelie*. NGTT 13/3, 177-193.

- Stuempfle, H. G. 1978. *Preaching Law and Gospel*. Philadelphia.
- Suggit, J. 1974. Freedom to be: Peter Abelard's doctrine of the atonement. *J. Th. S.A.* 8.
- Theron, P. F. 1996. Liberating humour. Calvinism and the comic vision. In *Studies in Reformed Theology Volume 1*, 208-224.
- Thielicke, H. 1965. *Leiden an der Kirche. Ein persönliches Wort*. Hamburg: Furche-Verlag.
- Thomas, D. 1979. *The face of Christ*. London: Hamlyn.
- Tisdale, L. T. 1997. *Preaching as Local Theology and Folk Art*. Minneapolis: Fortress.
- Troeger, T. 1982. *Creating fresh images for preaching*. Valley Forge: Judson.
- Troeger, T. 1987. Homiletics as imaginative theology. *Homiletic XII/ 2*, 27-38.
- Troeger, T. 1990. *Imagining a sermon*. Nashville: Abingdon Press.
- Troeger, T. H. 1999. The landscapes of the heart. How our imagined worlds shape the preaching of the gospel. In *Preaching as God's Mission. Studia Homiletica 2*. Tokyo: Kyo Bun Kwam, 85-95.
- Vaessen, J. C. 1997. Tussen Schrift en preek. Ontwerp van een analysemodel voor de bijbelinterpretatie in preken met gebruikmaking van de tekstuele hermeneutiek van Paul Ricoeur. Kampen: J. H. Kok.
- Van den Berg, J. De wetsprediking in historisch perspectief. *De Thora in de Thora 1. De Graafschap: Aalten*, 30-49.
- Van der Geest, H. 1981. *Presence in the pulpit: The impact of personality in preaching*. Atlanta: John Knox.
- Van der Velden, M. J. G. 1989. *Stimme und Schrift (in Die Predigtanalyse als Weg zur Predigt)* Tübingen: Francke Verlag.
- Van der Walt, P. J. en Du Toit, C. 1999: Vrae oor die "revised common lectionary" as hulpmiddel vir die bediening van die Woord in gemeentes. *PTSA 14/2*: 112-119.
- Van Hoof, P. 1974. *Intermezzo. Kontinuiteit en diskontinuiteit in de theologie van AA van Ruler*. Amsterdam: Ton Bolland.
- Van Melle, J. 1968. *Bart Nel*. Pretoria: JL van Schaik Bpk.

- Van Niftrik, G. C. 1946. *Kleine Dogmatiek*. Nijkerk.
- Van Oort, J. 1989. *Augustinus. Facetten van leven en werk*. Kampen: J. H. Kok.
- Van Oort, J. 1991. *Bediening van het heil. Augustinus over de prediking*. Leiden: Uitgeverij JJ Groen en Zoon.
- Van Ruler, A. A. 1969. *Theologisch Werk. Deel 1*. Nijkerk: Callenbach.
- Van Ruler, A. A. 1972. *Waarom zou ik naar de kerk gaan?* Nijkerk: Callenbach.
- Van Ruler, A. A. 1974. *De vervulling van de wet. Een dogmatische studie over de verhouding van openbaring en existentie*. Nijkerk: Callenbach.
- Van Seters, A. (Ed) 1988. *Preaching as a social act. Theology and practice*. Nashville: Parthenon Press.
- Velema, W. H. 1959. *Wet en evangelie*. Assen.
- Velema, W. H. 1979. *De liefde is de vervulling van de Wet*. (In *Uw Knecht hoort*, red J Kruis). Amsterdam.
- Velema, W. H. 1989. *Ethische vragen in prediking en pastoraat*. Kampen: J. H. Kok.
- Verhey, A. 1984. *The great reversal*. Grand Rapids, Michigan: Eerdmans.
- Villa-Vicensio, C., de Gruchy, J. (eds.) 1994. *Doing ethics in Context: South African Perspectives*. Maryknoll, New York: Orbis Books; Cape Town: David Philip.
- Vos, C. J. A. 1996. *Homiletiese flitse in die hermeneutiese spieël van Paul Ricoeur*, 1 en 2. PTSA 11/1: 58-78.
- Vosloo, R. R. 1995. *Etiëk en die deugde: 'n kritiese ondersoek na aanleiding van die herwaardering van die deugde in morele besinning*. NGTT 36/2, Junie 1995, pp 272-282.
- Wallace, J. A. 1995. *Imaginal preaching. An archetypal perspective*. New York: Paulist Press.
- Ward, R. F. 1992. *Speaking from the heart. Preaching with passion*. Nashville: Abingdon Press.
- Wardlaw, D. M. 1983. *Preaching Biblically*. Philadelphia: The Westminster Press.

- Webb, J. M. 1998. *Preaching and the challenge of Pluralism*. St Louis: Chalice.
- Welsch, W. 1988. *Unsere postmoderne Moderne*. Weinheim: VCH Verlagsgesellschaft mbH.
- Wepener, C. J., Müller, B. A. 2001. Liturgiese kitsch? – 'n Liturgiewetenskaplike verkenning van 'n Gereformeerde ritueel. NGTT 42/3 en 4, 480-493.
- Willson, P. S., Gaventa B. R. 1998. Preaching as the Re-reading of Scripture. In *Interpretation* 52 (4), 392-404.
- Wilson, PS 1988. *Imagination of the heart: New understandings in preaching*. Nashville: Abingdon Press.
- Wilson, P. S. 1995. *The practice of preaching*. Nashville: Abingdon.
- Wolf, A. G. B. 1968. *Vensters in de preek: een pleidooi voor het gebruik van illustraties in de prediking*. Franeker: Wever.
- Yancey, P. 1997. *What's so amazing about grace?* Grand Rapids, Michigan: Zondervan.

Научное издание

Живой голос Евангелия
Учебное пособие

Авторы: Й. Сильерс, А. Нел

Перевод с английского: О. Нел

Редактор: Т. М. Томашевская

Дизайн и верстка: Е. А. Гончарова

Йохан Сильерс родился в 1954 году. Получил богословское образование на теологическом факультете в Университете Стелленбоша, а также в Университете Карла Руппрехта в Гейдельберге, Германия. Профессор Й. Сильерс известен как философ, толкователь Библии, герменевт и художник. Выдающиеся научные достижения ученого многократно были отмечены премиями Стелленбошского Университета.

Именно он познакомил гомилетическое сообщество с гейдельбергским методом анализа проповеди и базовой четырёхчастной структурой (рассматривающей библейский текст, общину, проповедника и присутствие Бога).

Й. Сильерс написал более 40 книг и множество научных статей.

Аннес Нел, родом из ЮАР, получил богословское образование в Университете Стелленбоша: степень бакалавра по древнегреческому и древнееврейскому языкам (BA) и теологии (BTh), магистра по Ветхому Завету (MTh) и доктора (PhD) по систематической теологии. С 1986 года был рукоположен в сан священника Голландской Реформатской Церкви ЮАР и служил в нескольких местных общинах. Также был доцентом кафедры систематической и практической теологии в южноафриканском Университете Зулуленд. В 2007 году переехал в Северную Ирландию, где был пастором в двух приходах Ирландской Пресвитерианской Церкви. В течение нескольких лет преподавал практическую и систематическую теологию в Санкт-Петербургском Христианском Университете в России.

Автор более 20 книг и более 90 статей научного и просветительского характера.

Аннес Нел видит свое призвание в подготовке учеников Иисуса Христа для их служения Царству Божьему.